

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

<http://www.nbrb.by/bv>

1[546] студзень 2012 (спецвыпуск)

МАТЕРИАЛЫ

международной
нумизматической конференции
“Деньги и банки на территории Беларуси:
история и современность”

28—30 сентября 2011 г.

Часть 1

**Приветствие Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь
Н.А. ЕРМАКОВОЙ**

Уважаемые участники конференции, гости нашей страны!

От имени Правления Национального банка и себя лично поздравляю вас с открытием пятой Международной нумизматической конференции “Деньги и банки на территории Беларуси: история и современность”!

В пятый раз в стенах Учебного центра Национального банка собираются специалисты центральных банков Беларуси и соседних стран, ученые, работники музеев, руководители общественных объединений и коллекционеры для обсуждения актуальных вопросов развития денежного обращения в прошлом и настоящем. Это важная и необходимая работа. Историческая ретроспектива помогает обществу осознать текущие процессы, сделать правильные выводы и не повторять ошибок.

Приятно отметить, что научный уровень докладов участников конференции постоянно растет. Об этом красноречиво говорит число скачиваний в Интернете специальных выпусков журнала “Банкаўскі веснік”, в которых опубликованы материалы конференций. Это самые популярные у читателей номера! Отрадно, что расширяется тематика конференций. Тема нынешней — заявка на глубокое исследование прошлого нашей страны и путей ее сегодняшнего развития. Надеюсь, исследования участников конференции, новые факты, открытые ими в архивах, помогут осветить неизвестные страницы истории, определить направления, которыми нам следует двигаться.

Пятая Международная нумизматическая конференция, проходящая под эгидой Национального банка Республики Беларусь, вызвала большой интерес. Число ее участников как никогда высоко. Это означает больше фактов и мнений, больше интересных сообщений и научных открытий. От всей души желаю участникам конференции плодотворной работы, полезных дискуссий, приятного общения с коллегами! Пусть ваши начинания будут успешны, а планы — исполнятся! Мира и благополучия вам и вашим близким!

Редакционно-издательский совет

Н.В.Лузгин
(председатель совета)
А.О.Тихонов
(заместитель председателя совета)
П.А.Маманович
(главный редактор)
А.Ф.Дроздов
(заместитель главного редактора)
А.Ф.Галов
А.Е.Дайнеко
С.В.Дубков
М.М.Ковалев
В.Н.Комков
И.В.Новикова
С.В.Салак
В.И.Тарасов
Ю.М.Ясинский

Номер подготовлен
Управлением информации
Национального банка Республики Беларусь

Главный редактор
Петр Алексеевич Маманович
Зам. главного редактора
А.Ф.Дроздов
Ответственный секретарь
С.В.Салак
Редакторы
А.В.Багрина *A.Bagrina@nbrb.by*
И.В.Гилевич *I.Gilevich@nbrb.by*
А.Л.Жилач *A.Zhilach@nbrb.by*

Оформление и обложка
А.В.Бельский
Верстка
издательский центр
Национального банка

Адрес редакции
220008, г. Минск, просп. Независимости, 20
Тел.: (017) 219-23-84, 219-23-87, 220-21-84
Тел./факс 227-17-01
e-mail: *bvb@nbrb.by*

Отпечатано
в типографии РУП "Минсктиппроект"
Лицензия № 02330/0494102 от 11.03.2009
220123, г. Минск, ул. В. Хоружей, 13/61

Заказ № 80
Подписано в печать 11.01.2012
Формат 60x84 1/8
Офсетная печать
Усл. печ. л. 9
Тираж 470 экз.

Журнал зарегистрирован
Министерством информации
Республики Беларусь 20.03.2009
Свидетельство о регистрации № 175

Точка зрения редакции
не всегда совпадает с мнением авторов.
Статьи в разделе "Научные публикации"
предварительно рецензировались.
Перепечатка материалов —
согласно Закону Республики Беларусь
"Об авторском праве и смежных правах"

Распространяется по подписке

Подписные индексы:
индивидуальная подписка — 74829
ведомственная подписка — 748292

**Учредитель —
Национальный банк
Республики Беларусь**

© Банкаўскі веснік, 2012

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

БАНКОВСКИЙ ВЕСТНИК
BANK BULLETIN MAGAZINE

Информационно-аналитический и
научно-практический журнал
Национального банка Республики Беларусь

Журнал внесен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам

№ 1 (546) январь 2012 года. Издается с апреля 1992 года

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил СИМОНЮКОВ

**Знаковые фигуры
финансовых учреждений
дореволюционной России**

В статье рассказывается о наиболее видных деятелях, известных в истории развития финансовой системы дореволюционной России, которые внесли весомый вклад в становление банковской системы на территории Беларуси как важного экономического региона Российской Империи. Автором также коротко рассматриваются основные этапы данного периода.

3

**Кшиштоф ФИЛИПОВ,
Барбара КУКЛИК**

**Валерий Костшембски
(1828—1899)**

Авторы рассказали о жизни польского нумизмата XIX в. Валерия Костшембского. Он работал в Пробирной палате Варшавского монетного двора, был активистом нумизматического движения, занимался исследовательской работой.

7

Александр БУГРОВ

**Иван Шлаттер
и его вклад в развитие
монетного дела в России**

Статья кандидата исторических наук А.В. Бугрова посвящена деятельности выдающегося русского специалиста в области металлургии и монетного дела Ивана Андреевича Шлаттера (1708—1768), внесшего большой вклад в развитие монетного дела в России. Его имя связано с возобновлением деятельности С.-Петербургского монетного двора и созданием отечественной школы медальеров. Он сделал неоценимые открытия в области физики, на протяжении многих десятилетий использовавшиеся в российском монетном производстве. Шлаттеру принадлежит идея чеканки "сибирской" монеты по особой монетной стопе и реализованный в начале царствования Екатерины II проект изменения золотого и серебряного содержания российских монет с установлением европейской пропорции ценности золота к серебру (1:15).

11

Ірына ШОРАЦ

**Адам Багдановіч —
супрацоўнік Сялянскага
пазямельнага банка**

Жыццё і працоўны шлях Адама Багдановіча сталі аб'ектам даследавання аўтара матэрыяла. Фалькларыст, этнограф і мовазнавец — ён быў вядомы перш за ўсё тым, што даў жыццё беларускаму паэту Максіму Багдановічу. У артыкуле таксама распавядаецца пра дзейнасць Сялянскага пазямельнага банка, у якім працаваў Адам Багдановіч.

18

Александр БАЮРА

**Кредитно-банковские учреждения
Западной Беларуси в 1919—1939 гг.**

В историко-экономической литературе Беларуси вопрос о становлении, развитии и функционировании кредитно-банковских учреждений на западно-белорусских землях в период между Первой и Второй мировыми войнами до настоящего времени не рассматривался. Данная статья является первой попыткой в какой-то степени восполнить этот пробел на примере Полесского воеводства.

21

Збышек ШУСТЕК**Документационное значение
удостоверений личности
для истории денег**

В данной статье с помощью примеров автор показывает, как с точки зрения истории можно изучать удостоверения личности, паспорта, какие подходы можно применять к классификации их коллекций или к информации, которая в них содержится, об истории денег. Предметом изучения исследования стали удостоверения личности, изданные государственными органами в виде внутренних и временных внутренних, заграничных паспортов, вкладок во внутренние паспорта и пропусков через границу.

25

Андрей ГЕЦЕВИЧ**Банковское дело на Гродненщине
(конец XIX — начало XX в.)**

Развитие банковского дела на Гродненщине насчитывает немногим более 120 лет, но это если считать по официальным бумагам, которые за точку отсчета берут 1884 г. — время открытия первого филиала Государственного банка Российской Империи. Возможно, формально оно и так, однако есть факты, которые косвенно говорят о более раннем этапе в становлении банковского дела в этом регионе. Анализируя исторические факты и архивные документы, автор статьи исследует предпосылки возникновения банковского дела на Гродненщине, а также рассказывает о банках и особенностях их деятельности в конце XIX — начале XX в.

31

Дмитрий БАКИНОВСКИЙ**Основные этапы
становления и развития
ОАО “АСБ Беларусбанк”**

Через призму 90-летней истории в статье рассматриваются этапы образования, становления и развития крупнейшего кредитно-финансового учреждения Беларуси, которое прошло долгий путь реорганизаций и преобразований от первых сберегательных касс до республиканского сберегательного банка, а в последующем — ОАО “АСБ Беларусбанк”.

36

Любовь БАХАНОВА**О трудовой дисциплине
в Витебской областной конторе
Госбанка СССР: 1940—1950 гг.**

История Государственного банка СССР неразрывно связана с историей страны. Все важнейшие государственные события находили свое отражение в банковской деятельности, банковских документах. Не стал исключением и принятый 26 июня 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указ “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”. На основании архивных документов и личных воспоминаний сотрудников автор статьи дает возможность узнать о том, как работали служащие Государственного банка СССР на территории Беларуси в 1940—1950 гг.

39

Елена ДИВИНСКАЯ**История нзп
в музейных экспонатах**

Статья посвящена облигациям Государственного 6-процентного выигрышного займа 1922 г., условиям их размещения и пропаганде, проводимой советским правительством. На основании публикации в газете “Звезда” проанализированы особенности операций с ценными бумагами в БССР.

45

Войтех РОЙЕК**Военная судьба золота
Польского банка**

В статье рассматривается период на протяжении шести лет войны (с 1939 г. по 1945 г.), когда, несмотря на различные нестандартные, а иногда и драматические, внезапно изменяющиеся ситуации, был, по сути, полностью сохранен золотой запас Польши. Произошло это, по мнению автора, не только благодаря персоналу Польского банка и властям страны, но и в значительной степени — доброй воле всех участвующих в его возвращении представителей иностранных государств, которые неоднократно помогли польской стороне.

49

Юлия ЛАТУШКОВА**Финансовая жизнь Минска
(08.08.1919—11.07.1920)**

Время польской оккупации — короткий, но очень интересный и мало изученный период в истории Минска. Что происходило в жизни города и его населения? Как реагировали горожане на действия новых властей? Каким образом происходит денежное обращение в городе при оккупации его польскими войсками? Автор старается ответить на эти вопросы, исследуя архивные материалы газеты “Минский курьер”.

53

Валерий ШИШАНОВ**Попытки “европеизации”
русской монетной системы
при Павле I**

В статье на основе архивных документов автор освещает попытки реформ российского денежного обращения в конце XVIII в., в рамках которых осуществлялась чеканка новой монеты, призванной способствовать сближению монетных систем России и европейских стран.

58

Святлана ГАЎРЫЛАВА**Нарматыўна-прававое забеспячэнне
дзеясці музеяў**

У апошнія гады актыўна ідзе працэс фарміравання асноў новага заканадаўства Рэспублікі Беларусь. Былі прыняты найважнейшыя нарматыўныя акты, накіраваныя на стварэнне прававой базы для захавання і развіцця айчынай культуры. Гэтыя дакументы юрыдычна аформілі і замацавалі асноўныя рэгламентуючыя нормы музейнай дзейнасці ў нашай краіне. У публікацыі разглядаюцца сучасныя пытанні нарматыўна-прававога забеспячэння дзейнасці музеяў.

64

**Сергей ДУБКОВ,
Ирина МАСЬКО****Банки на территории Беларуси:
вехи истории**

Об итогах изучения становления и развития финансовых учреждений на территории Беларуси идет речь в данной публикации. Авторы убедительно доказывают существование банковской системы задолго до официальной даты ее образования — 3 января 1922 г. Ставится вопрос о замене даты появления банковской системы на основании дополнительно изученных исторических документов.

67

*28—30 сентября 2011 г. в Минске состоялась
Международная нумизматическая конференция
“Деньги и банки на территории Беларуси: история и современность”.
В этом, специальном, выпуске журнала — доклады участников конференции.*

Знаковые фигуры финансовых учреждений дореволюционной России

Михаил СИМОНЮКОВ

Главный специалист
Управления
кадровой политики
Национального банка
Республики Беларусь

В словах Н.В. Гоголя: “Только из знания подробностей выводится знание целого” заключена аксиома, отражающая важное место мелочей в изучении того или иного вопроса.

Проработав материал, касающийся личностей, которые повлияли на развитие финансовой системы, следует отметить, что каждая из них интересна по-своему. Но остановимся на наиболее знаковых фигурах в истории развития финансовой системы дореволюционной России, которые внесли весомый вклад в становление банковской системы на территории Беларуси как важного экономического региона Российской Империи.

Рассматривая банковскую систему Российской Империи, начнем с Александра II. Вступив на престол в непростом 1855 г., он продолжил Крымскую войну (1853—1856 гг.), а затем заключил мирный договор (Париж, 18 марта 1856 г.). При этом Крымская война убедительно показала неэффективность экономики страны.

Александр II считал, что главной проблемой внутренней политики является система крепостного права. Перед представителями дворянства Московской губернии в апреле 1856 г. он заявил: “Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно начнет отменяться снизу”. 19 февраля 1861 г. на всей территории России был обнародован Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Личность Александра II весьма неоднозначна, но именно он 31 мая 1860 г. в Царском селе подписал Указ “О создании Государственного банка Российской Империи” и утвердил его устав, а 2 июля банк начал работать.

В связи с тем, что банковская система того времени находилась в ведении Министерства финансов Российской Империи (было образовано Императором Александром I в 1802 г.), кратко остановимся на тех, кто его возглавлял.

Начнем с руководителя, который непосредственно был связан и с организацией Государственного банка Российской Империи, — Княжевич Александр Максимович (1858—1862 гг.). На его долю выпала трудная и не всегда посильная для престарелого, не обладающего широкими экономическими взглядами человека задача по ликвидации финансовых потрясений Крымской войны, проведению и подготовке первых реформ нового царствования. При А.М. Княжевиче стали быстро увеличиваться налоги и таможенные пошлины, что в итоге постепенно создало недовольство против него, и в 1862 г. Александр II принял отставку этого министра.

Следующим министром финансов стал Рейтерн Михаил Христофорович (1862—1878 гг.), который

Княжевiч А.М.

Рейтерн М.Х.

Бунге Н.Х.

Вышнеградский И.А.

придерживался рыночной ориентации и концепции открытой экономики. Именно при его активной поддержке в стране началось широкое развитие акционерных коммерческих банков (первый банк был учрежден в 1864 г.). Крупнейший исследователь истории коммерческих банков России И.И. Левин писал: “Для акционерных коммерческих банков М.Х. Рейтерн сделал больше, чем кто-либо другой из его преемников”.

Относительно Беларуси следует отметить, что 8 января 1870 г. был подписан сенатский Указ “Об учреждении в Гомеле Городского общественного банка”, который начал свою работу 1 мая и стал первым частным коммерческим кредитным учреждением на территории нашей страны. Кроме того, в 80-е гг. XIX в. были открыты отделения Государственного банка Российской Империи в Минске (1881 г.), Могилеве (1883 г.), Гродно (1884 г.) и Витебске (1883 г.).

Последователь М.Х. Рейтерна, министр финансов Грейг Самуил Алексеевич (1878—1880 гг.), не имел твердой и ясной программы действий по восстановлению финансового положения и был готов использовать любые возможности для увеличения доходов. При нем было введено множество налогов, которые, как он полагал, помогут выйти из сложившейся экономической ситуации.

Несколько месяцев, с октября 1880 г. по май 1881 г., Министерство финансов возглавлял Абаза Александр Агеевич, который был одним из защитников реформ 1860-х гг.

В начале 80-х гг. XIX в. на престол Государства Российского возшел Император Александр III. Одним из инициаторов новой кредитной и валютной политики при его правлении стал министр финансов Бунге Николай Христианович (1881—1887 гг.), сменивший на этом посту А.А. Абазу.

Н.Х. Бунге являлся одним из крупнейших российских экономистов XIX в. Еще в 1852 г. он защитил докторскую диссертацию на тему “Теория кредита”, которая сделала его имя известным. Н.Х. Бунге преподавал в Киевском университете и дважды назначался его ректором. По приглашению Императора в течение 8 месяцев

он преподавал теорию финансов наследнику престола Николаю Александровичу — будущему императору Николаю II.

Программа Н.Х. Бунге выгодно отличалась своей социальной направленностью, так как он видел глубокую связь между улучшением финансового положения страны и повышением благосостояния народа, и включала разработку фабрично-заводского законодательства, создание рабочих ассоциаций, привлечение трудящихся к участию в прибыли предприятий.

Ученый и государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук, профессор и директор Петербургского технологического института Вышнеградский Иван Алексеевич, возглавляя Министерство финансов (1887—1892 гг.), провел финансовую реформу в области железнодорожного транспорта, осуществил конверсию внешних железнодорожных займов, обеспечившую значительную экономию средств.

Пост министра финансов с 1892 г. по 1903 г. занимал выдающийся экономист и финансист своего времени Витте Сергей Юльевич.

Относившийся к Александру III с симпатией С.Ю. Витте давал ему такую характеристику: император Александр III был “ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности походил на большого русского мужика из центральных губерний, и, тем не менее, он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодущие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно, импонирует”.

Взошедший на престол сын Александра III — император Николай II в годы своего правления (1894—1917 гг.) продолжил финансовую политику отца, в том числе в сфере государственного кредита и денежного обращения.

Возвращаясь к С. Ю. Витте, следует отметить, что в начале своей деятельности он полагал, что Россия будет развиваться свойственным лишь ей путем, но довольно быстро понял необходимость для страны быстрого развития капитализма. В 1897 г. он говорил: “В России теперь происходит то

же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон”.

В 1897 г. была проведена денежная реформа, позволившая перейти на золотое обеспечение рубля, что укрепило его конвертируемость и привлекло в Россию иностранный капитал. Необходимо отметить, что несомненным преимуществом системы золотого стандарта было обеспечение стабильности национального денежного обращения и курсов большинства валют, что способствовало развитию мировой торговли. С установлением реального золотого обращения и разменности банкнот Российской Империя вошла в число государств со свободным валютным режимом.

В 1903 г. министром финансов стал Плеске Эдуард Дмитриевич, который занимал этот пост до 1904 г. (был уволен с должности министра финансов по болезни и назначен членом Государственного Совета). До назначения министром финансов с 1894 г. был Управляющим Государственным банком.

В период с 1904 г. по 1905 г. управление Коковцовым Владимиром Николаевичем Министерством финансов совпало с русско-японской войной, вследствие чего главное его внимание было обращено на изыскание источников для покрытия военных расходов.

Занимавший пост министра финансов всего шесть месяцев, Шипов Иван Павлович 24 апреля 1906 г. одновременно с другими членами Совета министров был освобожден от занимаемой должности и назначен членом Совета Государственного банка от Министерства финансов. В период с 1906 г. по 1917 г. он являлся членом Комитета финансов. В 1914 г. его назначили на должность Управляющего Государственным банком.

По сути, преемник В.Н. Коковцова министр финансов Барк Петр Львович (до 1917 г.) осуждал систему винной монополии, в которой В.Н. Коковцов видел главную опору финансов. 26 января 1914 г. П.Л. Барк на аудиенции у Николая II заявил: “Нельзя строить благополучие казны на продаже водки... Необходимо ввести подоходный налог и принять все меры

для сокращения потребления водки”. По его инициативе законом от 16 сентября 1914 г. на время войны была прекращена торговля водкой. В 1915 г. П.Л. Барк разрабатывал проект реформы финансовой системы, одним из звеньев которой являлся подоходный налог. Финансирование военных расходов он осуществлял за счет денежной эмиссии, внешних и внутренних займов.

Говоря о председателях правления Государственного банка Российской Империи, кратко остановимся на всех. Хотя больше известно о тех, кто являлся наиболее заметными фигурами этого во многом закрытого кредитного учреждения и в силу своей высокой должности, неоднократно попадал в прессу, а также был вхож в политическую элиту. При этом зарисовками личностей некоторых управляющих Государственным банком история “обязана” упомянутому выше С.Ю. Витте.

Первым председателем Государственного банка был Штиглиц Александр Людвигович. Находясь на этом посту, он проявил незаурядные способности и много сделал для восстановления авторитета государственного кредитного учреждения, развития его взаимовыгодного сотрудничества в сфере кредитных отношений с новыми типами предприятий — акционерными обществами, товариществами.

После отставки А.Л. Штиглица в 1866 г. исполняющим обязанности Управляющего Государственным банком становится Ламанский Евгений Иванович, а в 1867 г. его назначили Управляющим Государственным банком. В 1871 г. он был произведен в тайные советники, а в 1873 г. — утверждён в звании члена Совета торговли и мануфактур Министерства финансов. В 1881 г. Е.И. Ламанский был уволен с должности Управляющего Государственным банком и состоял при Министерстве финансов.

Управляющим Государственным банком и членом Комитета финансов с 1881 г. по 1889 г. был Цимсен Алексей Васильевич.

С 1889 г. по 1894 г. Управляющим Государственным банком являлся Жуковский Юлий Галактионович. В 1894 г., через несколько

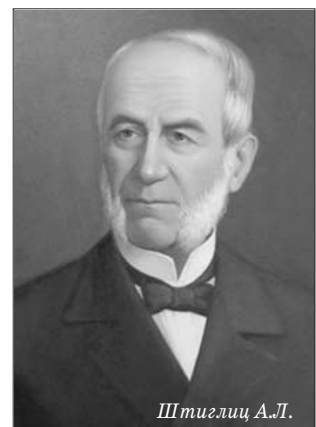
Витте С.Ю.

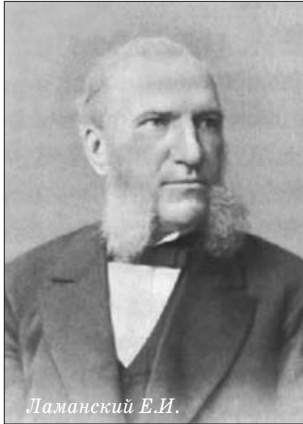
Коковцов В.Н.

Барк П.Л.

Штиглиц А.Л.

Ламанский Е.И.

Тимашев С.И.

Коншин А.В.

Шипов И.П.

дней после принятия нового Устава банка, он был уволен с должности Управляющего и назначен членом Совета министра финансов.

Вот как деловые способности Ю.Г. Жуковского оценивал С.Ю. Витте: “Жуковский как управляющий банком был посредственный и ничего особенного собой не представлял”. Возможно, поэтому жесткий по характеру И.А. Вышнеградский (также упоминался выше) и держал его на таком высоком посту, нуждаясь в “рыхлом и послушном управляющем”. С.Ю. Витте явно не устраивало это, и он предложил Ю.Г. Жуковскому покинуть пост управляющего Государственным банком, обещав взамен место сенатора.

Возвращаясь к Э.Д. Плеске, хотелось бы отметить, что он был любимцем С.Ю. Витте, который называл его “человек с немецким умом”. Это был интеллигентный, выдержанный, трудолюбивый чиновник Министерства финансов. Его отличительной чертой была конкретность, что позволило С.Ю. Витте высказаться о том, что “у лиц с немецким умом часто не хватает надлежащего полета мысли”.

В 1903 г. Э.Д. Плеске был уволен с должности Управляющего Государственным банком в связи с назначением на должность министра финансов.

Не умаляя всех достоинств уже перечисленных личностей, следует отметить выдающегося государственного деятеля Тимашева Сергея Ивановича. При этом С.Ю. Витте говорил о нем как о человеке порядочном и деловом, “но небольших способностей и ума”. С 1892 г. по 1894 г. он был членом Комиссии по пересмотру Устава Государственного банка и управляющим делами этой Комиссии. В 1902 г. С.И. Тимашева назначили членом Совета Государственного банка от Министерства финансов, а в 1903 г. — Управляющим Государственным банком, которым он руководил до 1909 г. Благодаря усилиям С.И. Тимашева в годы русско-японской войны был сохранен размер кредитных билетов на золото.

В 1909 г., после отставки С.И. Тимашева, исполняющим обязанности Управляющего Государственным банком был назначен Коншин Алексей Владимирович, а в 1910 г. он стал Управляющим банком. В 1914 г. А.В. Коншин был уволен с должности Управляющего по состоянию здоровья. С 1914 г. по 1917 г. он являлся председателем правления Русского торгово-промышленного банка.

На должность Управляющего Государственным банком в 1914 г. был назначен Шипов Иван Павлович, а 11 ноября 1917 г. — уволен с этой должности без права на пенсию за саботаж и отказ признать советскую власть. Вот как С.Ю. Витте отзывался о нем: “Человек очень выдающийся и способный, умелый администратор, который умел и любил работать. Он был чрезвычайно добросовестным, может всякое дело разобрать, не сделав никакой ошибки”.

Молодой и способный И.П. Шипов был протееже С.Ю. Витте. Последнего, помимо личностных качеств, устраивала и общественная позиция подчиненного. Он, по словам С.Ю. Витте, “представляет из себя человека, не имеющего крупных государственных взглядов”. Видимо, из-за тесных взаимоотношений с С.Ю. Витте, император Николай II относился к И.П. Шипову не особенно благосклонно.

Конечно, каждая обозначенная выше фигура заслуживает более пристального внимания, поскольку все они являлись личностями незаурядными и высокообразованными. Однако цель данной статьи — систематизация данных о людях, которые повлияли на развитие финансовой системы на территории Беларуси и дореволюционной России в целом.

При подготовке статьи использовались материалы из фондов музея Национального банка Республики Беларусь, работы А.В. Бугрова, Ю.Л. Грузицкого, Е.А. Дроздовой, А.Л. Киштымова, М.М. Ковалева и другие источники.

Валерий Костшембски (1828—1899)

Кшиштоф ФИЛИПОВ

Вице-президент
Польского
нумизматического
общества,
доктор
исторических наук,
профессор
Белостокского
университета

Барбара КУКЛИК

Член
правления
Польского
нумизматического
общества

попал Валерий Костшембски на работу¹, получив в 1850 г. должность пробиера первого класса. Это было легко, поскольку “Главная пробирная палата при дирекции Варшавского монетного двора” была одной из самых новых и лучше всего оборудованных в тот период. Подробности профессиональной деятельности Валерия Костшембского на Варшавском монетном дворе неизвестны. Из этого периода его деятельности сохранился только памятный снимок работников Варшавского монетного двора, который был сделан 13 апреля 1867 г. в связи с закрытием монетного двора. Надпись на нем гласила: “Коллегам — коллеги”. Валерий Костшембски находится в обществе работников монетного двора и друзей: А. Заборского, Ю. Сосновского, В. Рошковского, Э. Круликевича, Э. Пуша, Л. Пентко, Б. Пуша, Е. Бендуговского, С. Саского, В. Невядомского и других. На Варшавском монетном дворе Костшембски работал до момента его закрытия в 1867 г.

Работая в Пробирной палате Варшавского монетного двора, Валерий Костшембски помечал изделия из серебра своим индивидуальным знаком “W.K.”. Известен такой знак с датой “1855” и с обозначением пробы серебра “84”².

Благодаря своей профессиональной деятельности в качестве пробиера он имел возможность осматривать находки из археологических раскопок или случайного обнаружения так называемых “монетных кладов”. Находки, или, как их называли еще, “раскопки” поступали на монетный двор для переплавки. Это подтолкнуло Валерия Костшембского заняться нумизматикой и изучением нумизматических редкостей. Влияние на увлечение исследованиями и коллекционированием оказали также личные знакомства, особенно с Каролом Бейером, варшавским коллекционером-любителем и инициатором нумизматического движения в Королевстве Польском. Другим его учителем был Казимеж (Казьмеж) Стрончиньски³. Эти знакомства дали возможность изучения и исследования “отечественной нумизматики”.

После закрытия царскими властями Варшавского монетного двора в 1867 г. Валерий Костшембски потерял работу и получил очень скромную пенсию. Это позволило ему полностью отдаться нумизматике.

Имея свободное время, он полностью посвятил себя новому увлечению, активно включаясь в создающееся в Варшаве нумизматическое движение. Несомненно, он находился под влиянием К. Бейера и

Валерий Костшембски родился 8 декабря 1828 г. в Варшаве на территории тогдашнего Царства Польского, когда королем Польши и императором Российской Империи был царь Николай I (1825—1855). О его родителях и юности мало что известно: отца звали Матеушем, мать — Кристиной, в девичестве Житковской. Учился в Реальной гимназии в Варшаве на отделении химии, которое окончил в 1849 г. Это дало ему хорошую основу для дальнейшей профессиональной деятельности.

Молодой 21-летний выпускник не знал, что свяжет всю свою дальнейшую профессиональную деятельность с химией, что его жизнь будет связана с работой на Варшавском монетном дворе. Именно туда

¹ W. Terlecki. *Mennica warszawska 1765—1965*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 160, 257.

² *Russian Assay Marks. Online Encyclopedia of Silver Marks, Hallmarks & Makers Marks*; 925—1000.com/Frussia_assay_01.html

³ Казимеж Стрончиньски (1809—1896), чиновник, секретарь геральдики Королевства Польского (с 1836 г.), сенатор, выдающийся нумизмат и сфрагистик, а также инвентаризатор варшавских древностей. Автор монументального труда по средневековой нумизматике “*Dawne monety polskie dynastji Piastów i Jagiellonów*”, т. I—III, Piotrków 1883—1885 (неиздано); *Polskie Towarzystwo Numizmatyczne*, Warszawa 2005; см.: S. Suchodolski. *Kazimierz Stronczyński i jego dokonania numizmatyczne z perspektywy lat (предисловие к изданию)*, s. 3—12.

К. Стрончиньского. Наверняка принимал участие в “нумизматических четвергах”, проводимых в квартире Бейера на ул. Варецкой. Эти “летучие четверги” (в связи со сменой помещений) с 1856 г. превратились в постоянные, что произошло благодаря Юзефу Зелли-ту⁴ — председателю Купеческого фонда в Варшаве, где был предоставлен зал для нумизматических собраний. Практически можно подтвердить принадлежность Валерия Костшембского к неформальному Варшавскому нумизматическому обществу.

Кароль Бейер следующим образом (в письме в “Варшавскую газету”) описывал деятельность нумизматов в период “летучих нумизматических четвергов”: “[...] ведь уже несколько лет существуют “нумизматические четверги”. Уже в 1850 г. воспевал их господин С.О., уже несколько лет назад они превратились из постоянных в кочующие, в результате чего их разнообразие и интерес возрос, но они перестали быть исключительно нумизматическими, поскольку сейчас значительно больше экспонатов, поскольку каждый хозяин демонстрирует то, что у него есть за душой, кроме того, вмешались и другие стихии; среди хозяев и гостей — специалисты по древностям, художники и литераторы”⁵.

С 31 января 1856 г. ситуация изменилась. Встречи “любителей древностей”, как тогда называли нумизматов и собирателей монет, стали проходить в постоянном месте. Уже 18 января 1856 г. столичное периодическое издание “Варшавская газета” разместило соответствующий анонс: “в одном из залов [фонда] планируется создание периодической сессии нумизматов”⁶.

Со временем деятельность группы варшавских нумизматов стала затихать. Не помогла слава “четвергов”, простирающаяся за границы Варшавы. Сам Кароль Бейер написал в 1859 г., что “наш маленький кружок все больше уменьшается”⁷. В общество варшавских нумизматов того периода кроме Валерия Костшембского также входили: Казимеж Стенжиньски-Бандтке, Кароль Бейер, Кароль Блихер, Теодор Дембовски, Ежи Гаугер, Юстиниан Карницки, Наталия Кицка, Константы Миллер, Павел Муханов, Болеслав Подчашиньски, Станислав Пуш, Эдвард Раставецки, Изабелла Стажиньска, Генрих Стецки, Казимеж Стрончиньски, Виктор Шанявски, Станислав Валевски, Томаш Замойски и Юзеф Зеллит⁸. К этой груп-

пе, несомненно, принадлежали также Тимотеуш Липиньски, Юзеф Пшиборовски и Александр Вейнерт.

Беспорядки в Варшаве в 1861 г. привели к репрессиям со стороны царских властей. Фонд был закрыт — закончились постоянные “нумизматические четверги” — нумизматы могли уже только лишь встречаться по домам или в кафе. В 1870 г. группа активных нумизматов уменьшилась до 12 человек⁹. Не была реализована также идея издания журнала “Археологический (и нумизматический) еженедельник”. Не было ни желаний, ни средств. Нумизматические интересы Валерий Костшембски реализовал под сенью собственного кабинета.

Безвозвратно прошли времена расцвета нумизматического движения под эгидой Кароля Бейера, когда нумизматы встречались в кафе “Феррари”. Душой этих встреч был Валерий Костшембски. По его предложению и с его помощью один из варшавских любителей и коллекционеров-нумизматов Константы Миллер¹⁰ помогал обрабатывать нумизматическое собрание жены генерала Наталии Кицкой — крестной матери сына доктора¹¹.

Друг Леон Зволиньски так вспоминал годы сотрудничества после смерти Кароля Бейера: “Как наиболее горячие адепты незабвенного Бейера мы с покойным Костшембским всегда придерживались его принципов, а наши ничем не замутненные дружеские отношения длились 35 лет. Покойный Костшембски хранил живые воспоминания о той прекрасной Бейеровской эпохе и когда-то в письме писал мне: “Сегодня, как разбитый археологический горшок, шатаюсь между молодежью, упорно вспоминая мгновения, которые Вы помните и которые уже не вернуться...”¹².

После смерти Кароля Бейера в 1877 г. Валерий Костшембски в среде варшавских “любителей древностей” занял позицию лучшего эксперта по нумизматическим вопросам. Он никогда не превышал своих полномочий, присвоенных ему обществом собирателей, и не эксплуатировал никого. Наоборот, как считали его друзья, позволял другим использовать себя. Это видно из его обширной корреспонденции, которую он вел с нумизматами из разных частей Польши, принадлежащих России и Австрии, в том числе с Антони Рышардом¹³ из Кракова или Эмериком Гуттен-Чапским¹⁴ и сенатором Казимежом Стрончиньским. Последний

⁴ Юзеф Зеллит (1820—1890), варшавский купец, председатель Купеческого ресурса, собиратель монет и медалей. Собственное собрание — 2529 нумизматических единиц — по причине финансовых проблем выставил 15 сентября 1867 г. на продажу в Берлине. Каталог этого собрания подготовил К. Бейер. Большую непроданную в Германии часть этого собрания закупил Теофил Революиньски.

⁵ Цит. no: M. Czernski, J. Maciaszek, op. cit., s. 20.

⁶ Ibidem, s. 21.

⁷ Ibidem (“Notatki” K. Beyera).

⁸ Список членов нумизматического кружка в Варшаве опубликован в краковских “Нумизматично-археологических ведомостях” в 1891 г.

⁹ K. Filipow, *Oczekiwania numizmatycznego dzwizenia w Polsce*, “Bankauski Vesnik” 31 [252], listopad 2003, s. 22, 23.

¹⁰ Konstanty Miler (1825—1890) ziemianin z Chomentowic; od 1854 r. lekarz w warszawskim szpitalu ewangelickim; przyjaciel K. Beyera; znawca monet — amator numizmatyki.

¹¹ N. Kicka, *Pamiętniki*, Warszawa, 1972, s. 541.

¹² L. Zwoliński, *Z dziejów numizmatyki polskiej. Z powodu śmierci Walerego Kostrzebskiego*, “Tygodnik Ilustrowany”, Warszawa, 1900, nr 6, s. 109; Leon Zwoliński (ум. после 1900 г.), помещик в Новоставце (Вольнь). Проживал в Варшаве и Дубне; собиратель монет; см.: J. Kołaczowski, *Wiadomości dotyczące się przemysłu i sztuki w dawnej Polsce*, Kraków, 1888.

¹³ Антони Рышард [наст. имя Станислав Жачиньски] (1841—1894) — библиофил и коллекционер монет и медалей в Кракове, владел внушительным собранием, состоящим из более чем 1000 нумизматических книг, автор “биографии нумизматики” (1882), составил ее в рукописе “Album numizmatyczne polskie”, в котором составил 1100 биографий коллекционеров монет и медалей.

¹⁴ Эмерик Гуттен-Чапски (1828—1896) — российский чиновник, собиратель “свидетельств отечественной истории”, польских монет и медалей; имел самое большое собрание польских монет и медалей на территории разделенной Польши (11200 экз.), описанных в изданном в печати каталоге. Полностью передан Кракову (в настоящее время в собрании Национального музея). См.: M. Kocójowa, *Pamiętkom ojczystym ocalonym z burzy dziejowej*, Kraków, 1978.

очень ценил мнение Костшембского по поводу его работ и прежде всего второго издания о деньгах Пястов. Но, несмотря на это, он не принял во внимание замечания и упорно придерживался своих старых взглядов. Однако под влиянием Костшембского и под воздействием обоснованных и глубоких выводов сформулировал некоторые слишком смелые гипотезы.

Сенатора Стрончиньского прежде всего удивляло знакомство Валерия Костшембского со средневековой нумизматикой других стран. На варшавской почве это было *curiosum*. Даже такой знающий исследователь и авторитет, как Стрончиньски, должен были признать преимущество Костшембского в этой области. Он также признавал компетентность последнего в определении редкости и действительной цены монет, чем сам не любил заниматься. Он полагал, что такому серьезному исследователю это не полагается и такое знание ему не нужно.

Большое влияние на развитие нумизматических исследований Костшембского оказало знакомство со вдовой генерала Людвика Кицкого, погибшего под Остроленкой в польско-русской войне 1831 г., — Натальей Кицкой¹⁵. Молодая вдова посвятила себя собиранию памятников истории польского народа. Среди них нашла свое место внушительная коллекция польских монет и медалей.

От доктора Миллера Костшембски узнал о создающейся коллекции вдовы генерала Кицкого и помогал ее собирать. А Наталия Кицкая, ценя способности и знания коллеги по “нумизматическим четвергам”, по совету Константы Миллера доверила Валерию Костшембскому обработку каталога ее собраний. Образцом для подражания должна была быть рукопись каталога собраний, привезенная в Варшаву и показанная нумизматам Эмериком Гуттен-Чапским, изданного позже в Петербурге и Кракове¹⁶.

Эта первая проба научной обработки каталога собраний Наталии Кицкой привела к тому, что Костшембски решил посвятить себя созданию каталога всех польских монет. Эта работа, безусловно, заняла у него несколько долгих лет. Каталог состоит из трех толстых томов и является важнейшим наследием, оставленным Костшембским.

Автору при жизни не удалось найти финансовых средств на его публикацию, он не мог рассчитывать на богатого мецената, как это было в случае печатного издания “Названия монет у различных народов...” Антония Ваги¹⁷. Последнее имело место благодаря меценату Владиславу Пусловскому. Рукопись, оставшаяся после Валерия Костшембского, была его важнейшим научным наследием. Она имела практическое и познавательное значение для всего нумизматического общества

Польши, входящей в состав России. В ней содержалось огромное количество рисунков известных и неизвестных монет, была названа степень редкости и разумные на то время цены монет. И прежде всего она создавала “полную картину наших монетных древностей”¹⁸.

Живя на скромную пенсию (чуть больше ста рублей), Валерий Костшембски в течение двух десятков лет трудолюбиво собирал материалы для своего каталога польских монет. Леон Зволиньски в воспоминаниях “По поводу смерти Валерия Костшембского” писал: “Может быть, теперь известие о его кончине побудит богатых нумизматов осуществить это издание. Это был бы самый лучший способ почтить память покойного и одновременно спасение для дочери, которая осталась без средств к существованию и, что самое худшее, подвергнута через несколько дней после смерти отца тяжелому страданию”¹⁹.

Однако отдавался отчет в том, что огромное количество рисунков будет большим препятствием в издании “дела жизни” Костшембского. Предлагалось поэтому издать в усеченной версии хотя бы только “Ценны польских монет”, составленные автором. Утверждалось: “Это было бы настоящим подарком для собирателей, поскольку отсутствие установленных нумизматических цен вынуждало их переплачивать за каждый редкий экземпляр, что, естественно, многих из них отворачивало от собирательства. Покойный всегда переживал по этому поводу, но он был слишком скромным, чтобы огласить свои цены еще при жизни; сейчас обязанностью нумизматов является исполнение его желания: нумизматика много от этого приобретет, а число собирателей обязательно увеличится”²⁰.

После смерти Валерия Костшембского каталог, названный “Каталог польских монет от Зигмунта I до закрытия Варшавского монетного двора” (или, как утверждают другие исследователи, “Польские монеты (1504—1864)”), приобрел один из нумизматов с целью издания. Эта работа не появилась в печати по сей день.

Костшембски сотрудничал и прилаживался к краковскому нумизматическому сообществу, сконцентрированному вокруг “Нумизматически-археологического вестника”. Там он тоже печатал свои работы, которые пользовались признанием среди коллекционеров и исследователей. Исследовательскую жилку разбудила в нем вдова генерала Наталия Кицкая, благодаря которой он и его друг Юзеф Пшиборовски заинтересовались раскопками каменного века (они помогли ей издать описание раскопок в Ясткове), а также другими, содержащими монеты. Эффектом тех интересов явилась опубликованная в “Нумизматически-археологическом вестнике” статья “Замечания о раскопках монет”²¹.

¹⁵ Natalia Kicka, в девичестве Биспинг (1801—1888), создала коллекцию польских монет и медалей с многими редкостями, начиная от средневековых монет и до времен Станислава Августа Понятовского. Принимала активное участие в нумизматических собраниях в Варшаве. Автор статьи о татарских монетах “Moneta tatarska hana złotej ordy Mahometa Tochtamysza z kontramarką Witolda wielkiego księcia litewskiego” (*Przegląd bibliograficzno-archeologiczny* 1882 r., t. II, s. 46—49). A. Ryszard. *Nekrologia “Zapiski Numizmatyczne”*, Kraków, 1888, s. 332.

¹⁶ E. Hutten-Czapski, *Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises ...*, St. Petersburg — Cracovie 1871—1916, t. I-V.

¹⁷ A. Waga, *Nazwiska monet u różnych narodów i w różnych wiekach używane, abecadłowo spisane i objaśnione przybliżonym porównaniem z dzisiejszymi pieniędzmi polskimi...*, Warszawa 1850; см: K. Filipow, *Antoniego Wagi “Nazwiska monet...” zapomniane dzieło polskiej literatury numizmatycznej XIX wieku*, [e:] *Penize v promenach casu*, IV, “Acta Numismatica Bohemiae, Moraviae et Silesiae”, Ostrava 2007, s. 173—176; *mo je*, “Numizmatyka” Bratislava 2004: 4, s. 111—114.

¹⁸ L. Zwołiński, *op. cit.*, s. 112; До настоящего времени сохранились два тома каталога, находящиеся в частных руках в Варшаве.

¹⁹ *Ibidem*.

²⁰ *Ibidem*.

²¹ “WN-A” *szp.* 280.

Печататься он начал очень поздно, практически под конец жизни. В “Вестнике...” опубликовал работы на различные темы, связанные с нумизматикой. Каждая из работ, выходящая из-под его пера, была тщательно подготовлена. Работы отличались ясностью изложения, профессионализмом и глубоким изучением предмета. Одной из пионерских работ, революционной для того времени, была “Ошибочные направления в собраниях польских нумизматов”²². Она также вышла отдельно в 1896 г. в Нумизматическом товариществе²³.

Костшембски боролся с существовавшей в XIX в. манией “редкости” монет и медалей. Он считал, что прежде всего важна художественная и историческая ценность предмета. А редкость является только дополнением к этому, а не самоцелью. Боролся он также с распространенной манией собирания мельчайших особенностей штампов и надписей и нахождения среди них “псевдоредкостей”. По мнению Валерия Костшембского, это была бессельная “забава”, ведущая в основном к ошибочным выводам.

В своей публикации “Монетные дворы Польши” он познакомил читателя с особенностями производства монет от давних времен и до шестидесятых годов XIX в.²⁴

Он работал очень интенсивно и вот что писал Валенты Багиньскому: “я спешу”, поскольку “у меня еще много работы, ведь, как видишь, мой король, человек до этого времени мало еще сделал, а тут уже Костлявая за плечами стоит, и не успеешь оглянуться, как зазвенит коса, и я не окончу работу, поэтому нужно спешить”²⁵.

Своими работами он заполнял страницы краковско-го журнала. Именно там появились очередные статьи “Документы монетного двора”, “О надписях на гурте”, “Заметки о раскопках монет”, а также посмертные воспоминания о своих друзьях-нумизматах²⁶.

В последней из статей “Заметки о раскопках монет X и начала XI века, проводимых в Польше” Валерий Костшембски не только показал глубокое знание предмета, но и опроверг часть гипотез, ранее выдвинутых сенатором Стрончиньским. Большую часть своей работы посвятил разбору так называемым в то время “вендийским” монетам, или гибридам, которые Казимеж приписывал королеве Рыксе (Рыхезе)²⁷. Незадолго до смерти так комментировал современный интерес к нумизматике: “В нашей нумизматике что-то испортилось, уже нет Бейеров, Стрончиньских, которые понимали нумизматику как науку, а сегодня

есть только спортсмены, соревнующиеся в сборе точек, ягодок и т. д. вариантов в монетах после разделов Польши”. Он жаловался: “Сегодня наша нумизматика в упадке, о средневековье никто не заботится [...] Ха! Что делать, другой мир, другие люди! [...] Времена меняются”. И шел домой, чтобы в кабинетной тиши осматривать и изучать свои любимые “Венды”²⁸.

Это последнее произведение в своей жизни Валерий Костшембски редактировал за несколько месяцев перед смертью по большой просьбе Феликса Коперы, председателя Нумизматического общества в Кракове. Еще за год до смерти, в декабре 1898 г., автор показывал Копере стопку заметок, рисунков и оригинальные монеты, завернутые в бумагу с описаниями. Через несколько месяцев во время пребывания в Петербурге Феликс Копера получил большой пакет. А в нем исследование Костшембского “О динарах славян, называемых вендийскими”. Как вспоминал краковский ученый, “возле них лежали оригиналы монет в красных конвертиках, на которых были скопированы надписи и приведены типы, все это он послал в подарок. Работа содержала только одну таблицу. Две обещал прислать мне позже, но не успел. Я надеюсь, что варшавские нумизматы, в руки которых попало научное наследие покойного, передадут их мне, чтобы мы могли в нашем издании [“Нумизматически-археологических ведомостях”], которое он так любил, издать посмертно произведение, труд значительной части его жизни. Он горячо желал этого и в нескольких письмах отметил, что все, что он имел в области нумизматики, а также переписка с учеными, обогатила собрания Товарищества”²⁹.

Валерий Костшембски — один из старейших польских нумизматов — умер внезапно от сердечного приступа в 19 часов 26 октября 1899 г. “Несмотря на трудности, с которыми он должен был бороться в жизни, никогда не жаловался и сохранял душевное равновесие. Приятный и вежливый в отношениях с людьми, он умел приобрести симпатию и уважение, о чем свидетельствовала процессия, которая шла за гробом; перед некоторыми, и то редко, он открывал глубину своего благородного и, как сам выражался, “мечтающего о прошлом” сердца”³⁰.

Так Валерий Костшембски, пробиер Варшавского монетного двора, исследователь, коллекционер и недооцененный нумизмат XIX в., ушел в забвение более чем на сто лет.

²² “WN-A” 1896, t. III, nr 2 (общего собрания 28), s. 66, s. 121, s. 161—162.

²³ Она выступает под двойным названием: “Błędne drogi w zbieraniu numizmatów polskich skreślił W... K... [илу: W. Kostrzębski]”, отдельно из № 2 (общее собрание № 28) “Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne” [илу: отдельно з “Wiadomości numizmatyczno-archeologicznych”]. “Błędne drogi...” перепечатаны также в настоящее время в “Biuletynie Numizmatycznym” (R: 2008, nr 1, s. 8) для предостережения польских нумизматов.

²⁴ Ibidem, s. 9—72.

²⁵ W. Bag[ieński], Wspomnienia o zmarłych pracownikach na polu numizmatyki, archeologii i sztuki polskiej, “Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne” 1899, s. 127.

²⁶ По: “WN-A” № 4 (общее собр. № 42), 1899, t. IV, s. 11.

²⁷ O “polemice” na temat krzyżówek zob. wstęp S. Suchodolskiego do reedycji pracy Stronczyńskiego (op. cit., s. 7, 8).

²⁸ Cyt za: Wal. Bag., op. cit., s. 126, 127.

²⁹ F. Копера, добавление к Wspomnienie (Wal. Bag., op. cit., s. 127).

³⁰ L. Zwoliński, op. cit., s. 112.

Иван Шлаттер и его вклад в развитие монетного дела в России

Александр БУГРОВ

Кандидат
исторических наук

Имя Ивана Андреевича Шлаттера (Schlatter Johann Wilhelm von, 1708—1768) сегодня известно немногим. Между тем он был выдающимся специалистом в области металлургии и монетного дела, физиком и химиком, оказавшим влияние на развитие медальерного искусства в России и в целом на чеканку монет.

Интерес к деятельности Шлаттера возник уже в XVIII в., когда в 1780 г. в St. Petersburgisches Journal была опубликована его биография. Периодически статьи о нем появлялись в изданиях XIX и XX вв. Тем не менее это имя долгое время было известно довольно узкому кругу специалистов, главным образом связанных с горным делом и чеканкой монет. Высокую оценку его деятельности дал крупный отечественный историк А.И. Юхт, который поставил его в один ряд с государственным деятелем и историком В.Н. Татищевым. “Подобно Татищеву, — писал Юхт, — он был также крупным знатоком монетного дела и денежного обращения. Но если первый, обладая широким государственным кругозором, тяготел к разработке общих проблем денежного обращения, то второй, имевший большой практический опыт и разносторонние познания в монетном деле и пробирном искусстве, интересовался больше вопросами технического усовершенствования металлургии благородных металлов и чеканки монет” [1].

Шлаттер много писал по монетному и горнорудному делу, а также по пробирному искусству. Опубликованное научное наследие ученого состоит из семи трудов, однако многие из его работ так и остались в рукописях. Одна из них, содержащая любопытные сведения о монетном деле в России, была найдена среди бумаг убитого императора Павла I. В 1832 г. эта рукопись была опубликована в “Горном журнале” практически без изменений — лишь с добавлением ведомости о выделке монеты с 1778 г. по 1828 г. [2]. Долгое время часть бумаг Шлаттера хранилась у его наследников, и лишь некоторые — в “старинном монетном архиве”, включая “Описание медалей” и “Рассуждение о природе железных кирас в лучшую доброту” (эта записка была подана И.А. Шлаттером в 1757 г. в специальную комиссию, учрежденную при Военной коллегии) [3].

Этот без сомнения выдающийся ученый был сыном уроженца Цюриха Андрея Шлаттера — асессора Берг-коллегии, в 1718 г. приехавшего в Россию по приглашению Петра I [4]. Его сын, И.А. Шлаттер, родился 19 февраля 1708 г. в Берлине, куда отец переселился, по-видимому, в первые годы XVIII в. Здесь, в столице Пруссии, прошла часть его детства. После окончания Иоахимстальской гимназии в Берлине по наставлению отца он посвятил себя горному и монетному делу.

Вместе с отцом, также специалистом в этой области, он работал в Берг-коллегии — ведомстве, заведовавшем горнорудной промышленностью в России. Оно было учреждено в 1719 г. по указу Петра I вместо существовавшего с 1700 г. Рудного приказа. Проект создания нового ведомства с коллегиальной формой управления был предложен царю еще в 1712 г., можно сказать, соотечественником И.А. Шлаттера — И.Ф. Блюэром, одним из основателей горного дела в России. Блюэр был родом из соседней Саксонии, где добыча серебра и чеканка монет находились на очень высоком уровне. С 1500 г. здесь начали выпускать собственные гульдинеры — крупные серебряные монеты весом до 29,2 г, за которыми уже в XVI в. закрепилось название “талер”. В России выпускавшиеся с 1704 г. рубли по весу и внешнему оформлению были ориентированы на европейские талеры, при том, что в период правления Петра I отношения с Саксонией оставались дружественными, не удивительно, что ее специалисты привлекались для работы в России.

Несомненно, что Блюэр знал семью Шлаттеров — впрочем, так же, как и Я.В. Брюс, назначенный первым президентом этой коллегии в 1722 г. Об этом косвенно говорит успешное продвижение молодого

И.А. Шлаттер.

И.А. Шлаттера по лестнице должностей и чинов. С 1722 г. он значится пробирером в этой коллегии (пробирным мастером, чиновником по определению пробы металлов)¹. В 1726 г. Шлаттер стал минц-вардейном (чиновником, заведующим монетным производством)² Монетной канцелярии в С.-Петербурге. С этого времени он непосредственно связан с производством монеты в обширной империи. Его по-

знания в горнорудном деле обратили на себя внимание, и в следующем году ему было поручено осмотреть местность вблизи С.-Петербурга у Дудергофа, где, по некоторым признакам, могла залегать медная руда [5].

В то время горнорудное дело было молодым в России, и большинство имевшихся по этому предмету пособий и книг было на немецком языке. Закономерно, что на И.А. Шлаттера возложили и обязанности переводчика. Благодаря этому он имел возможность познакомиться с необходимой литературой, и отчасти эти накопленные знания были обобщены им в собственных трудах. Одним из них стало «Описание при монетном деле потребного искусства», изданное в 1739 г. в С.-Петербурге и являющееся сегодня библиографической редкостью.

Это была первая российская книга по пробирному искусству, состоящая из двух частей. Она содержала описание истории монетного дела, технологии чеканки и обработки монет, сведения о получении монетных сплавов и об определении пробы драгоценных металлов в них. «Намерение мое ныне есть, — писал автор в предисловии, — не похвалу монетного искусства описать... я же сие токмо представить желаю... дело, чрез которое люди внутренность металлов познавають» [6]. Основное внимание Шлаттер уделяет пробированию золота, серебра, разделению обоих металлов из единого сплава, очищению драгоценных металлов, а также достижению их нужной пробы.

В правление императрицы Анны Иоанновны большое внимание уделялось качеству российской монеты. Ее, равно как и медали, по исполнению хотели видеть на самом высоком европейском уровне. В этой связи в январе 1735 г. И.А. Шлаттер предложил пригласить в Россию известных медальеров: И.К. Гедлингера (Швеция), И.Х. Коха (Саксония) и Ж. Жерара (Франция)³ [7].

В 1736 г. И.А. Шлаттер как переводчик Монетного департамента был переведен в Москву, где им и было составлено уже упомянутое «Описание...», а также на-

писана работа «Арифметические таблицы о всех пробах золота и серебра» (издано в С.-Петербурге в 1739 г.). Эти книги имели сугубо практическое значение — их использовали мастера монетного дела как руководством по различным вопросам, связанным с производством монеты.

В то пору Московский монетный двор, также именовавшийся Красным (по красному цвету кирпичных стен), размещался в палатах у Воскресенских ворот. Это было длинное двухэтажное здание с проездной аркой и собственным внутренним двором, выстроенное в 1697 г. На нижнем этаже сооружения находились Плавильная, Кузнечная, Плащильная и Пожигальная палаты, где производилась монета. Собственно, новое место работы И.А. Шлаттера — две пробирные комнаты вместе с Казначейской, кладовыми и «Большой работной» палатами, располагались на втором этаже здания и хорошо освещались благодаря большим окнам.

При Петре I в Москве работало четыре монетных двора. С организацией в 1724 г. монетного двора в новой столице империи С.-Петербурге чеканить монету стали и на берегах Невы. Однако расходы на ее чеканку были очень высоки. Вследствие этого уже в правление Петра II, в 1728 г., Петербургский монетный двор остановил свою деятельность, и производство монеты сосредоточилось в Москве, где издержки по ее выпуску были меньше [8]. Именно здесь, в Москве, были созданы многие подлинные шедевры русской монетной чеканки — красивые портретные рубли и червонцы начиная со времен Петра I вплоть до первых лет правления Екатерины II. Здесь, на Красном монетном дворе, работали искусные граверы Г. Гаупт, С. Гуэн и А. Шульц.

Качество выпускаемой монеты поддерживалось на высоком уровне, и мастера должны были обладать вы-

Воскресенские ворота и здание Красного монетного двора в Москве. Офорт. Вторая половина XVIII в.

¹ Пробирер — в XVIII в. горный чин 14 класса, соответствовал званию прапорщика.

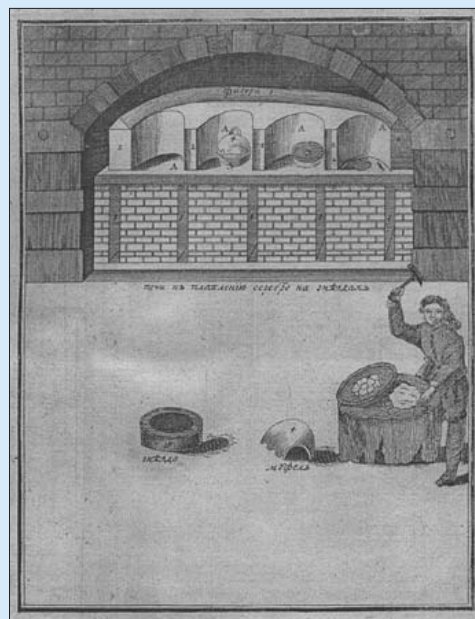
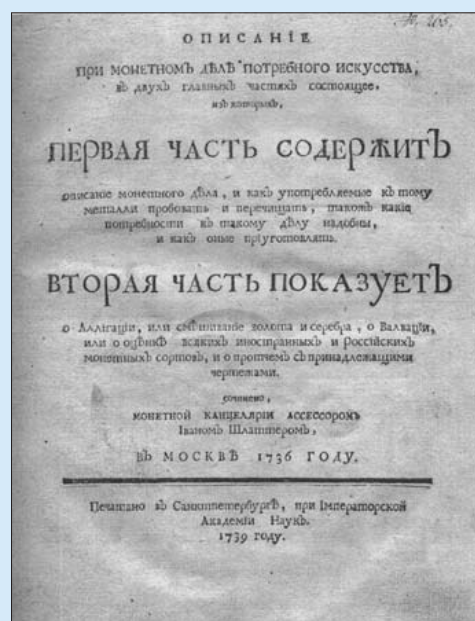
² Должности вардейнов и минц-вардейнов существовали в XVIII в. при Монетной конторе. Они заведовали пробированием металлов. При учреждении корпуса горных инженеров в 1834 г. эти звания были упразднены.

³ Из указанных медальеров в Россию на два года приехал только И.К. Гедлингер.

Труды И.А. Шлаттера:

“Арифметические таблицы о всех пробах золота и серебра, которые вычислены против российского развеса на пуд, фунт и золотник” (СПб., 1739); “Описание при монетном деле потребного искусства, в двух главных частях состоящее” (СПб., 1739); “Каталог русских монет”, напечатанный в *Musei Imperialis Petropolitani*, vol. II, pars III (СПб., 1745); “Задачи, касающиеся до монетного искусства, сочиненные для обучения при монетных дворах коллегии и титулярных юнкеров, и прочих учеников” (в трех частях, СПб., 1754—1758); “Обстоятельное описание рудного плавильного дела” (в трех томах, СПб., 1763—1767; четвертый, пятый и шестой тома этого сочинения остались ненапечатанными); “Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в которых описаны рудокопные места, жилы и способы для приску оных, також учреждение новых рудников, потребные к рудному производству машины, и разборание, толчение и промывание руд; с прибавлением о добывании каменного угля, сочиненное многими чертежами, изъясненное действительным статским советником Берг-коллегии президентом и Монетной канцелярии главным судьей Иваном Шлаттером” (СПб., 1760); Историческое описание до монетного дела принадлежащее, писанное по 1761 г. действительным статским советником Берг-коллегии и Монетного департамента президентом Иваном Шлаттером, а с того по 1778 г. продолженное и дополненное с показанием числа денег, колико оных в царствование каждого монарха из тиснения выходило, статским советником и означенных же присутственных мест начальствующим членом Андреем Нартовым 1778 г. // Горный журнал. 1832 г. Часть 3, книжка 8. С. 233—257; Часть 3, книжка 9. С. 415—434; Часть 4, книжка 10. С. 137—144; Часть 4. Книжка 11. С. 311—340; Часть 4, книжка 12. С. 455—484.

Также И.А. Шлаттер перевел на русский язык сочинение И.Г. Валериуса “Минералогия, или описание всякого рода руд” (Валериус И.Г. Минералогия, или описание всякого рода руд и ископаемых из земли вещей, сочиненное Иоганном Готшалком Валерием, Королевской шведской академии в Упсале философии и медицины доктором, а с немецкого на российский язык переведенное действительным статским советником, Берг-коллегии президентом и Монетной канцелярии главным судьей Иваном Шлаттером. СПб., 1763).

Титульный лист к книге И.А. Шлаттера “Описание при монетном деле потребного искусства” (1739 г.) и изображение печи для плавки серебра в той же книге.

сокой квалификацией. Труды Шлаттера, написанные на основе европейских книг по монетному и горнорудному делу, должны были возместить недостаток в отечественной литературе в этой области.

Скорее всего, Шлаттер непосредственно сам принимал участие в чеканке монеты или консультировал по этому вопросу мастеров. По крайней мере, он значится во главе группы монетчиков из Москвы, направленных в С.-Петербург для возобновления деятельности монетного двора в Петропавловской крепости.

В указе императрицы Анны Иоанновны от 15 сентября 1737 г. значилось, что “покупное вывозное из-за моря серебро... покупают в С.-Петербурге и отправляют на монетные дворы в Москву,... и от того в деле монет чинится остановка” [9]. Она велела возобновить чеканку монеты в С.-Петербурге, направив туда половину мастеров и оборудования из Москвы⁴.

Решение о продолжении работы Петербургского монетного двора было вызвано фискальными соображениями. Основная масса серебра поступала в “северную столицу” от сбора таможенных пошлин в порту на Неве; их брали европейскими талерами. Кроме того, серебряные монеты и слитки закупались у иностранных купцов. В результате подсчетов обнаружилось, что выгоднее чеканить золотую и серебряную монету в С.-Петербурге, так как отсутствовали накладные расходы по дальнейшей перевозке ценного груза в Москву и экономилось время. Прежде серебро возили в Москву, где его перечеканивали в монету, значительную часть которой отправляли обратно в С.-Петербург, где находились государственные учреждения.

Монетный двор здесь предполагали возобновить в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Шлаттер, приехавший в С.-Петербург осенью 1737 г., нашел бастион в плачевном состоянии, и лишь его организаторские способности позволили быстро наладить подготовительные работы. Чеканка монеты в Петропавловской крепости была возобновлена 24 января 1738 г. Первоначально это было производство серебряных рублей и полтин нового образца [10] с портретом императрицы Анны Иоанновны. Били также и золотые червонцы.

По расчетам Шлаттера, ежегодная чеканка серебряной монеты на Петербургском монетном дворе должна была составлять более 2,5 млн. рублей [11]. Таким образом, планировалось обеспечить полноценной монетой обширную империю. В Петропавловской крепости сосредоточилось большинство российских медальеров, отсюда обычно рассылались образцовые штемпеля для других монетных дворов. Вместе с медальером Х. Гольдбахом Шлаттер разрабатывает проекты медалей на события 1730-х гг.⁵

Когда в 1742 г. над Петербургским монетным двором нависла угроза закрытия по причине больших

расходов (по сравнению с Московским монетным двором), потребовалось убедить новую императрицу Елизавету Петровну не делать этого. “Вероятно, кто-то ей подсказал, — пишет один из современных историков, — что Монетный двор Петербурга основан Петром Великим и закрытие его может быть неправильно истолковано приближенными. Кроме того, “конъюнктуры” как раз способствуют активизации чеканки в столице как серебряной, так и золотой монеты, в которой царский двор испытывал постоянную нужду” [12]. Кто был той загадочной персоной, мы не знаем. Можно лишь предположить, что это дело не обошлось без участия Шлаттера.

В 1740 г. за усердную службу Шлаттер был назначен советником канцелярии Монетного департамента. Он сосредоточился на исследовании физико-химических свойств металлов. Его научные изыскания были направлены на усовершенствование процесса монетного производства. Уже в 1740 г. им был введен способ “очищать сора, оставшиеся от золотых переделов”, а в 1748 г. — метод так называемого сухого разделения золота от серебра. Он состоял из двух главных процессов: “сухого” разделения металлов посредством серы и окончательного “мокрого” — посредством царской водки⁶. Этот комбинированный метод аффинажа⁷, использовавшийся в России до 1825 г. (по другим сведениям — до середины XIX в.) [13], получил название “шлаттеровской методы”.

Описанные способы очистки и разделения металлов применялись Шлаттером в специальной лаборатории, созданной при Петербургском монетном дворе. Причиной их использования стало задание отделить золото от серебра в золотистом серебре — кусках породы, доставленных с Нерчинских и Алтайских месторождений (в 1745 г. там была найдена серебряная руда с примесью золота). Также Шлаттер внедрил в отечественное монетное дело отливку серебра тонкими пластинами для передела монеты⁸, выплавку серебра большими количествами сразу и усовершенствовал технику чеканки монет.

С 1740 г. он среди прочего начал заниматься описанием сохранившихся на монетных дворах медальных штемпелей, планируя издать свой труд. К сожалению, эта рукопись ученого не была опубликована. До наших дней она дошла в русском переводе XVIII в. и в немецком (на языке оригинала) — XIX в. Каталог Шлаттера содержал 58 номеров и описывал медали с периода царствования Петра I. Этот труд стал, своего рода, образцом для последующих изданий монетного двора [14].

В 1750 г. усилиями И.А. Шлаттера была создана профессиональная школа для подготовки специалистов монетного дела. Он сам стал одним из преподавателей этой школы. При его активном участии уже в 1741 г. было принято решение послать на обучение молодых резчиков в рисовальные классы Академии

⁴ Всего в С.-Петербург для возобновления деятельности монетного двора из Москвы приехало 52 монетчика с частью необходимого оборудования и инвентаря.

⁵ В связи с приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны выпуск этих медалей не был осуществлен (Шукина Е.С. Указ. соч. С. 40.).

⁶ Царская водка — смесь концентрированных соляной и азотной кислот в соотношении 3:1.

⁷ Аффинаж (фр. *affinage* от *affiner* — очищать) — металлургический процесс получения благородных металлов высокой пробы.

⁸ Этот метод был усовершенствован его сыном Генрихом-Вильгельмом Шлаттером (Бальзер А. Указ. соч. С. 283.).

наук, “дабы монетные дворы могли со временем искусными медальерами удовлетворены быть” [15]. Одновременно для работы на Петербургском монетном дворе из-за границы были приглашены искусные медальеры Бенжамен Скотт и Жак-Антуан Дасье. Скотт был принят на русскую службу в 1748 г. Работая сначала в Москве, а с 1751 г. — в С.-Петербурге, он выучил ведущих русских специалистов в области монетного дела второй половины XVIII в. — С.Ю. Юдина и Т.И. Иванова.

В середине XVIII в. петербургским монетчикам под руководством И.А. Шлаттера был дан важный заказ — изготовить серебряную раку для хранения мощей князя Александра Невского. Эти работы велись в 1749—1752 гг. Автором рисунка массивного сооружения был придворный живописец Г.-Х. Грот. Кроме платы за работу Шлаттеру полагались квартира, свечи, дрова, а также “все материалы, в сей работе принадлежащие”.

Рака была выполнена в барочном стиле в виде саркофага, увенчанного барельефным изображением Александра Невского. На ее изготовление было запрошено 90 пудов серебра 82-й золотниковой пробы (854-й пробы в современном исчислении), которое составлялось Петербургским монетным двором. В общей сложности рака весила более 89 пудов (1,5 тонны) серебра и обошлась казне в 80 244 руб. 62 копейки [16].

Это произведение было высоко оценено современниками. Именно с того времени Шлаттер стал занимать высокие посты. В 1753 г. он был назначен главным судьей (директором) Монетной канцелярии, находившейся в то время в Москве, но уже в следующем году переведенной в С.-Петербург. В 1754 г. Шлаттера назначают директором Петербургского монетного двора. В том же году Монетная канцелярия просила Сенат передать под размещение двора Нарышкин Бастион Петропавловской крепости по причине совершенной ветхости помещений, где работали мастера по производству денег. В итоге Петербургский монетный двор получил новые площади, на которых установили дополнительное оборудование и привлекли к работе больше специалистов. Это позволило увеличить объемы выпускаемой монеты — рублей и полтин. А с 1755 г. двор в Петропавловской крепости начал чеканку мелкой серебряной монеты — пятаков. Именно в середине XVIII в. объемы чеканки монетного двора в “северной столице” значительно превзошли таковые в Москве. Кроме того, с 1755 г. Петербургский монетный двор начинает чеканку крупных золотых монет: империалов и полуимпериалов.

Между тем при новых нагрузках Шлаттеру выплачивали прежнее вознаграждение. В конце концов это вынудило его (с 1732 г. состоявшего в российском подданстве) подать прошение об улучшении своего материального положения (в 1756 г.). Он отмечал, что с 1740 г. получал жалования 1000 рублей в год — меньше, чем его коллеги в других ведомствах. “И оным за неимением у себя деревень и других доходов, также и за дороговизной всего здесь в С.-Петербурге... пришел в совершенную скудость”. Сенат благоволил

чиновнику и ученому, увеличив его жалование почти в два с половиной раза (до 2400 рублей в год) [17]. Также была удовлетворена просьба об определении к нему “для обучения монетному и рудному делу” двух его сыновей — Андрея и Ивана⁹.

В 1755 г. в России началась чеканка медных монет нового образца, получивших у коллекционеров название “облачных” копеек. Их производство, в том числе из перчекана прежней “грошевой” монеты, велось на Московском и Екатеринбургском монетном дворах. Причем для переустройства Екатеринбургского двора из Москвы были отправлены шесть резчиков штемпелей (чеканов) и шестнадцать монетчиков. Инструкции, как чеканить новую монету, давал сам Шлаттер: “Показанные грошевики перепечатывать там впредь таким порядком: обжигать, и по обжигании горячие класть в воду, и по вынятии из воды которая будет на них окалина — оную очищать (положа их в мешок, тереть)” [18].

В 1756 г. по предложению Сената И.А. Шлаттер составил записку “О лучшем устройстве Нерчинских и других сереброплавильных заводов”. В итоге эти заводы вышли из ведомства Берг-коллегии и были переданы в ведение особой экспедиции под руководством И.А. Шлаттера.

По инициативе пользовавшегося абсолютным доверием императрицы Елизаветы Петровны П.И. Шувалова в 1757 г. был утвержден проект вексельного обращения для замены хождения тяжеловесной медной монеты. Шлаттер был назначен заведующим “производством о раздаче на векселя и о развозке медных денег”. Целью этого проекта, венцом которого стал основанный в 1758 г. Медный банк, было удержание в казне серебряной монеты — международного денежного эквивалента. В то же время денежное обращение внутри империи должно было наполниться медной монетой и денежными суррогатами.

О том, что такие вексельные переводы в России начали осуществляться, говорит сохранившийся в собрании Государственного Исторического музея экземпляр векселя 1759 г. Отпечатанный на белой бумаге бланк был заполнен от руки канцеляристом. Судя по тексту документа, деньги в сумме 9,5 тыс. рублей “серебряной монетой” переводились из С.-Петербурга в Москву. Вексель был выдан Соляной конторой (через которую осуществлялись денежные переводы) на имя “Лотерейной конторы бухгалтера” Федора Фишера. Показательно, что документ был записан в Соляной конторе под номером “399”, означавшим, что, по меньшей мере, уже около четырех сотен подобных векселей обращалось в России.

Шлаттер возражал против большого количества медных монет в денежном обращении страны. Он предлагал хранить их в специально созданных банках, а в обращение выпускать банковые билеты, прообразом которых и были векселя.

В 1759 г. Шлаттер одобрил проект чеканки российских монет для Восточной Пруссии, занятой русской армией в ходе Семилетней войны. Эти монеты чеканились в Кёнигсберге и Москве в фракционных талерных номиналах (солид, 1, 2, 3, 6 и 18 грошей) из

⁹ Имеются в виду Генрих-Вильгельм и Иоганн-Вильгельм Шлаттеры.

Памятная медаль, изготовленная в честь И.А. Шлаттера медальером И.-Г. Вехтером.

серебра пониженной против российской пробы, из которого обычно и чеканили подобную монету здесь ранее.

Несмотря на то, что на Шлаттера были возложены большие обязанности, он не прекращал заниматься наукой. В 1754—1758 гг. вышли в свет его “Задачи, касающиеся до монетного искусства”, написанные как обучающее пособие для “определенных при монетных дворах титулярных юнкеров и прочих учеников”. В те же годы Шлаттер работал над руководством для металлургов и горняков, которое было опубликовано в 1760 г. под названием “Обстоятельное наставление рудному делу” [19]. Эта книга стала практическим руководством по разведке и разработке рудных месторождений и обогащению руд. Она имела среди специалистов такой успех, что начальство Колыванских заводов обязало горных инженеров изучать эту работу.

В 1760 г. И.А. Шлаттера назначают президентом Берг-коллегии. Благодаря покровительству новой императрицы Екатерины II при нем этому ведомству не только удалось сохранить свое прежнее значение, но и расширить поле деятельности. В 1762 г. была возобновлена работа Екатеринбургского монетного двора, а в 1763 г. началось строительство Сузунского (Колыванского) монетного двора на Алтае.

В 1763 г. Екатерина II посетила Петербургский монетный двор. Ее визит свидетельствовал как об интересе к состоянию монетного дела, так и о расположении к ученому. По-видимому, увиденное произвело на императрицу впечатление. Мастерские и рабочие получили от ее имени по полтине серебром, а Шлаттер — еще большее доверие. С 1764 г. возглавляемая им Монетная коллегия уже ведала и монетами, и медалями, и пробирной стандартизацией. Со временем значительно возрос объем выпуска заказных памятных медалей¹⁰.

Шлаттер был автором идей об увеличении числа монетных дворов, о понижении веса мелкой серебряной монеты, а также о разрешении привозить из-за рубежа российскую серебряную монету, которая была вывезена во время Семилетней войны. В своем докладе Екатерине II (1762 г.) он отмечал, что в России ни-

когда не придерживались европейского соотношения цен на золото и серебро (1:15), и приводил доводы, что в странах, где оно было 1:14 (таким было соотношение ценности золота к серебру в России), золотая монета исчезала из обращения, она вывозилась за границу, где ценилась дороже. По признанию ученого, “оних золотых монет весьма мало в России осталось”.

Доводы Шлаттера были услышаны императрицей, и в 1764 г. в России была установлена, по мнению И.А. Шлаттера, идеальная пропорция ценности золота к серебру (1:15) путем снижения пробы в серебряном рубле и уменьшения массы имперIALа. Уменьшение веса серебряной монеты позволило компенсировать расходы на ее изготовление. Причем за счет прибыли от передела золотой и серебряной монеты Шлаттер советовал Екатерине II сформировать фонд на покрытие чрезвычайных расходов.

В 1763 г. императрица Екатерина II заинтересовалась чеканкой монеты из меди, получаемой на Колывано-Воскресенских заводах (на Алтае) при выплавке серебра. Канцелярия этих заводов донесла императрице, что на предприятиях имеется значительный запас меди, уже полученной при выплавке серебра, из которой можно чеканить монету на месте.

Главная проблема заключалась в том, что эта медь была намного дороже обычной: в ней содержались частички как золота, так и серебра¹¹. Поэтому чеканить из такой меди общегосударственную монету по расчёту 16 рублей из пуда было накладно для казны. Составивший при Колывано-Воскресенских заводах советник И.С. Христиани представил императрице расчёт стопы, рекомендуемой для новых монет. Она была составлена исходя из цен металлов и прибыли казны. По расчётам Христиани, пуд колыванской меди стоил 15 рублей 33 копейки. Поскольку за пуд обычной меди государство платило заводчикам 6 рублей и чеканило из нее монет на 16 рублей, то, следуя этой пропорции, из пуда колыванской меди следовало чеканить монету примерно на 40 рублей.

Для того чтобы убедиться в правильности расчётов Христиани, Екатерина II поручила аналогичную работу и Шлаттеру. Свои расчёты он изложил в докладе от 27 августа 1763 г. В отличие от Христиани Шлаттер вычислял монетную стопу для новых денег исходя из стопы общегосударственных серебряных, золотых и медных монет. В итоге Шлаттер счел целесообразным выпускать из колыванской меди более тяжелые монеты — по 25 рублей из пуда. При этом прибыль казны от такой чеканки не превышала 60%.

Несмотря на то, что проект Христиани был более выгоден для казны, кабинет Екатерины II остановился на проекте Шлаттера. Тому были свои причины. Алтайская серебристо-золотистая медь была совершенно неотличима от обычной меди, и поэтому фальшивомонетки могли с успехом использовать ее для изготовления фальшивых сибирских монет. В этом случае стопа Христиани давала семикратное превышение номинальной цены фальшивых монет над рыночной ценой металла, тогда как стопа Шлаттера — четырехкратное превышение.

¹⁰ Только братья Иоганн-Георг и Георг-Христиан Вехтеры, работавшие в России с 60-х гг. XVIII в., выполнили более 50 видов медалей, ставших заметным вкладом в русское медальерное искусство.

¹¹ По примерным подсчетам, колыванская медь содержала 0,79% серебра и 0,03% золота.

Так была определена 25-рублевая стопа известных нумизматам медных “сибирских” монет, указ о чеканке которых состоялся 7 ноября 1763 г. Они выпускались (до 1781 г.) в шести номиналах (полушка, денга, копейка, 2 копейки, 5 копеек и 10 копеек) с изображением элементов герба Царства Сибирского. Чтобы не путать эти монеты с общегосударственными, хождение “сибирских” денег ограничивалось Сибирью и Дальним Востоком.

Одновременно с составлением проекта по сибирским деньгам Шлаттеру была поручена организация работы по изъятию легковесной монеты, начеканенной в короткое правление Петра III, которая создавала опасность массовой подделки медных российских денег. Эти копейки перечеканивались в начале 1760-х гг. в общегосударственную монету 16-рублевой стопы (на Московском монетном дворе).

Здоровье ученого пошатнулось, и в 1767 г. Шлаттер подал прошение об отставке в связи с состоянием здоровья. Оно было удовлетворено, и 1 января 1768 г. президент Берг-коллегии вышел на отдых с пожалованием высокого чина тайного советника. Вместо пенсии ему было подарено поместье в Лифляндии в 12 гаков [20]. Менее месяца спустя (23 января того же года) в возрасте 59 лет он скончался в С.-Петербурге. Его большая специализированная библиотека по горному и монетному делу была приобретена А.Ф. Турчаниновым, владельцем рудников в Сибири. В честь Шлаттера медальером И.-Г. Вехтером была изготовле-

на памятная медаль, на одной стороне которой был изображен бюст ученого, а на другой — регулярный парк и работник, вскапывающий землю (намек на трудолюбие Шлаттера), и помещена лаконичная надпись на латыни: PRO POSTERITATE VIRES MEAS CONSACRO (“Потомкам силы мои посвящаю”). Однако, по словам биографа Шлаттера А. Бальзера, “ошибки с их надписей подали повод сделать другую медаль, и на ней изображено: богиня наук сидящая, в правой руке держит горящую лампаду. По левой стороне — накрытый стол, на коем в коробочке лежат весы, покрытые левой рукой богини; пред нею на полу с правой стороны видно блюдо... и горный молоток, а с левой — химическая печь..., по правую сторону — чеканный пресс” [21]. Этим штемпелем в 1788 г. было отчеканено лишь десять медалей, после чего он пришел в негодность. Изготовивший его медальер И.Б. Гасс хотел вырезать новый подобный штемпель, однако это им не было сделано.

В знак признания заслуг ученого Екатерина II пожаловала вдове Шлаттера 2 тысячи рублей и ежегодную пенсию в 600 рублей на содержание и воспитание детей [22].

Представители многочисленной семьи И.А. Шлаттера (от брака с дочерью дудергофского пастора С.Е. Вассерман он имел двух сыновей и девять дочерей) не достигли головокружительной карьеры отца, оставаясь лишь исполнительными, но заурядными чиновниками...¹².

Источники:

1. Юхт, А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 152.
2. Историческое описание до монетного дела принадлежащее, писанное по 1761 г. действительным статским советником Берг-коллегии и Монетного департамента президентом Иваном Шлаттером, а с того по 1778 г. продолженное и дополненное с показанием числа денег, koliko оных в царствование каждого монарха из тиснения выходило, статским советником и означенных же присутственных мест начальствующим членом Андреем Нартовым 1778 г. // Горный журнал. 1832. Часть 3, книжка 8. С. 233—257; Часть 3, книжка 9. С. 415—434; Часть 4, книжка 10. С. 137—144; Часть 4. Книжка 11. С. 311—340; Часть 4, книжка 12. С. 455—484.
3. Бальзер, А. Известие о фамилии гг. Шлаттеров, много спешествовавших усовершенствованию горных и монетных дел в России // Горный журнал. 1844. Часть 1, книжка 2. С. 294.
4. Там же. С. 280.
5. Бальзер, А. Указ. соч. С. 280.
6. Шлаттер, И.А. Описание при монетном деле потребного искусства. СПб., 1739. С. 3.
7. Шукина, Е.С. Два века русской медали. Медальерное искусство в России 1700—1917 гг. М., 2000. С. 43, 44.
8. Ламанский, Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 г. по 1817 г. // Сборник статистических сведений о России, изданный императорским Русским географическим обществом. Кн. II. СПб., 1854. С. 98.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (год, город). Т. 10. № 7375. С. 270.
10. Узденников, В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах: 1700—1917 гг. М., 1995. С. 40.
11. Смирнов, М.И. Со знаком “С.П.Б.”. Очерки истории Санкт-Петербургского монетного двора: 1724—1994 гг. Тольятти, 1994. С. 19.
12. Смирнов, М.И. Указ. соч. С. 19, 20.
13. Орлов, С.В., Бакарев, А.В. Монетный двор. История и современность. К 285-летию Санкт-Петербургского монетного двора. Гознака. СПб., 2009. С. 285.
14. Шукина, Е.С. Указ. соч. С. 38.
15. Там же. С. 58.
16. Орлов, С.В., Бакарев, А.В. Указ. соч. С. 34.
17. Юхт, А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 153.
18. Цитата дана по изданию: Медные монеты Екатеринбургского монетного двора. Б.м. и г. С. 75. О чеканке медной монеты в 1755 г. см.: Юхт, А.И. Указ. соч. С. 126, 127.
19. Шлаттер, И.А. Обстоятельное наставление рудному делу, состоящее из четырех частей, в которых описаны рудокопные места, жилы и способы для приску оных, також учреждение новых рудников, потребные к рудному производству машины, и разобранье, толчение и промывание руд; с прибавлением о добывании каменного угля, сочиненное многими чертежами, изъясненное действительным статским советником Берг-коллегии президентом и Монетной канцелярии главным судьей Иваном Шлаттером. СПб., 1760.
20. Бальзер, А. Указ. соч. С. 282.
21. Там же. С. 285 сн.
22. Там же. С. 293, 294.

¹² Старший сын И.А. Шлаттера, Генрих-Вильгельм (ум. в 1759 г.), дослужился до ассессора. Карьера младшего сына, Иоганна-Вильгельма (ум. в 1780 г.), сложилась более удачно: он служил при Санкт-Петербургском монетном дворе и дослужился до звания статского советника.

Адам Багдановіч — супрацоўнік Сялянскага пазямельнага банка

Ірына ШОРАЦ

Вядучы навуковы
супрацоўнік
Літаратурнага музея
Максіма Багдановіча

Адам Ягоравіч (Адольф Рыгоравіч) Багдановіч — фалькларыст, этнограф і мовазнавец — прыцягвае нашу ўвагу найперш тым, што ён даў жыццё Максіму Багдановічу, цудоўнаму беларускаму паэту, класіку беларускай літаратуры. Нарадзіўся Адам Багдановіч 20 сакавіка 1860 г. у мястэчку Халопенічы Барысаўскага павета Мінскай губерні ў сям’і прыгонных сялян.

У 1882 г. скончыў Нясвіжскую настаўніцкую семінарыю. З 1885 г. працаваў настаўнікам і загадчыкам першага Мінскага пачатковага вучылішча, а па вечарах выкладаў у яўрэйскім вучылішчы. Менавіта на гэты час прыпадае яго актыўная рэвалюцыйная дзейнасць: ён кіруе падпольнымі гурткамі самаадукацыі — афіцэрскім, жаночым і рабочым, наладжвае сувязь паміж Мінскай арганізацыяй “Народная воля” і групай народных настаўнікаў. Напружаная праца ў ву-

чылішчах і актыўная грамадская дзейнасць падарвалі яго здароўе. Ён захварэў на сухоты, і дактары забаранілі займацца настаўніцкай дзейнасцю.

У 1892 г. Адам Багдановіч пераязджае з сям’ёй у Гродна і паступае на службу ў аддзяленне Сялянскага пазямельнага банка. Адначасова з працай у банку ён займаецца навуковай і публіцыстычнай дзейнасцю. Пазней пераязджае ў Ніжні Ноўгарад і Яраслаўль, дзе працуе ў мясцовых аддзяленнях пазямельнага банка, а з 1920 г. загадвае навуковай бібліятэкай пры Яраслаўскім гіс-тарычным музеі. У аўтабіяграфіі Адам Багдановіч узгадвае: “На государственную службу я назначен с 1 сентября 1882 г. и с той поры непрерывно несу ее в течение почти 45 лет...”

В 1892 г. я перешел на службу в Крестьянский земельный банк, работа в котором могла давать обильную пищу моим народническим влечениям. По Крестьянскому Банку я проходил службу в разных городах: в Гродно с 5 июня 1892 г. по 1 октября 1896 г. в должности помощника бухгалтера, в Нижнем Новгороде в должности сначала бухгалтера, а затем непременно члена /с 15 января 1902 г./, в Ярославле в должности непременно члена с 1907 г., а затем и управляющим Ярославским Отделением Крестьянского банка с 26 июля 1918 г. по 1 февраля 1920 г. — день окончательной ликвидации Отделения”.

Няпростым і ў пэўным сэнсе трагічным быў яго сямейны лёс, бо гэтаму чалавеку давалося тройчы пачынаць сямейнае жыццё. Першай жонкай Адама Ягоравіча была Марыя Апанасаўна Мякота. У 1888 г. быў зарэгістраваны шлюб, у якім нарадзілася чацвёра дзяцей. Другім сынам быў Максім Багдановіч, будучы класік беларускай літаратуры.

Адам Ягоравіч быў мудрым чалавекам. Выхоўваючы сваіх дзяцей, ён клапаціўся пра тое, каб дзеці былі не толькі фізічна, але і духоўна здаровымі, усебакова развітымі. Асаблівую ўвагу бацька надаваў далучэнню дзетак да фальклору — напэўна, з-за таго, што сам быў знаўцам скарбаў народнай вуснапаэтычнай творчасці, перш за ўсё беларускай. Чытаў дзецям спецыяльна падобраныя творы з народнага эпосу, рускай літаратуры, дасканала знаёміў іх са старажытнагрэчаскай міфалогіяй, паэзіяй, гісторыяй. Адам Ягоравіч заахвочваў дзяцей да самастойнай працы, для самаадукацыі дома была вялікая бібліятэка, дзе можна было знайсці ўсё патрэбнае для гэтага. Вусныя народныя творы, запісаныя А. Багдановічам на Беларусі, зборнікі рускага і беларускага фальклору іншых аўтараў (А. Афанасьева, П. Шэйна, Е. Раманова), якімі ён карыстаўся ў сваёй рабоце, і былі той жыватворнай крыніцай, якая выхавала ў яго сына Максіма любоў да беларускага слова, беларускай песні, што, у рэшце

рэшт, у значнай ступені паспрыяла нараджэнню яго як паэта.

Адам Ягоравіч як супрацоўнік аддзялення Сялянскага пазямельнага банка быў вельмі адказным, сумленным чалавекам. Пра гэта сведчыць шэраг дакументаў, якія ён вёў, і дзякуючы яго прафесійнай скурпулёзнасці яны захаваліся ў добрым стане. Да гэтых дакументаў адносяцца як асабістыя дакументы А.Я. Багдановіча (працоўная кніжка, спісы, лісты, квітанцыі), так і дакументы Сялянскага пазямельнага банка — акты, уставы, пратаколы, расклады.

У фондах Літаратурнага музея Максіма Багдановіча захоўваецца шэраг дакументаў, звязаных з банкаўскімі справамі, якімі займаўся Адам Ягоравіч Багдановіч. Сярод іх “Устав Крестьянского поземельного банка” (дарэчы, гэты дакумент увайшоў у дзеянне ў 1895 г. і быў распрацаваны Міністэрствам фінансаў пад кіраўніцтвам С.Ю. Вітэ і зацверджаны імператрам Аляксандрам III. Дзякуючы менавіта гэтаму дакументу Сялянскі пазямельны банк атрымаў права купляць землі за асабісты кошт для наступнага перапродажу, а таксама даваць пазыкі пад землі, якія сяляне ўжо набылі. У выніку за 1896—1905 гг. удзельная вага банка ў сістэме іпатэчных крэдытных устаноў вырасла з 11,6 да 29,9%), а таксама “Объяснительная записка к расписанию подесятинных нормальных оценок Крестьянского поземельного банка” 1913 г., “Расписание подесятинных нормальных оценок Крестьянского поземельного банка” 1914 г., “Расходы хуторянина при составе семьи в 5-ти человек” начала XX века, “Акт о приеме имущества Крестьянского поземельного банка” 1918 г., “О пределе делимости земельных участков” 1911 г. Вельмі цікавы дакумент аб расходах хутараніна. У ім падлічаны як першасныя неабходныя расходы на сям’ю, так і другасныя. Да перш за ўсё неабходных, якія патрэбны сям’і складаюць 5 чалавек, адносіліся расходы на будаўніцтва дома, сельскагаспадарчага інвентара, на дровы для ацяплення, прадукты харчавання, розныя прадметы хатняга карыстання, адзенне, расходы на царкву. Дзякуючы гэтым дакументам можна даведацца як пра дзейнасць Сялянскага пазямельнага банка, так і пра гісторыю, культуру сялянскага побыту канца XIX — пачатку XX ст.

Аддзяленне Сялянскага банка на тэрыторыі Беларусі ўзнікла ў канцы XIX ст. (1882 г.) як дзяржаўны іпатэчны банк Расійскай Імперыі і дзейнічала да 1917 г. Ідэя яго заснавання ў асноўным датычылася выдачы сялянам доўгатэрміновых пазык на набыццё прыватнаўласніцкіх зямель. На Беларусі аддзяленні банка дзейнічалі ў Вільні, Віцебску, Гродне, Мінску і Магілёве. У першы перыяд сваёй дзейнасці (1883—1895), нягледзячы на параўнальна нявыгадныя ўмовы атрымання пазык (пад 7,5—8,5% гадавых і неабходнасць значных даплат да іх), пры садзейнічанні банка ў беларускіх губернях куплена 425,1 тыс. дзесяцін зямлі (больш за 50% усіх сялянскіх пакупак). З 1895 г. банк атрымаў права на пакупку ва ўласны зямельны фонд памешчыцкіх, удзельных і казённых зямель. З гэтай мэтай банку быў дазволена неабмежаваны выпуск дзяржаўных пасведчанняў, якія размяшчаліся на ўнутраных і замежных фондавых рынках. Банк ператварыўся ў аднаго з найбольшых зямельных уласнікаў Расіі, перапрадаючы свае землі сялянскім гаспадаркам і таварыствам.

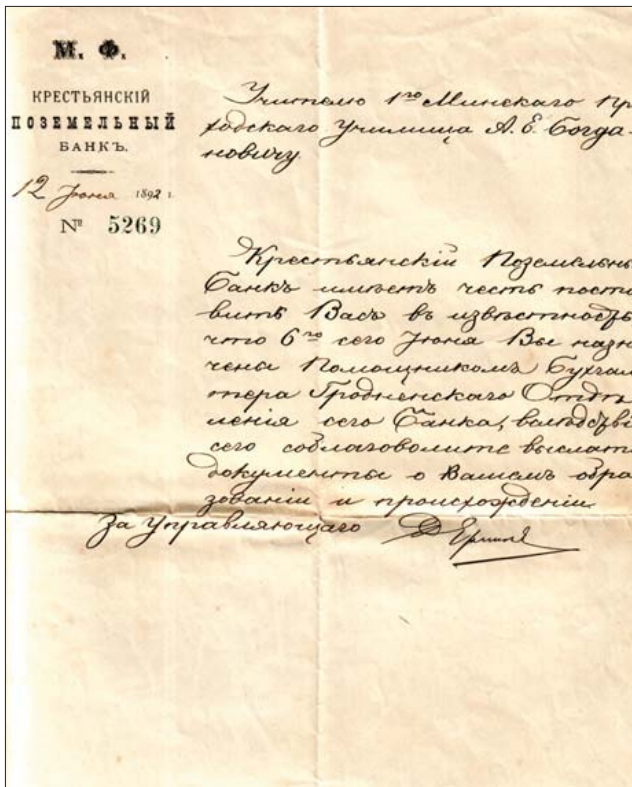

Адам Ягоравіч Багдановіч.

З 1906 г. Сялянскі пазямельны банк стаў сродкам землеўпарадкавальнай палітыкі сталыпінскага ўрада, ён выдаваў пазыкі пад заклад надзельных зямель пры перасяленні на хутары, адрубыв і новыя землі. Найбольшыя пазыкі выдаваліся аднаасобным і хутарскім гаспадаркам.

Аддзяленне Сялянскага пазямельнага банка ў Гродне.

Ліст-запрашэнне А.Я. Багдановіча на працу ў Аддзяленне Сялянскага пазямельнага банка ў Гродне.

Расклад Сялянскага пазямельнага банка.

Свае землі банк таксама драбіў на хутарскія і адрубныя ўчасткі і ў такім выглядзе прапаноўваў сялянам.

У дакуменце Сялянскага пазямельнага банка “Объяснительная записка к расписанию подешатинных нормальных оценок Крестьянского поземельного банка” 1913 г. узгадваецца пра Гродзенскае аддзяленне: “По данным Центрального Статистического Комитета за 1905 г., земли частной собственности составляли 36,7%, а наделные — 46,3% всей площади Гродненской губернии.

Устаноўленыя Гродненскім Отделением нормальныя ставкі, насколькі можна судзіць з існуючага в Банке доволі шырокага ацэночнага матэрыяла, в агульным, правільна адражаюць кошт пахотных зямель губерні; толькі па незначальнаму ліку раёнаў да вядомай ступені выяўняецца невялікая напружанасць гэтых ставак. Імаю, аднак, в вяду, што праект Отделения составлен в предположении, что упомянутые ставки будут применяться без повышения. А между тем в дальнейшем признано было целесообразным уполномочить местные Отделения Банка, в заслуживающих уважения случаях, увеличивать нормальные оценки в пределах до 25%, представляется соответственным, в видах вышей осторожности, несколько понизить эти оценки. Размер указанного понижения почти для всех районов губернии достаточно определить, примерно, в 10%”.

На Беларусі Сялянскі пазямельны банк заняў першае месца па аб’ёме іпатэчных аперацый, апарэдыўшы Дваранскі зямельны банк і акцыянерныя зямельныя крэдытныя ўстановы. Пры яго пасрэдніцтве на Беларусі купілі зямлю 215 тыс. сялянскіх гаспадароў. У той жа час банк імкнуўся да захавання высокіх цэн на зямлю, што адмоўна адбілася на пакупной здольнасці пазычальнікаў і патэнцыяльных пакупнікоў, прывяло да росту нядоімак, з-за чаго ў фонд банка адбіраліся прададзеныя ўжо землі і паўторна выстаўляліся на таргах, і, у канчатковым выніку, да памяншэння колькасці кліентаў банка з боку сялянскіх гаспадарак. Да 1917 г. Сялянскі пазямельны банк прадаў са свайго фонду ўсяго 61% зямель і 25 лістапада 1917 г. быў ліквідаваны.

Пра неабходнасць існавання для сялян гэтага банка пісаў А.Я. Багдановіч у аўтабіяграфіі: “В своем деле никто не судья, но могу сказать, что моя почти 28-летняя служба по крестьянскому банку направлялась одной руководящей идеей — интересами трудового народа. Это неоднократно было признано самими крестьянами самым трогательным образом. Наиболее ярко это выразилось в годы экономической разрухи. Я ничего не имел для продажи или обмена на продукты: все сгорело в Ярославском пожаре 1918 г., но я не чувствовал недостатка в продовольствии: крестьяне ближайшей округи в течение 3,5 лет доставляли мне и моей семье на 6 душ хлеб и всякую живность. Горжусь этой высокой оценкой моей многолетней работы”.

Літаратура:

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 6. Кн. 1. — Мн.: БелЭн, 2001.
2. Дакументы з фондаў Літаратурнага музея Максіма Багдановіча.

Кредитно-банковские учреждения Западной Беларуси в 1919—1939 гг.

Александр БАЮРА

Профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета кандидат исторических наук

рой Речи Посполитой. Белорусские земли вошли в состав трех воеводств — Полесского, Новогрудского и Виленского.

Полесское воеводство (наряду с Волынским и Новогрудским) было образовано в соответствии с Законом Польши от 4 февраля 1921 г. “Об урегулировании политико-правового положения земель, присоединенных к территории Польши на основании договора о перемирии, подписанного в Риге 12 октября 1920 г.” [1; с. 115].

1 марта 1921 г. центром Полесского воеводства был определен Брест-Литовск, получивший новое название: Брест-над-Бугом [2; с. 228]. По административно-территориальному делению восточные воеводства Польши, так называемые “крэсы восточне”, состояли из гмин, поветов и воеводств, что соответствовало волостям, уездам и губерниям в царской России.

Первоначально Полесское воеводство состояло из 9 поветов — Брестского, Дрогичинского, Камень-Каширского, Кобринского, Косовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского и Сарненского. Распоряжением Совета Министров Польши от 6 декабря 1922 г. был образован Столинский повет [1; с. 115], и до 1930 г. воеводство включало 10 поветов. Распоряжением Президента Польши от 29 ноября 1930 г. Сарненский повет был исключен из Полесского воеводства и присоединен к Волынскому воеводству [1; с. 115].

Одним из важнейших в социально-экономической жизни Польши межвоенного периода был вопрос развития кредитно-банковской системы. На землях Западной Беларуси она во многом повторяла систему,

В историко-экономической литературе Беларуси вопрос о становлении, развитии и функционировании кредитно-банковских учреждений на западно-белорусских землях в период между Первой и Второй мировыми войнами до настоящего времени не рассматривался. Исследуем данный вопрос на примере Полесского воеводства.

В марте 1921 г. был подписан Рижский мирный договор, согласно которому Западная Беларусь стала частью возрожденного польского государства — Вто-

До 1930 г. Полесское воеводство включало 10 поветов.

Банкнота номиналом 10 млн. польских марок (ноябрь 1923 г.).

сложившуюся на рубеже XIX—XX вв. в императорской России. При этом в отличие от советской России, где существовавшая ранее кредитно-банковская система была ликвидирована большевиками еще в декабре 1917 г., во Второй Речи Посполитой старые кредитные учреждения были сохранены, а также созданы новые.

В первое десятилетие существования независимого польского государства банки и другие кредитные учреждения пережили несколько трудных моментов, которые негативно сказались на деятельности кредитно-банковских учреждений.

Во-первых, в 1918—1923 гг. в стране господствовала инфляция, которая в 1923 г. переросла в гиперинфляцию. Если в конце 1919 г. один доллар США стоил 119 польских марок, то в июне 1923 г. — уже 100 тыс., а в октябре того же года — около 1,7 млн. [5; с. 245]. В ноябре 1923 г. была даже эмитирована банкнота номиналом в 10 млн. польских марок. Инфляционный процесс во многом уничтожил капитал польских банков того времени.

Во-вторых, кредитно-банковская система Польши подверглась серьезному испытанию во время экономического кризиса 1925 г. Основными причинами кризиса стали: польско-немецкая таможенная война, появление бюджетного дефицита и неблагоприятный торговый баланс. Летом 1925 г., после обвала недавно введенной новой национальной валюты — польского злотого, началась атака клиентов на банки. Этот банковский кризис показал слабость частных банков и обострил типичные для посткризисного периода проблемы с ликвидностью.

В-третьих, мировой экономический кризис 1929—1933 гг. сильно ударил по польской экономике и кредитно-банковской системе в частности. И вновь в первую очередь пострадали частные банки.

Кредитно-банковская система польского государства в межвоенный период состояла из государственных, частных и кооперативных учреждений.

Вскоре, после провозглашения в ноябре 1918 г. независимости Польского государства, был образован ряд государственных банков. Первым из них, в соответствии с Законом Польши от 5 февраля 1919 г. [1; с. 84], стал Земельный банк (*Bank Rolny*), который в 1921 г. был переименован в Государственный земельный банк (*Państwowy Bank Rolny*) [4; с. 350]. Основные его задачи: выделение кредитов землевладельцам (как помещикам, так и крестьянам) и финансовая помощь в проведении аграрной реформы, которая включала в себя три важнейших компонента — парцелляцию (продажа земли крестьянам небольшими наделами), комасацию (объединение разрозненных крестьянских наделов в один участок) и хуторизацию, или осадничество (расселение в Западной Беларуси польских военных и гражданских колонистов), а также финансирование мелиорации земель.

Отделение Государственного земельного банка (ГЗБ), обслуживающее Полесское воеводство, находилось в Пинске. ГЗБ активно поддерживал поветовые коммунально-сберегательные и гминные кредитно-сберегательные кассы, которые были созданы во всех поветах и гминах и являлись учреждениями мелкого кредита.

В 1919 г. появилось еще одно государственное общепольское кредитное учреждение — Сберегательная почтовая касса (*Pocztowa Kasa Oszczędności*), отделения которой функционировали также во всех центрах поветов и гмин.

В 1924 г. было образовано два новых государственных банка — Банк Польский (*Bank Polski*) и Государственный хозяйственный банк (*Bank Gospodarstwa Krajowego*). Банк Польский создавался вместо образованного в декабре 1916 г. немецкими оккупационными властями в Варшавском генерал-губернаторстве эмиссионного банка, называвшегося Польская краевая кредитная касса (*Polska Krajowa Kasa Pożyczkowa*).

Государственный польский банк возник в форме акционерного общества с капиталом в 100 млн. зло-

тых [4; с. 350]. Его акции были распроданы на свободном рынке, что позволило банку стать независимым от иных государственных структур и проводить самостоятельную политику. Главными его задачами определялись: эмиссия денег, регулирование денежного оборота и предоставление кредитов государственным учреждениям, кооперативным организациям и частным лицам. Однако из-за кризиса 1925 г. Государственному польскому банку пришлось сосредоточить весь свой капитал на поддержании курса национальной валюты и отойти от других функций центрального банка страны. Пока существовала Вторая Речь Посполитая, банк выполнял в основном функцию эмиссионного центра.

В Полесском воеводстве функционировало два отделения государственного банка — в Бресте и в Пинске.

Задачей Государственного хозяйственного банка (ГХБ) было обеспечение долгосрочными кредитами промышленных предприятий, в первую очередь занятых в строительстве жилья. Кроме того, данный банк выдавал ссуды более мелким кредитным учреждениям. В Полесском воеводстве его отделение было открыто в Пинске в 1925 г.

Для ликвидации последствий мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. появился еще один государственный банк (1933 г.) — Акцептационный банк (*Bank Akceptacyjny*), созданный как акционерное общество (*Spółka Akcyjna*). Основной его функцией стала ликвидация задолженностей в сельском хозяйстве. В Государственном архиве Брестской области (ГАБО) имеются сведения об этом банке. Так, в фонде 263 (союзы, комитеты, товарищества сельского хозяйства Полесского воеводства) сохранились документы о порядке выплаты ссудосберегательным кооперативам сельскохозяйственных кредитов и конверсии займов (то есть замена ранее выданного займа новым с целью изменения его сроков и размера заемного процента).

Из частных банков, которых в межвоенной Польше было незначительное количество (в 1938 г. действовало всего 27 частных банков [6; с. 27]), по данным ГАБО, в Полесском воеводстве действовали только три отделения Варшавского торгово-промышленного банка (*Bank dla Handlu i Przemysłu w Warszawie*) — в Бресте, Пинске и Лунинце.

Значительное внимание польские власти уделяли развитию учреждений среднего и мелкого кредита. Так, 29 октября 1920 г. был утвержден примерный Устав кооперативных банков [3; ф. 611, оп. 1, д. 1, л. 1], который во многом повторял российское положение “Об Обществах взаимного кредита” (ОВК) 1895 г. Кооперативные банки во многом пользовались поддержкой ГХБ.

В Полесском воеводстве действовали следующие кооперативные банки.

1. Еврейский кооперативный банк в Малорите Брестского повета: устав утвержден 19 июня 1928 г. [3; ф. 611, оп. 1, д. 1, л. 11].
2. Брестский поветовый крестьянский кооперативный банк.
3. Христианский поветовый банк в Бресте.
4. Кобринский кооперативный банк (бывшее Кобринское Общество взаимного кредита).
5. Дрогичинский купеческий банк.

Справочно

Банки и кредитные учреждения в Полесском воеводстве в 1939 г.

Государственные

1. Государственный банк Польши (*Państwowy Bank Polski*): отделения в Бресте и Пинске.

2. Государственный земельный банк (*Państwowy Bank Rolny*): отделение в Пинске.

3. Государственный хозяйственный банк (*Bank Gospodarstwa Krajowego*): отделение в Пинске.

4. Сберегательная почтовая касса (*Pocztowa Kasa Oszczędności*): отделения во всех поветовых и гминных центрах.

Частные

Варшавский торгово-промышленный банк (*Bank dla Handlu i Przemysłu w Warszawie*): отделения в Бресте, Пинске и Лунинце.

Кредитные кооперативы

1. Кооперативные банки. Всего 14 банков, в том числе: 5 — в Пинске, 3 — в Бресте, 2 — в Пружанах, по 1 — в Дрогичине, Кобрине, Любешове и Малорите.

2. Народные банки. Всего 5 банков: в Бресте, Пинске, Ганцевичах, Телеханах и в местечке Ленино Лунинецкого повета.

Учреждения мелкого кредита

1. Поветовые коммунально-сберегательные кассы функционировали во всех 9 поветах Полесского воеводства.

2. Гминные кредитно-сберегательные кассы действовали во всех 79 гминах Полесского воеводства.

3. Кассы Стефчика функционировали в 39 гминах.

6. Пружанский кооперативный банк мелких купцов и ремесленников.

7. Пружанский поветовый кооперативный банк (бывшее Пружанское Общество взаимного кредита).

8. Украинский кооперативный банк в Бресте.

9. Пинский кооперативный банк мелких торговцев и ремесленников.

10. Полесский кооперативный банк в Пинске (бывшее Пинское Общество взаимного кредита).

11. Пинский кооперативный банк польских купцов (бывшее Коммерческое Общество взаимного кредита).

12. Пинский кредитно-кооперативный банк владельцев недвижимого имущества (бывшее Общество взаимного кредита Полесских землевладельцев).

13. Пинский кооперативный купеческо-промышленный банк.

14. Любешовский украинский кооперативный банк Камень-Каширского повета [3; ф. 2071, оп. 1; ф. 2463, оп. 1; ф. 2464, оп. 1; ф. 2465, оп. 1; ф. 2466, оп. 1].

В основном клиентами кооперативных банков являлись представители среднего класса поветового масштаба — мелкие купцы и торговцы, ремесленники и владельцы небольших предприятий, зажиточные крестьяне. Как правило, кооперативные банки имели от нескольких десятков до нескольких сотен клиентов. Так, в Дрогичинском купеческом банке в апреле 1930 г. насчитывалось 249 вкладчиков [3; ф. 2170, оп. 1, д. 1, лл. 1—19].

Другим видом учреждений мелкого и среднего кредита были народные банки, руководимые Объединением народных банков в Варшаве (*Spółdzielnia bankow ludowych*). Эта финансовая организация стала преемницей кредитных кооперативов, действовавших на прусских землях до Первой мировой войны и объединенных в Союз потребительских обществ (*Bank zwiazki spolek zarobkowych*), существовавший в Познани еще с 1886 г. Народные банки в основном обслуживали ремесленников, торговцев и крестьян и представляли их интересы.

По данным ГАБО, действовали следующие народные банки.

1. Народный банк в местечке Ленино Лунинецкого повета.

2. Брестский еврейский народный банк.

3. Пинский народный банк.

4. Телеханский народный банк Косовского повета.

5. Ганцевичский народный банк Пинского повета [3; ф. 601, оп. 1; ф. 2168, оп. 1; ф. 2170, оп. 1; ф. 2474, оп. 1].

В 1927 г. в западно-белорусских воеводствах, в том числе и в Полесском, действовала сеть коммунальных сберегательных касс, ранее функционировавших только на польских землях, которые до Первой мировой войны входили в состав Австро-Венгерской и Германской империй.

В 1919 г. в Варшаве был образован Польский коммунальный банк (*Polski Bank Komunalny*), который координировал деятельность коммунально-сберегательных касс. Если в центральных воеводствах Польши данные кассы возникли и действовали сразу после окончания Первой мировой войны, то на “кресах восточных” они появились в 1927 г. Коммунальные сберегательные кассы функционировали во всех поветах.

Наиболее распространенными учреждениями мелкого кредита являлись гминные кредитно-сберегательные кассы и так называемые кассы Стефчика (*Kasa Stefczyka*), которые функционировали во всех гминах Полесского воеводства. Прототипом первых стали волостные ссудосберегательные кассы и кредитные товарищества дореволюционной России, вторых — кассы сбережений и займов, существовавшие до Первой мировой войны в Австро-Венгерской Империи. При этом нередко и гминные кредитно-сберегательные кассы, и кассы Стефчика располагались в одном местечке или в деревне [ф. 2071, оп. 1, д. 2416]. И те, и другие активно поддерживались Государственным земельным банком. В ГАБО сохранилось множество дел о выдаче данным банком ссуд перечисленным учреждениям мелкого кредита [3; ф. 2071, оп. 1].

Таким образом, кредитно-банковские учреждения Полесского воеводства представляли весь спектр подобных учреждений во Второй Речи Посполитой. В основном здесь были представлены государственные банки, сберегательные кассы и учреждения среднего и мелкого кредита, в меньшей степени — частные акционерные банки. Наиболее развитой являлась сеть учреждений мелкого кредита. Это можно объяснить тем, что в отличие от других регионов Польши в Полесском воеводстве преобладали предприятия кустарно-ремесленного и мануфактурного типа, не требующие больших капиталовложений.

Одной из характерных особенностей кредитных учреждений среднего и низшего уровней было их формирование по национальному признаку — здесь действовали еврейские, польские и украинские банки, объединявшие вкладчиков соответствующих национальностей. Это отражало многонациональный состав населения Западной Беларуси. Отсутствие белорусских банков объясняется относительной слабостью национального движения в данный период.

Источники:

1. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919—1939 / Науч.-метод. учреждение “Гос. архив Брест. обл.”; сост.: А.В. Тербуль [и др.]; редколл. А.Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. — Брест: Альтернатива, 2010. — 130 с.
2. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста. У 2 кн. Кн. 1. — Мн.: БЕЛТА, 1997. — 576 с.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБО).
4. Nowa encyclopedia powszechna PWN. Tom 1. — Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 1998. — 860 с.
5. Экономическая история Беларуси: Учебное пособие / В.И. Голубович, Г.И. Ермашкевич, Г.П. Буцник и др.; Под ред. проф. В.И. Голубовича. — Мн.: Эксперспектива, 2001. — 400 с.
6. Флейтерский, С. История банковского дела в Польше до 1989 года // Банковское дело в Польше: проблемы и перспективы развития / Под ред. М. Жуковского. — Люблин: Издательство Университета Марии Кюри-Склавдовской в Люблине, 2005. — 490 с.

Документационное значение удостоверений личности для истории денег

Збышек ШУСТЕК

Президент
Словацкого
нумизматического
общества
при Словацкой
Академии наук

В изучении истории денег можно пользоваться документами разнообразного характера и происхождения. Самое большое значение имеют документы, напрямую связанные с подготовкой, осуществлением и ходом разных процессов, записи (заметки) в хрониках и воспоминания участников событий. Но в определенной степени можно пользоваться и документами, которые, на первый взгляд, не имеют никакого отношения к конкретной проблеме. К ним относятся: удостоверения личности, заграничные и внутренние паспорта, часто содержащие много пометок о хозяйственно-юридических или денежных сделках, мероприятиях и административных правилах для населения или отдельных слоев общества. Пометки в заграничных паспортах показывают ограничения, с какими частные лица сталкивались при распоряжении своими деньгами. Особая ценность удостоверений личности — в их соотношении с конкретным лицом, его общественным положением и судьбой.

Очевидно, что только с помощью удостоверений личности невозможно объяснить суть всех вопросов, но ими можно пользоваться как иллюстрациями в научных и популярных статьях или на выставках, создавая на их основе специализированные коллекции, связанные с историей денег, таможенного дела, торговли, туризма, защиты границ и государственного управления. Во всяком случае, у них удивительная способность давать “сухому языку” документов “живое” разнообразие.

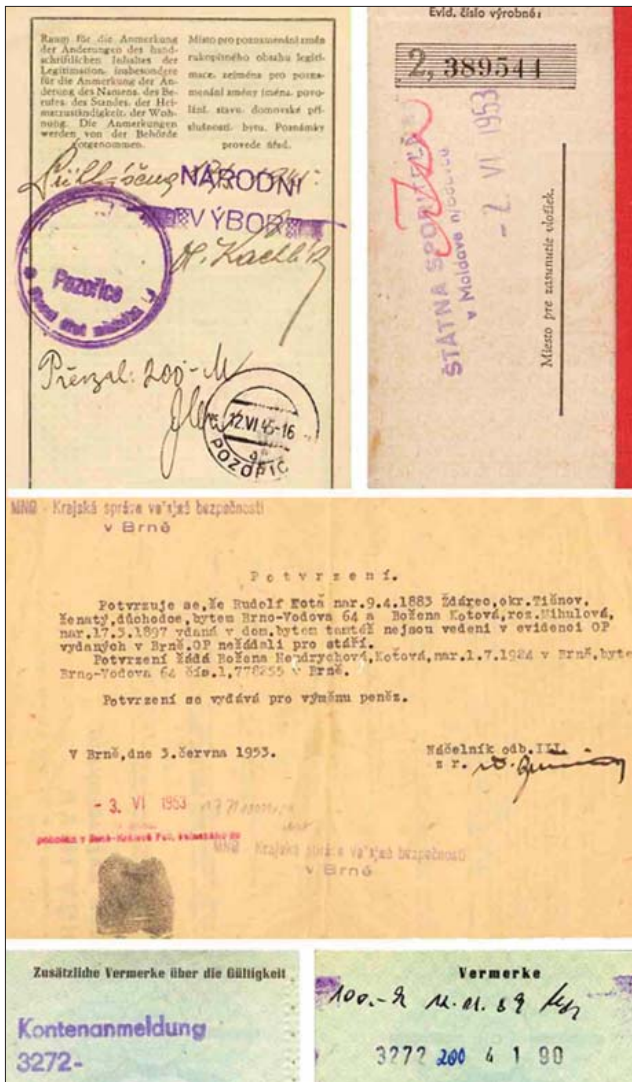
Цель данной статьи — показать на конкретных примерах, с каких исторических точек зрения можно изучать удостоверения личности, паспорта и какие подходы можно применять к классификации их коллекций или к информации, которую они содержат. В этом случае предметом изучения являются удостоверения личности, изданные государственными органами в виде внутренних и временных внутренних паспортов, заграничных паспортов, вкладок во внутренние паспорта и пропусков через границу. Но не являются предметом изучения удостоверения о принадлежности к учреждению или фирме, о способности или праве заниматься определенной деятельностью и праве на услуги либо на их более выгодное получение.

Рассмотрим случаи, относящиеся к теме доклада.

1. *Сдача денег при проведении разных денежных мероприятий.* В истории, вероятно, очень мало случаев, когда определенные денежные знаки сразу потеряли силу законного платежного средства, а населению приходилось их сдавать без возможности хотя бы ограниченного обмена. Как пример: германские марки на территории Протектората Богемии и Моравии, потерявшие силу законного платежного средства на основании решения Чешского национального комитета от 12 мая 1945 г. Все эти денежные знаки население должно было сдавать на почтамтах до конца лета 1945 г. Сведения об их сдаче находятся в разных паспортах Протектората или немецких удостоверениях личности (*kennkarte*) в виде знаков печатей почтамтов с удаленным немецким названием места, датой и короткой записью, например: “Принял 200 марок” и подписью (*рисунок 1*). Указ о сдаче марок не гарантировал гражданам предварительного права на их обмен на новые деньги, но запись о сдаче марок предоставляла потенциальную возможность для обмена в случае, если бы его разрешили позже.

2. *Обмен старых денег на новые в рамках денежных реформ.* В истории таких примеров относительно много. В Словакии, например, при штемпелевании банкнот достоинством 100, 500 и 1000 крон летом 1945 г. граждане получали назад максимум 2000 крон в штемпелеванных банкнотах. Суммы более 2000 крон сдавались на заблокированные счета. Данные о выдаче суммы до 2000 крон в штемпелеванных банкнотах найдены в книге для продажи продуктов (аналогия карточек). Но подобные записи можно найти также в разных типах удостоверений личности, изготавливаемых в Словакии с осени 1944 г. районными ведомствами на территории, оккупированной немецкой армией.

В рамках денежной реформы в Чехословакии (1953 г.) физическим лицам, занятым на государственных или кооперативных предприятиях, обменива-

Записи о сдаче германских марок в западных частях Чехословакии (1945 г.), об обмене денег в рамках реформы в Чехословакии (1953 г.), о конверсии восточных марок на западные в ГДР (1990 г.) во внутренних паспортах.

лись 300 старых крон на 60 новых без потери стоимости суммы. Чтобы предотвратить попытки выгодно обменять деньги в разных обменных пунктах, на последней странице внутренних паспортов образца 1948 г. (в тот период единственный законный паспорт в Чехословакии) указывалась дата обмена денег и название обменного пункта. Попадались случаи даже трех типов обменных пунктов: в сберегательных кассах, на почтамтах и в местных советах. Известен случай записи обмена лишь части разрешенной квоты — 28 новых крон. Интересен факт выдачи импровизированного, “заместительного”, удостоверения личности, выданного для выгодного обмена денег пожилым супругам, у которых не было “нормального” паспорта: полиция выдала им это удостоверение без особых проблем, хотя отсутствие паспорта в то время считалось преступлением.

Обмен денег после разделения чехословацкой валюты на чешскую и словацкую происходил в период с

4-го по 7 февраля 1993 г. Из-за недостаточного запаса штемпелеванных банкнот было разрешено обменивать 4000 крон (приблизительно одна средняя зарплата) нарицательными деньгами на штемпелеванные банкноты: в виде простого оттиска печати почтамта на последней странице внутренних паспортов образца 1948 г., 1953 г., 1960 г., 1975 г., 1985 г. и 1992 г.

Более сложно записывался обмен денег в Германии в 1990 г.: запись состояла из заявки номера обменного счета в банке и записи первого выбора суммы 100 немецких марок нарицательными деньгами на разных страницах внутренних паспортов.

3. *Легальный обмен и вывоз иностранной и “домашней” валюты.* Здесь можно выделить три периода: после Первой мировой войны, большого мирового кризиса и после Второй мировой войны. Все они характеризуются ограничениями. После Первой мировой войны причинами ограничений были: обесценивание валют отдельных государств, распад валютных союзов, необходимость сохранять валюты для импорта самых нужных продуктов и сырья, недоверие между государствами и опасения относительно возобновления абсолютно либерального довоенного пограничного режима. Это можно увидеть на примере заграничных паспортов Германии, Австрии, Румынии и Венгрии. Так, в австрийском паспорте 1919 г. содержится предупреждение, что вывезти за границу ценные предметы и деньги более чем на 500 крон можно исключительно на основании разрешения Налоговой инспекции или Надзорного органа, отвечающего за вывоз ценных предметов. Австрийские 500 крон соответствовали в то время приблизительно половине месячной заработной платы рабочего в Чехословакии. Но если бы, например, кто-то из Будапешта собрался поехать в Вену купить дефицитные продукты и сэкономить, то эта сумма была бы недостаточной и поездка потеряла бы смысл.

Замечки об обмене валют в венгерских паспортах 1922 г. отражают социальные различия между владельцами паспортов, а также начало гиперинфляции в Венгрии и Австрии. С одной стороны, символические 80—100 венгерских крон, равные 2 долл. США, или 100 000 австрийских крон в паспорте рабочего; с другой — 600 чехословацких крон (часть средней заработной платы рабочего) и 100 долл. США (3/5 зарплаты директора Кремницкого монетного двора) — в паспорте студента из богатой семьи.

В паспорте известного румынского юриста и журналиста Р.Д. Росетти (R.D. Rosetti) имеется импровизированная запись о разрешении вывоза за границу 8000 немецких марок, 2000 чехословацких крон нарицательными деньгами и 30 000 немецких марок в чеках (1922 г.). В Чехословакии это соответствовало 8 месячным зарплатам директора Кремницкого монетного двора, было достаточным для хорошего проживания за границей в течение нескольких месяцев.

Печати в немецких паспортах в начале 1920-х гг. хорошо иллюстрируют ограничения выездов за границу по хозяйственным поводам и трудности, с какими сталкивались люди перед выездом за рубеж. Пример: “Против выезда владельца паспорта за границу через любой официально разрешенный пограничный контрольный пункт никаких возражений с точки зрения платежа налогов нет. Это разрешение на один месяц, но не больше срока действия данного паспор-

та. Мюнхен, 11 мая 1924 г. Налоговая инспекция, Мюнхен III. Предупреждение: к выезду за границу, помимо заграничного паспорта, необходимо согласие соответствующей налоговой инспекции или виза соответствующего немецкого паспортного учреждения. Кроме того, требуются визы соответствующих государств. При выезде в льготные зоны Австрии можно пользоваться, в определенных случаях вместо визы и согласия, пометкой “о близком путешествии”. Паспорт выдающего учреждения следует вернуть в случае просьбы о новом паспорте. При потере паспорта, другой — не выдается”.

Такие же ограничения применялись и в Чехословакии, но в паспортах никаких записей найдено не было. В большинстве европейских стран подобные ограничения отменили во второй половине 1920-х гг., когда постепенно возобновился почти свободный валютный режим.

Вновь валютные ограничения были введены в Европе в начале 1930-х гг. вследствие экономического кризиса. Например, Германия в 1931 г. ввела “запретительную” таксу — 1000 марок (3-4 месячные зарплаты) за выезд в Австрию. Другие страны ограничили, но в разной мере, обмен валют нарицательными деньгами и их вывоз через границу. По отношению к государствам с худшим экономическим положением даже были введены клиринговые квоты для двухстороннего туризма и система различных гостиничных и курортных талонов. Заметки о продаже таких талонов часто встречаются в немецких паспортах тех, кто ездил в отпуск в Италию, или в югославских и румынских паспортах (поездки в другие страны Европы).

В конце 1930-х гг. граждане Югославии при поездках в Германию получали нарицательные деньги лишь после прибытия в страну в югославском туристическом бюро, которое занималось управлением туристического клиринга. Свидетельство этому — запись в югославском паспорте: “Туризм. Югославия. Дорожный чек № 81393 в RM 10, Выдан — Берлин 20.XI.1940. Официальное Югославское туристическое бюро Путник Берлин”.

В Германии при поездках граждан в Чехословакию применялись строгие месячные лимиты обмена марок на кроны. Их расходование записывалось в паспортах следующим образом: “Лимит Рейхбанка, владелец этого паспорта получил иностранную валюту в эквиваленте RM 4,91, Дрезден 1. 9. 1937, Общее немецкое кредитное учреждение, филиал Дрезден”.

Чехословакия ввела контроль обмена валют и вывоза национальной валюты в 1932 г. Сначала обмен записывался на односторонние бланки с названием “Записи об обмене валют и подтверждение”, вкладываемые в паспорт. С 1933 г. их заменили книжки, наклеенные на обратную сторону паспорта с текстом на чешском и французском языках. Таких книжек существовало три разновидности. В них было 16 страниц со 171 строчкой для учета обмена денег.

Гражданам Чехословакии разрешалось обменивать или вывезти эквивалент 1000 крон в месяц (примерно 1-1,5 зарплаты того времени). Книжки, сохранившиеся в большом количестве, показывают, что большинство их владельцев не ездили за границу более 6 раз в течение 5 или 10 лет действия паспорта. Часто деньги

“Валютная” книжка в чехословацком заграничном паспорте (1930 г.), запись об обмене валюты в германском паспорте (1937 г.), записи испанских таможенников о перевозке валюты в чехословацком заграничном паспорте (1946 г.), две формы записей об обмене валюты в австрийском паспорте (1950-е гг.), запись в советском паспорте (1976 г.).

вывозили за границу лишь в качестве резерва и ничего не покупали. Много путешествующие граждане вывозили в соседние страны в среднем следующие суммы. Например, владелец маленькой фабрики — 550 крон, профессор гимназии — около 205 крон, профессиональный шофер — 105 крон. Общие суммы близки 1/2—1/4 месячной зарплаты. В сравнении с другими государствами обмен валют для туризма был свободный.

Такой же способ записи обмена валют в паспортах действовал и в Протекторате Богемии и Моравии приблизительно до начала 1940 г., но выезды разрешались очень редко. В германских паспортах, выданных позже жителям Протектората, записей об этом нет. В Словакии “валютные” книжки применялись до конца войны: их было три вида, сразу — на словацком и французском, позже — на словацком, французском и немецком языках.

После Второй мировой войны причин валютных ограничений во всех странах было много: проблема определения валютных курсов большинства европейских стран, сложности в международной торговле и снабжении, карточная система во всех государствах, включая США, зависимость снабжения от международной помощи; обновление транспортной системы и другие. Вследствие этого правительства всех стран ограничивали частные поездки за границу. Обменивались крайне низкие суммы в пределах “свободных квот”. Примеры обмена очень небольших сумм: запись в чехословацком паспорте в 1946 г., владелец которого получил на командировку в Швейцарию только 20 австрийских шиллингов, или запись в польском паспорте в 1959 г., владельцу которого разрешено вывезти

на постоянную эмиграцию в Бразилию 5 долл. США. Большие суммы менялись лишь в случае редких командировок. Например, чехословацкому специалисту на командировку в Швецию в 1949 г. на 4 дня продано 50 шведских крон нарицательными деньгами (10 долл. США = 500 чехословацких крон) и 500 шведских крон аккредитивами (100 долл. США = 5000 чехословацких крон). В этом случае суточные первой степени — 26 шведских крон и четвертой степени — 12 крон. Общая сумма соответствовала средней месячной зарплате того времени.

Для записи обмена валюты в Чехословакии применялась довоенная практика. Новые валютные книжки были пяти видов. До 1948 г. они клеивались в паспорта, с 1948 г. до 1953 г. — вшивались в паспорт как его неделимая часть. При отсутствии книжек запись об обмене производилась на последних страницах паспорта.

В Западной Германии и Австрии записи об обмене валюты осуществлялись с помощью особых печатей на визовых страницах паспорта. Такая практика в этих странах была отменена только в 1950—1960 гг. В Югославии она продолжалась до 1960-х гг. В Западной Германии в 1950-х гг. в записи об обмене валюты даже указывалась цель поездки. В тексте печати вычеркивались несоответствующие случаи и дополнялись другими сведениями: государство и сумма. Пример: *“Валюта для поездок по торговым делам, командировок, эмиграции и частных поездок в Австрию в сумме ÖS 1.323 = DM 199,96 выдана. Вюрцбург, 3 сентября 1954 г.”*. Еще одна запись: *“В рамках лимита для 1953 г. (сумма в валюте) в стоимости 259 DM выдана. Мюнхен, 14 августа 1953 г. Привезено назад ÖS 346. Вюрцбург, 23 сентября 1953 г.”*.

На рубеже 1940—1950 гг. в некоторых западных странах записи велись очень подробно. Пример: запись испанской таможен в паспорте чехословацкого гражданина о перевозке американских долларов в серебряных сертификатах и дорожных чеках, пересчитанных на испанские песеты, по курсу 1 долл. США серебряными сертификатами 2,50 песеты, но дорожными чеками 10,80 песеты. Кроме того, испанские таможенники в паспорт внесли: *“В Испании запрещен вывоз и ввоз любого вида испанских денег”*.

Постепенное ослабление валютного режима в западных государствах происходило в Австрии. Приблизительно до 1955 г. здесь для записи обмена валют применялись “разрешающие” печати. Пример: *“Австрийский Национальный банк, Вена, лир. 5000; подпись, т. е. Sch 207 дата: 14 сентября 1955 г.”*.

Это разрешение вывоза денег в течение двух месяцев, которое нужно было предъявлять органам пограничного контроля.

Позже печати изменятся. Записи об обмене встречаются в паспортах западных стран до первой половины 1960-х гг., то есть до введения свободной конвертируемости их валют и отмены последних валютных ограничений.

В социалистических странах при заграничных поездках ограничения стали отменяться прежде всего в Чехословакии, Венгрии и Польше в разной мере и с опозданием только в первой половине 1960-х гг.

Большая разница в возможностях граждан социалистических государств в обмене валюты для поездок заметна в записях “путевых вкладок” во внутренние

паспорта (например, в ГДР об обмене чехословацких крон в 1970 г. и 1980 г.). Граждане Чехословакии могли обменивать восточные марки почти в любой сумме, обмен крон для граждан ГДР ограничивался квотой 50 крон на поездку, а с 1980-х гг. — 60 крон, эквивалентных в Чехословакии около 1/50 средней зарплаты.

18 июня 1965 г. Чехословакия упростила режим заграничных паспортов. Срок их действия был продлен на 5 лет. В начале второй половины 1960-х гг. в паспорта для поездок в социалистические страны обязательно ставились визы, кроме Болгарии и Венгрии. Обмен валют записывался в таможенную декларацию и во вкладыш в паспорт. В декларацию записывался и обмен денег за границей. Эти записи были очень подробные: по валютам, купюрам банкнот и номерам дорожных чеков. Форма ведения записей напоминает опыт западных государств в начале 1950-х гг.

Суммы обмена были достаточными для достойного проживания в любой социалистической стране, кроме Югославии. В капиталистические государства и Югославию обмен ограничивался 100 долл. США, которые продавались с надбавкой 100 + 125% к официальному курсу. При этом 100 долл. США приблизительно соответствовали паспортной норме в СССР в случае эмиграции.

Благодаря развитию частного сектора в 1970-х и 1980-х гг. Венгрия стала привлекательной страной для “закупочного” туризма чехословацких граждан, поэтому квота форинтов, предоставленная Чехословакии венгерским Национальным банком, быстро была исчерпана, и чехословацкому государственному банку пришлось ограничить обмен венгерских форинтов до двух обменов в год. Таможенные декларации, в которых записывались суммы обмена, сдавались на границе, но не было возможности зарегистрировать количество обменов. Из-за этого обмен форинтов снова начали записывать на последних страницах в паспорте.

После 1989 г. в Чехословакии действовали небольшие лимиты для обмена “твердых” валют в туризме. Чтобы предупредить обмен больше лимита, приходилось использовать элементарный способ регистрации обмена. Опять обмененные суммы записывались на последней странице паспорта с печатью банка или конторы.

После 1993 г. в паспортах можно найти записи обмена словацких крон на валюту. Регистрация обмена денег сохранялась до 1995 г. — до введения полной свободной конвертируемости словацкой и чешской крон. Подобное положение было и в других государствах Средней и Восточной Европы.

В Венгрии в первой половине 1960-х гг. для записей обмена валют в туризме применялись специальные бланки Национального банка — “Регистрационный лист обмена валюты”. Документом для обмена валюты служил внутренний паспорт. В 1980-х гг. в Венгрии применялся валютный “лист” (*valutalap*) в виде вкладки в заграничный паспорт, в котором в рамках годового лимита обмена были рассчитаны особые суммы валюты для покупки проездных билетов, бензина или дизеля и для проживания.

Интересен пример записей обмена валют в случаях поездок пенсионеров ГДР к родственникам в ФРГ. В отличие от других граждан пенсионерам такие поездки разрешали относительно свободно после нормали-

Венгерская валютная книжка с записями об обмене (вторая половина 1960-х гг.).

зации отношений между ГДР и ФРГ в 1970-х гг. При каждой поездке они имели право на обмен 15 западных марок. Обмен записывался с помощью печати с текстом: “DM 15, — выдано Государственный банк Германской демократической республики, Районный филиал Биттерфельд”.

4. *Пошлины за выдачу паспорта и виз.* Пошлины за выдачу паспорта можно найти в самих паспортах в основном в виде гербовых марок, пошлины за визы — в виде консульских марок или визовой печати.

Со второй половины XIX в. до первой половины XX в., например, в Венгрии пошлины за выдачу заграничного паспорта были низкими для бедных граждан (рабочие) и в 7—10 раз они стоили дороже для богатых (служащие). До 1918 г. паспорт стоил 30 геллеров, или 2 кроны (в начале 1920-х гг. — 5 и 50 крон; в 1930 г. и 1940 г. — 50 филеров и 5 пенге). С 1920-х гг. применялись две разновидности венгерских паспортов: обозначенные римской цифрой I — для бедных и II — для богатых, с напечатанной гербовой маркой. Обозначение с цифрой I сохранилось до 1960-х гг.

Пример рефлексии инфляционных процессов — австрийская визовая марка, перепечатанная в 1919 г. с 80 на 200 австрийских крон, и плата за австрийскую визу 45 000 чехословацких крон в апреле 1924 г. (в то время — 35 чехословацких крон, 1/10 зарплаты рабочего). Инфляцию и стабилизацию валюты в Венгрии в 1920 г. можно проследить по заграничному паспорту: в начале 1920 г. — 5 и 50 крон; в середине 1920 г. — 2000 и 20 000 крон и в конце этого же года — 16 филеров (2000 : 12 500 = 0,16) и 1,60 пенге (20 000 : 12 500 = 1,60). Во всех случаях цена паспорта была символической в сравнении с зарплатами того времени. Подобная ситуация была и в других европейских странах.

Плата за выдачу советского заграничного паспорта в 1928 г. составляла 200 руб., то есть 1-2 средние месячные зарплаты середины 1920-х и 1930-х гг. Такая же высокая плата за заграничный паспорт была введена в Чехословакии в 1949 г. в связи с законом 53/1949, строго ограничивающим выдачу заграничных паспортов: “...на паспорт нет права”... В период с 1945 г. по 1949 г. заграничный паспорт стоил символические 20 крон, но потом: 20 + 60 + 2000 крон, то есть почти половину средней зарплаты.

5. *Особые денежные единицы.* Применение специальных денежных единиц при оплате визы в посольствах. Прежде всего они вводились в странах бывшего Латинского союза, представляя довоенную стоимость национальной валюты. Например, лира золотом (*lira oro*) в Италии в первой половине 1930-х гг. была равна 3,67 новой лиры, так как лира в 1862 г. содержала 0,29032 г золота, но в 1927 г. — 0,07919 г (с 1936 г. — 0,04677 г и с 1949 г. — только 0,00142 г). Подобное положение было во Франции — 1 франк золотом = 4,92 франка; в Испании — 1 песета золотом = 4,31 песеты, а также в Бельгии, Румынии, Бразилии и Парагвае. Но не всегда было возможно пересчитать стоимость по “бывшему” и актуальному золотому содержанию. Например, за румынский лей золотом в разных посольствах брали разные суммы, и не исключено, что чиновники румынских посольств использовали это для своего обогащения.

Еще один пример применения особых денежных единиц — золотое пенге (*arany pengő*) в Венгрии. Было введено 14 августа 1931 г. против обесценения пенге с начальным соотношением 1 пенге = 1 золотое пенге. Национальному банку приходилось ежедневно следить за курсом пенге и золотого пенге. Стабилизировалось положение 27 августа 1931 г., а использование названия сохранилось только на консульских марках и не имело никакого практического значения.

Австрийские посольства в 1950 г. — 1960 г. пользовались золотой кроной (*goldkrona* — Gk), которая была введена 20 ноября 1952 г. и отменена только в 1968 г. — спустя девять лет после достижения свободной конвертируемости австрийского шиллинга. Ее курс составлял ± 80% актуальных валютных курсов (1Gk = 20 чехословацких крон, хотя 1 Gk = 0,50 долл. США, но 0,50 долл. США = 25 чехословацких крон). Название происходило от бывшей монетной единицы Австро-Венгрии.

6. *Курьезные платы.* Они связаны с переходом границы и выдачей паспортов, их можно найти в старых паспортах. Так, в российском паспорте 1909 г. такая плата составила 5 руб. — в пользу Российского Общества Красного Креста: “взыскана и вклеена в Астраханское Казначейство 11 августа 1909 г. под квитанцию 30 № 26413”. Еще один пример: запись в австрийском паспорте о штрафе 102 кроны, которые владелец заплатил за уклонение от чехословацкого таможенного контроля на пограничном пункте Бржецлав.

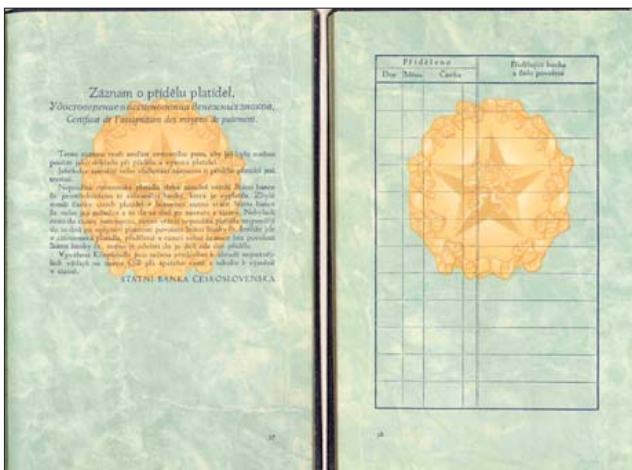
Выдача чехословацкого (1949 г.) и советского (1928 г.) заграничных паспортов.

Особые денежные единицы в консульских марках: золотой франк на марке для паспортов “Нансена” для эмигрантов из России и турецкой Армении (1926 г.), золотая корона на австрийской консульской марке (1953 г.).

7. Выдача карточек на продовольственные продукты. В истории всех государств были тяжелые периоды, когда применялась карточная система. В каждой стране вводились особые системы учета выдачи карточек на продукты, табачные или другие изделия для своих граждан или иностранцев, постоянно проживающих в таком государстве. Но другие способы учета выдачи карточек применялись в случаях, когда иностранцы посещали страну только на несколько дней: выдача карточек записывалась в паспорта. Данные записи можно найти в паспортах людей, которые во второй половине 1940-х гг. посещали Чехословакию, Швейцарию и Швецию.

В Чехословакии заграничные паспорта в редких случаях служили для учета выдачи карточек и чехословацким гражданам вместо внутреннего паспорта. Кроме того, в Чехословакии в период с 1945 г. по 1950 г. карточная система (в Богемии и Моравии) отличалась от словацкой. Обе системы соединялись медленно. Только карточки на хлеб, хотя и разного типа, были действительны на всей территории, потому жители одной ее части являлись своего рода иностранцами на другой. При поездках в другую часть страны им

Форма для записи обмена валют в чехословацком паспорте образца 1953 г.

приходилось использовать особые карточки на определенный срок. Записи об их выдаче делались во внутренних паспортах образца 1945 г.

Право на полный паек в 1945—1947 гг. имели, например, в Чехословакии только граждане славянской национальности. Немцы и венгры, которых лишили чехословацкого гражданства и планировали отправить в Германию или Венгрию, получали право лишь на ограниченный паек, соответствующий пайку во время немецкой оккупации для евреев. Лица, у которых проверялось чехословацкое гражданство, получали удостоверение личности — свидетельство о временном сохранении гражданства. В нем говорилось: *“До решения о получении гражданства имеется право на: сохранение имущества и жилища, одинаковый паек как чехословацкие граждане, и на одинаковое положение на работе как чехословацкие граждане”*.

8. Направление жителей оккупированных стран на работу. Одним из способов эксплуатации стран, оккупированных фашистской Германией, или ее соседей было направление населения этих государств на работу в Германию или в другие оккупированные страны. В связи с этим сохранились разные виды импровизированных удостоверений личности или заграничных паспортов, которые свидетельствуют об этом. В оккупированных государствах они имели импровизированную форму, но сохраняли некоторые признаки, характерные для нормальных документов. Например, путевой лист для поездки в отпуск жителя Протектората, отправленного в Норвегию, оккупированную Германией в 1944 г., содержит запись: *“Только с путевым листом и визой можно на пути туда и обратно перейти границу”* и надпись, традиционно применяемую на большинстве заграничных паспортов: *“Просьба всем властям свободно пропускать владельца, и в случае необходимости оказать ему защиту и помощь”*.

Например, в Словакии высланные граждане получали нормальный заграничный паспорт, но с печатью с текстом: *“Отправленный для работы за границей”*. В 1939—1945 гг. из Словакии в Германию выслано более 100 000 граждан. Такая работа была выгодной для них временно, потому что они получали высокую зарплату, но, по сути, ее платило словацкое государство, и поэтому это был один из источников инфляции и обесценения денег.

Перечисленные примеры показывают широкое разнообразие возможностей, как с помощью удостоверений личности, паспортов можно проиллюстрировать разные аспекты истории денег отдельных стран. Естественно, в рамках более подробного материала можно было бы выявить и иные стороны, специфические для конкретного государства или эпохи.

Запись в словацком заграничном паспорте (1940 г.) о высылке словацкого гражданина на работу в Германию.

Банковское дело на Гродненщине (конец XIX — начало XX в.)

Андрей ГЕЦЕВИЧ

Доцент
Гродненского
государственного
университета
им. Янки Купалы
кандидат
исторических наук

Развитие банковского дела на Гродненщине насчитывает немногим более 120 лет, но это если считать по официальным бумагам, которые за точку отсчета берут 1884 г. — время открытия первого филиала Государственного банка Российской Империи. Возможно, формально оно и так, однако есть факты, которые косвенно говорят о более раннем этапе в становлении банковского дела в этом регионе.

По мнению ряда исследователей (И. Масько, А.Л. Киштымова и др.) [1, с. 65—69; 2, с. 111—126; 3, с. 88—118], первая попытка учредить государственный банк в Великом Княжестве Литовском была предпринята Стефаном Баторием. Замысел такого банка, чья деятельность не ограничивалась бы только эмиссией, но охватывала также и кредиты, возник на Виленском съезде в 1584 г. Согласно проекту должен был быть образован специальный кредитный фонд. Для его создания предусматривалось на три года ввести в государстве специальный налог. К этой сумме великий князь должен был добавить прибыль, получаемую от чеканки монет. Деньги фонда предусматривалось давать в долг под 10,4 процента годовых. Согласно принятому на съезде решению государственный банк Великого Княжества Литовского предполагалось разместить в Вильно, однако этот проект не был реализован в связи со скорострительной смертью Стефана Батория (1586 г.) [1, с. 65].

Не стоит спорить с историческими фактами, однако можно предположить, что идея создания банка пришла королю именно на Гродненской земле, поскольку во время своего, к сожалению, недолгого правления Гродно превратился в королевскую резиденцию...

Не меньше вопросов вызывает и идея образования банка, которая была выдвинута в далеком XVIII в. последним королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским. В 1768 г. он предложил (осуществил только в 1792 г., в канун третьего раздела Речи Посполитой) идею создания польско-литовского банка (Bank Polski i Litewski). По замыслу учрежденный банк должен был эмитировать сумму на 40 млн. злотых бумажных денег. Сначала издавались четырехпроцентные облигации государственной казны. Позже, в 1794 г., повстанческое правительство Тадеуша Костюшки выпустило бумажные боны, предназначенные для погашения этих облигаций, однако поражение восстания и последовавший раздел Речи Посполитой положили конец идеям образования государственного кредитного банка в Польше и Литве [1, с. 65].

Если сопоставить немного сведений из истории, то вполне очевидно, что к моменту реализации планов Станислава Августа от его империи остались лишь небольшие территории, в том числе и Западная Беларусь, а сам город Гродно — последняя королевская резиденция, известная еще и по так называемому “Молчаливому сейму”, решением которого, а вернее молчанием, как знаком согласия, воспользовалась Российская Империя для решения судьбы Речи Посполитой — вполне мог стать местом реализации идей монарха.

К великому сожалению, на сегодняшний день в исторической науке каких-либо документальных свидетельств о деятельности указанных выше учреждений на территории Гродненщины и Беларуси в целом не выявлено.

Необходимость создания банковской системы назрела в Российской Империи в связи с проведением реформ 1860—1880 гг. Одним из главных итогов этого стал переход от натурально-крепостнических форм хозяйствования к рыночно-капиталистическим, а главным элементом этого процесса стало реформирование кредитно-банковской системы.

К середине XIX в. государство целиком контролировало сферу кредита. В дореформенный период приоритетными направлениями кредитно-финансовой политики властей были поддержка привилегированных слоев общества, финансирование торговли (преимущественно экспортной) и частично промышленности,

Портрет
Стефана Батория.

покрытие бюджетных дефицитов за счет казенных банков. Изменения в социально-экономической жизни в первой половине XIX в. потребовали совершенствования кредитно-банковской системы, ее приспособления к нуждам набирающего мощь капитализма. Банковская реформа 1859—1860 гг. ликвидировала систему казенных банков, которая функционировала в России в XVIII — первой половине XIX в. и заложила фундамент сферы капиталистического кредита.

Формальное начало созданию банковской системы в Российской Империи (в современном понимании этого слова) было положено 31 мая 1860 г., когда император Александр II в Царском Селе подписал указ о создании Государственного банка Российской Империи и утвердил его Устав. Согласно Уставу, утвержденному 31 мая 1860 г., банк был основан "...для оживления торгового обращения и укрепления денежной кредитной системы" [4]. С 1894 г. он начал осуществлять эмиссию бумажных денег.

Реформа кредитно-банковской системы затронула и белорусские губернии как составную часть Российской Империи. Губернские отделения Государственного банка имели право кредитовать промышленность и торговлю, заниматься обменом ветхих кредитных билетов на новые, крупных — на мелкие и обратно, оплачивать купоны по процентным бумагам, принимать денежную наличность от юридических и физических лиц для перевода в Госбанк и его конторы и отделения, принимать вклады, выдавать ссуды под залог процентных бумаг, акций и облигаций.

В Северо-Западном крае первое отделение Госбанка было основано 1 сентября 1865 г. в г. Вильно. Еще четыре губернские отделения начали работу в 1880-е гг. и просуществовали до 1917 г. В Гродно отделение Государственного банка Российской Империи было открыто 16 августа 1884 г.

В течение 1890-х гг. деятельность отделений Госбанка в западных губерниях империи возросла. К примеру, в 1898 г. 5 его отделений выдали 465 кредитов на торговлю сельскохозяйственными товарами в размере 1,9 млн. руб. В среднем цена одного кредита в Беларуси составляла 5,5 тыс. руб. [5, с. 112].

В целом деятельность отделений Госбанка в Беларуси была довольно успешной. Госбанк имел больше долгов перед своими белорусскими отделениями, нежели они перед головным отделением. Очевидно, это может говорить о том, что Госбанк попросту выкачивал средства из белорусских губерний¹.

К концу XIX в. отделениями Госбанка было выдано векселей на общую сумму в 30,9 млн. руб. (из них только Минским отделением — 21,8 млн. руб.). Отделения также выдавали кредиты под железнодорожные квитанции либо под товары. При этом под товары больше всего было выдано денежных средств Могилевским отделением (на 180,1 тыс. руб.), а под железнодорожные квитанции — Витебским (279,2 тыс. руб.) [7, с. 96—101, 179, 202, 203; 5, с. 113].

На протяжении долгого времени (с 1884 г. по 1903 г.) Гродненское отделение Государственного банка возглавлял А.Ф. Квещинский [8, с. 42], с 1903 г. — управляющий А.И. Полешко [9, с. 38].

В Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно помимо фондов Гродненского губернского отделения Государственного банка (фонд 27) имеются материалы о деятельности Гродненского отделения Крестьянского поземельного банка (фонд 29).

Малоземелье крестьян конца XIX в., отсутствие у них средств сельскохозяйственного производства приводили к тяжелым социальным последствиям — раскрестьяниванию России. И это отлично понимали многие руководящие деятели. Положение усугублялось появлением и распространением такого явления, как спекуляция землей. Напрашивался естественный вывод: для покупки земли крестьянами необходимо было использовать такой экономический рычаг, как кредит.

На Крестьянский поземельный банк государством возлагалась задача содействовать крестьянам в приобретении земли под ссуды, выдаваемые целым обществам, так называемым товариществам, а также отдельным крестьянам.

Создание государственного Крестьянского поземельного банка, развитие демократии и гласности в работе комиссий по землеустройству, совершенствование законодательной базы и условий кредитования позволили предоставлять кредиты тем людям, которые могли и умели работать с землей и создавать прибавочную стоимость.

Крестьянский поземельный банк был ипотечным учреждением. Ипотека представляла собой наиболее надежную форму гарантии погашения ссуды под недвижимое имущество, владелец которого не лишен права распоряжения им. Ипотека давала право кредитору в случае неуплаты долга в срок исполнения обязательства взыскать и продать собственность [10, с. 108].

¹ Заметное увеличение с 1886 г. операций Государственного банка было связано с передачей в его ведение учреждений Польского банка, ликвидированного к 1 января этого года по политическим соображениям в рамках проводимой кабинетом Александра III политики русификации окраин и введения единообразия в управлении Царства Польского и остальной империи. Уже в 1869 г. Польский банк, основанный благодаря усилиям великого князя Константина Павловича в 1828 г., был передан из Особого финансового управления Царства Польского в ведение Министерства финансов. После окончательной ликвидации Польского банка на базе его учреждений были созданы Варшавская контора, Вроцлавское, Калишское, Келецкое, Лодзинское, Ломжинское, Люблинское, Петровское, Плоцкое, Радомское и Ченстоховское отделения. Варшавская контора, развивавшая многолетние традиции Польского банка, стала одним из наиболее крупных учреждений Государственного банка по объемам операций [6].

Пункты нахождения конторъ и отдѣленій государственнаго банка: *Конторы:* 1. С.-Петербургская, 2. Варшавская, 3. Киевская, 4. Московская, 5. Одесская (Херсонск. г.), 6. Рижская (Лифляндск. г.), 7. Ростовская (Обл. в. Д.), 8. Тифлисская, 9. Харьковская. *Отдѣленія:* 10. Андиганск. (Ферган. обл.), 11. Армавирское (Кубанск. обл.), 12. Архангельское, 13. Астраханское, 14. Асхабадское (Закасп. обл.), 15. Бакинское, 16. Барнаульское (Томск. г.), 17. Батумское (Кутаис. г.), 18. Вердянское (Таврич. г.), 19. Благовѣщенское (Ам. обл.), 20. Бодайбинское (Иркут. г.), 21. Борисоглебское (Тамб. г.), 22. Бухарское, 23. Вѣжецкое (Тверск. г.), 24. Вѣлюстокское (Гродн. г.), 25. Вилевское, 26. Виндавское (Курл. г.), 27. Винницкое (Подольск. г.), 28. Витебское, 29. Владивостокск. (Прим. обл.), 30. Владикавказск. (Терек. обл.), 31. Владимирское, 32. Вологодское, 33. Воронежское, 34. Вѣрненское (Семирѣч. обл.), 35. Вяземское (Ожолек. г.), 36. Вятское, 37. Гродненское, 38. Двинское (Витебской г.), 39. Екатеринбургск. (Перм. г.), 40. Екатериноподарск. (Куб. обл.), 41. Екатеринославское, 42. Елецкое (Орловск. г.), 43. Елисаветградское (Херс. г.), 44. Житомирское (Волинск. г.), 45. Ив.-Вознесенск. (Влад. г.), 46. Иркутское, 47. Казанское, 48. Калининское, 49. Калужское, 50. К.-Подольское, 51. Кишиневское (Бессар. г.), 52. Кованское, 53. Козловское, (Тамбовск. г.), 54. Кокандское (Ферг. обл.), 55. Костромское, 56. Красноярск. (Енисейск. г.), 57. Кременчугское (Полт. г.), 58. Курское, 59. Либавское (Курляндск. г.), 60. Лодзинское (Петрок. г.), 61. Ломжинское, 62. Люблинское, 63. Мариупольское (Екатер. г.), 64. Минское, 65. Могилевское (Могил. г.)

*Пункты нахождения контор
и отделений Государственного банка.*

В Гродно филиал банка открылся 16 июня 1886 г. Управляющим Гродненским отделением Крестьянского поземельного банка с 1888 г. был назначен статский советник П.М. Диков [8, с. 43].

Роль Гродненского отделения Крестьянского поземельного банка в формировании частного крестьянского землевладения первоначально была незначительной. Об этом свидетельствует тот факт, что со времени своего открытия до 1887 г. банк выдал всего 25 ссуд. Однако в последующие годы деятельность его значительно расширилась. Если в 1900 г. Гродненским отделением Крестьянского поземельного банка было выдано 74 ссуды, то в 1909 г. — 753 (таблица).

Исключение составлял 1907 г., когда количество ссуд упало до 57, что объяснялось последствиями экономического кризиса, а также разрушительными явлениями в экономике в годы революции 1905—1907 гг.

Призванный своей деятельностью по закупке земель способствовать упрочению быта сельского населения, Крестьянский поземельный банк и его губерн-

ские отделения были не вправе продавать земли крестьянам только на основании их малоземелья или безземелья. Банку необходимы были гарантии того, что каждый из заемщиков будет хозяйственно использовать приобретенные площади и добросовестно исполнять обязательство по ссуде. В соответствии с этим банк должен был в каждом отдельном случае проводить тщательный отбор среди просителей, выбирая из них экономически самых крепких и преданных труду крестьян.

Вышесказанное не означало, что малоземельные или безземельные крестьяне совсем были лишены возможности приобретения через Крестьянский поземельный банк и его губернские отделения необходимой им земли. Такие крестьяне могли купить землю, если они являлись членами товарищества, которое и подавало прошение в названный банк. Например, в декабре 1885 г. в Гродненское отделение Крестьянского поземельного банка поступило прошение от крестьян Береговского товарищества, в состав которого входили 76 его членов, проживавших в деревнях Брестского уезда: Задворец, Выгулок, Косичи, Березовок и Старое Село. Крестьяне хотели купить сообща землю, принадлежавшую прусскому подданному А.М. Крутбеку, и в связи с этим просили у Гродненского отделения ссуду в 52 600 руб. сроком на 34,5 года [10, с. 109].

После рассмотрения прошения Гродненское отделение отправило свое доверенное лицо в Брестский уезд для изучения участка, его оценки и т. д. В ходе проверки было установлено, что участок, который хотели приобрести, включал в себя 1108 десятин 476 сажень удобной для обработки земли и 145 десятин 2256 сажень — неудобной. По своему назначению земля распределялась:

- усадебная и огородная — 10 десятин 1410 сажень;
- сенокосная — 251 десятина 1134 сажени;
- лесная — 264 десятины 1210 сажень;
- пахотная — 553 десятины 3 сажени;
- пастбищная — 28 десятин 286 сажень.

Весь участок был оценен в 90 000 руб., и 10 июля 1887 г. Гродненское отделение Крестьянского поземельного банка постановило выдать крестьянам Береговского товарищества ссуду в размере 52 600 руб. 27 мая 1889 г.

Таблица

**Количество ссуд,
выданных Гродненским отделением
Крестьянского поземельного банка
в 1899—1909 гг.**

Год	Количество ссуд	Год	Количество ссуд
1899	61	1905	114
1900	74	1906	156
1901	119	1907	57
1902	92	1908	364
1903	101	1909	753
1904	165	1899—1909	2056

Здание Государственного банка в Гродно, начало XX в.

Дело крестьян вышеуказанного товарищества рассматривалось на протяжении двух лет, но это не означало, что Гродненское отделение специально затягивало выдачу ссуды. Дело в том, что институт ипотеки связан с формальностями, которые необходимо строго исполнять. В противном случае все условия договора считались недействительными, а следовательно, не признавалась и гарантия этого вида залога. Можно привести еще один пример: 19 июля 1886 г. в Гродненское отделение поступило прошение крестьян деревни Мельников (Брестский уезд Малоритской волости). Крестьяне-собственники данной деревни просили банк выдать им ссуду (12 650 руб. сроком на 34,5 года) для покупки земли (в количестве 1723 десятины, из которых удобной — 1525 десятин 2195 сажень, а не удобной для земледелия — 198 десятин) у землевладельца генерал-губернатора Петра Петровича Чичерина. Все крестьяне (38 человек) входили в товарищество и были связаны круговой порукой. Как всегда, для проверки всех обстоятельств прошения в деревню Мельников было отправлено доверенное лицо Гродненского отделения. Проведенная проверка показала, что все крестьяне имели на двор по 13 десятин земли, были хорошо обеспечены скотом и работоспособны, а кроме этого, действительно нуждались в земле. В связи с этим были проведены переговоры с владельцем участка П.П. Чичериным, который не только согласился продать землю, но и бесплатно уступил крестьянам 416 десятин 1000 сажень сервитутных земель и 552 десятины 1109 сажень земли, обремененной 40-летним лесорубным контрактом.

После проведенной работы Гродненское отделение Крестьянского поземельного банка сделало вывод, что покупка для крестьян чрезвычайно выгодная, и поэтому была выдана ссуда в размере 12 650 руб. сроком на 34,5 года.

Приведенные факты не являются единичными в сохранившейся документации Гродненского отделения Крестьянского поземельного банка. Особое положение Гродненского отделения, впрочем, как и других отделений Крестьянского поземельного банка, определялось тем, что оно играло большую роль в по-

пытках правительства решить крестьянский вопрос. Вследствие этого наметился постепенный переход от пассивного инструмента консервации существовавшей системы поземельных отношений в 1880—1890-е гг. к активному вмешательству в процесс перестройки земельных отношений, особенно в годы столыпинской аграрной реформы [10, с. 110, 111].

Не станет открытием, что в деньгах нуждались не только крестьяне, но и дворяне. С целью поддержки этого слоя населения в 1885 г. в Российской Империи создается Дворянский земельный банк.

Данный банк учреждался для поддержания помещичьего землевладения путем выдачи кредита дворянам на очень выгодных для них условиях под залог земель и строений. Правительство оказывало этому банку большую финансовую помощь через Государственный банк.

С 3 августа 1886 г. начало функционировать и Виленское отделение Дворянского банка, деятельность которого распространялась на территорию Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний [11, с. 12].

К 1910 г. выдача ссуд дворянам на покупку имений от лиц нерусского происхождения в девяти западных губерниях на основании закона от 1894 г. за 17 лет составила 198 имений площадью 441 тыс. десятин, под залог которых банком было выдано 20,1 млн. руб., в том числе по Виленской, Ковенской и Гродненской губерниям — по 48 имениям (76 тыс. десятин, на сумму 3,2 млн. руб.) [11, с. 22].

С раскрепощением крестьян шел процесс “раскрепощения капиталов”. Банковский бум охватил всю страну. Первым в 1864 г. был открыт Петербургский частный банк, спустя год появился Московский купеческий банк. В течение пяти лет (1864—1868 гг.) было организовано 6 акционерных банков, в последующее пятилетие — еще 33. Всего же к 1914 г. в Российской Империи существовало 319 таких банков [1, с. 66, 67].

Одним из важнейших явлений в банковской жизни страны стало образование и развитие акционерных коммерческих банков. Несмотря на то, что первоначально Государственный банк оставался крупнейшим коммерческим банком в Российской Империи, с 1870-х гг. его положение стало меняться в связи с развитием негосударственных кредитных учреждений. Формируя клиентуру, данное финансовое учреждение переманивало заемщиков более льготными условиями кредитов [1, с. 67].

Определенное место в кредитно-банковской системе Российской Империи заняли частные банковские заведения (банкирские конторы и дома), которые совмещали банковскую деятельность с коммерческими операциями. Отсутствие пристального государственного и общественного контроля над деятельностью, хорошее знание местной рыночной конъюнктуры позволяли хозяевам таких заведений работать с теми клиентами, с которыми крупные банки не рисковали сотрудничать. В экономике Беларуси, где значительное место занимали мелкие и средние производители, роль банкирских контор была особенно значительной. Они являлись промежуточным звеном между крупными банками и данной категорией клиентов.

В 60-е — начале 70-х гг. XIX в. Россия была охвачена волной банковского учредительства, когда и в

столицах, и в провинции создавались новые акционерные банки.

В конце 90-х гг. XIX в. отделения в Гродно и Слониме, а также агентство в Барановичах открыл Коммерческий банк в Белостоке, в 1914 г. они перешли к Русско-Французскому коммерческому банку. В группе акционерных земельных банков, проводивших свои операции в белорусских губерниях, можно выделить лишь два. Это Санкт-Петербургско-Тульский земельный банк, имевший агентства в Бресте, Гродно, Дисне, Лиде, Кобрине и Пружанах; Виленский земельный банк, выдававший ссуды под залог недвижимости в Виленской, Минской, Гродненской, Витебской и Могилевской губерниях.

Наряду с ними в конце XIX — начале XX в. появляются акционерные и частные банки. Открываются отделения крупнейших в Российской Империи банков: Северного, Русско-Азиатского, Азово-Донского и др. [12, с. 98—104]. В Гродненской губернии к концу XIX в. функционировали Русский торговый банк (отделение в Гродно), Московский международный торговый банк (отделение в Бресте) [5, с. 113].

Мелкий бизнес пытался решить проблемы получения кредита путем организации обществ взаимного кредита. Согласно данным банковской статистики в Гродно также существовало такое общество.

Одной из особенностей банковской системы Гродненской губернии стало отсутствие городских банков. Как полагают исследователи, подобной причиной такого явления могла стать приближенность региона к

густой сети кредитных учреждений Польши [13, с. 144].

За считанные годы кредитная система Российской Империи вышла из состояния вековой спячки, сделала гигантский шаг вперед. В результате реформы банковского дела была создана разветвленная кредитная система, организованы банки нового типа, появились и получили большое развитие качественно иные банковские операции. В состав кредитной системы вошли: Государственный банк, коммерческие акционерные банки, ипотечные банки, общества взаимного кредита, городские банки, кредитная кооперация. Все это представляло собой достаточно устойчивую, слаженную систему вплоть до 1917 г.

Что касается Гродненщины, то тут свои коррективы внесла Первая мировая война. В связи с приближением зоны военных действий с 1915 г. началась эвакуация отделений и контор Государственного банка в глубь территорий Российской Империи. В июле 1915 г. вышел циркуляр об эвакуации Варшавской конторы в Москву, Рижской конторы — в Тулу, в августе было принято решение о переносе Либавского отделения в Тамбов, а в сентябре уже эвакуировали Белостокское, Гродненское, Виленское, Двинское, Ровенское, Минское и Ковенское отделения соответственно в Ярославль, Пензу, Нижний Новгород, Ржев, Курск, Казань и Калугу [14].

Иллюстрации взяты автором с интернет-сайтов: Wikipedia.ru, oldbank.info

Источники:

1. Масько, И. К вопросу о становлении банковской системы на территории Беларуси / И. Масько // Банкаўскі веснік. — 2008. — № 13. — С. 65—69.
2. Киштымов, А.Л. Роль евреев в банковском деле Беларуси: вторая половина XIX — начало XX в. / А.Л. Киштымов // История еврейского народа. Мат. Шестой еж. между. конф. по иудаике: В 2 ч. Ч. 2. — М, 1999. — С. 111—126.
3. Киштымов, А. Вопросы экономического развития Беларуси и белорусская национальная идея в начале XX в. / А. Киштымов // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2002. — № 17. — С. 88—118.
4. Бугров, А. Денежное обращение в России во второй половине XIX — начале XX в. в связи с деятельностью Государственного банка. — Вестник Банка России. — 21 апреля 1999 г. — № 26 (370) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cbr.ru/publ/main.asp?Prtid=Vestnik&Y=1999> — Дата доступа: 25.04.2011.
5. Карпівіч, В.А. Станаўленне фінансава-кредытнай сістэмы Беларусі (другая палова XIX ст. / В.А. Карпівіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: Матэрыялы рэспуб. навук. канф.: У 4 ч. Ч. 2 / Пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. — Гродна: ГрДУ, 2003. — С. 111—114.
6. Бугров, А.В. Государственный банк и российская провинция (часть I) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bbdoc.ru/history/index.html?HIST_ID=259 — Дата доступа: 25.04.2011.
7. Отчет Государственного банка за 1899 г. СПб.: Типография Государственного банка, 1900. — С. 96—101, 179, 202, 203.
8. Памятная книжка Гродненской губернии на 1900 год. — С. 42, 43.
9. Памятная книжка Гродненской губернии на 1903 год. — С. 38.
10. Жарский, М.В. Деятельность Гродненского отделения Крестьянского поземельного банка по формированию частного крестьянского землевладения / М.В. Жарский, О.И. Бубнович // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: Матэрыялы рэспуб. навук. канф.: У 4 ч. Ч. 2 / Пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. — Гродна: ГрДУ, 2003. — С. 108—111.
11. Государственный Дворянский Земельный банк 1885—1910. СПб., Эксп. заготовки гос. бум., 1910. — 53 с.
12. Полетаева, Н.И. Российские акционерные коммерческие банки и белорусское купечество (70-е гг. XIX — начало XX в.) / Н.И. Полетаева // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: Матэрыялы рэспуб. навук. канф.: У 4 ч. Ч. 2 / Пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. — Гродна: ГрДУ, 2003. — С. 98—104.
13. Грузицкий, Ю. Городские общественные банки Досоветской Беларуси / Ю. Грузицкий // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: Матэрыялы рэспуб. навук. канф.: У 4 ч. Ч. 2 / Пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. — Гродна: ГрДУ, 2003. — С. 143—151.
14. Рукавицын, И.А. Государственный банк в годы Первой мировой войны / И.А. Рукавицын // Филокартия. — 2010. — № 2 (17). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oldbank.info/index.php?option=com_content&view=article&id=100:gosudarstvennyj-bank-v-period-pervoj-mirovoj-vojny&catid=35:publikacii&Itemid=71 — Дата доступа: 25.04.2011.

Основные этапы становления и развития ОАО “АСБ Беларусбанк”

Дмитрий БАКИНОВСКИЙ

Ведущий специалист управления информации и социального развития ОАО “АСБ Беларусбанк”

ОАО “АСБ Беларусбанк” в течение многих лет является неотъемлемой частью банковской системы страны, важнейшей составляющей ее стабильности и стоит на пороге 90-летнего юбилея. Банк имеет богатые традиции и репутацию надежного партнера. Как крупнейшее и старейшее кредитно-финансовое учреждение республики активно участвует в реализации государственных программ, инвестиционных проектов, осуществляет кредитование важнейших отраслей промышленного и сельскохозяйственного производства, социальной сферы. Приоритетным направлением деятельности банка является обслуживание населения. Практически каждая белорусская семья пользуется услугами банка, в результате чего его заслуженно называют “народным”.

Днем основания банка считается 26 декабря 1922 г., когда постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР “Об учреждении государственных сберегательных касс” было положено начало сберегательному делу в советской Беларуси. Его история — это долгий путь от первых сберегательных касс до республиканского сберегательного банка, а в последующем — ОАО “АСБ Беларусбанк”. Кардинальные перемены, произошедшие за это время в политической и социально-экономической жизни страны, оказали существенное влияние на характер деятельности всей сберегательной системы, коренным образом изменили стратегию ее развития.

Сберегательное дело в БССР, как и все, что строилось в условиях советской действительности, приходилось создавать, по существу, заново. Главной задачей учрежденных сберкасс было предоставление населению возможности надежного хранения свободных денежных средств. Создание сберкасс стало частью новой экономической политики и денежной реформы 1922—1924 гг. Непосредственная организация деятельности сберкасс возлагалась на Наркомат финансов СССР, в состав которого 16 июля 1923 г. вошло Главное управление государственных трудовых сберегательных касс. 23 мая 1923 г. в Минске была открыта первая Главная сберегательная касса № 16, которая осуществляла руководство работой по созданию сети сберегательных касс в Беларуси. За неполные два года было создано 219 сберкасс, а к началу 1933 г. их количество составляло уже более тысячи. Вначале они открывались преимущественно при учреждениях Госбанка и могли принимать вклады до востребования, условные и на текущие счета. В дальнейшем большое распространение получила организация сберкасс при финансовых органах, почтово-телеграфных, железнодорожных и других крупных предприятиях и организациях.

Основной причиной относительно скромного успеха сберегательного дела в БССР в начальный период его развития следует признать неблагоприятную для накопления сбережений сложную экономическую ситуацию. Мерами для ее изменения были призваны стать расширение сети сберкасс, повышение процентных ставок по вкладам и развертывание широкой агитационно-пропагандистской кампании в белорусской деревне. Огромное значение в развитии сберегательного дела имело и новое Положение “О ГТСК СССР”, утвержденное 27 ноября 1925 г., которое значительно уточнило организационные и правовые нормы деятельности сберкасс. С этого момента сберегательное дело в республике постепенно начало раскрывать свой огромный потенциал и приобретать то важнейшее значение для государства и населения, которое оно имело в последующие годы.

В конце 1920-х гг. была провозглашена политика индустриализации, основным источником финансирования которой предполагались сбережения населения и займы. Аккумуляция средств на эти цели и стало главным направлением деятельности сберкасс того времени.

Расширение масштабов деятельности сберкасс потребовало создания полноценных органов управления. В январе 1930 г. на базе Главной сберегательной кассы № 16 было образовано Республиканское управление государственных трудовых сберегательных

касс, а с февраля 1931 г. — Республиканское управление гострудсберкасс и госкредита БССР (ГТСКИГК).

К началу Великой Отечественной войны в БССР в основном завершилось организационное построение системы сберкасс. Сберегательные учреждения были широко представлены практически во всех регионах республики. К тому времени было образовано 1354 сберегательные кассы, а количество вкладчиков достигло 423 тысяч.

Однако поступательное развитие сберегательного дела было прервано из-за войны. В обстоятельствах такого сложного времени главными задачами были сохранение и вывоз ценностей в Гознак. В связи с оккупацией территории республики Управление ГТСКИГК было эвакуировано в Казань, где работало до освобождения Беларуси. Во время войны организовывались полевые сберкассы, осуществлявшие прием и выдачу вкладов на фронтах. Проводилась подписка на военные займы и сбор средств в Фонд обороны.

Перестройка экономики страны и достигнутые успехи в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства дали возможность в декабре 1947 г. провести денежную реформу. Данная реформа на весьма льготных для основной массы вкладчиков условиях переоценки вкладов ярче показала значение и роль сберегательных касс, что способствовало росту сети сберкасс, особенно в сельской местности.

Развитие сберегательного дела получило новый импульс в 1962 г., когда система сберкасс была передана в ведение Государственного банка СССР. Тогда и была разработана первая долгосрочная программа развития этой сферы.

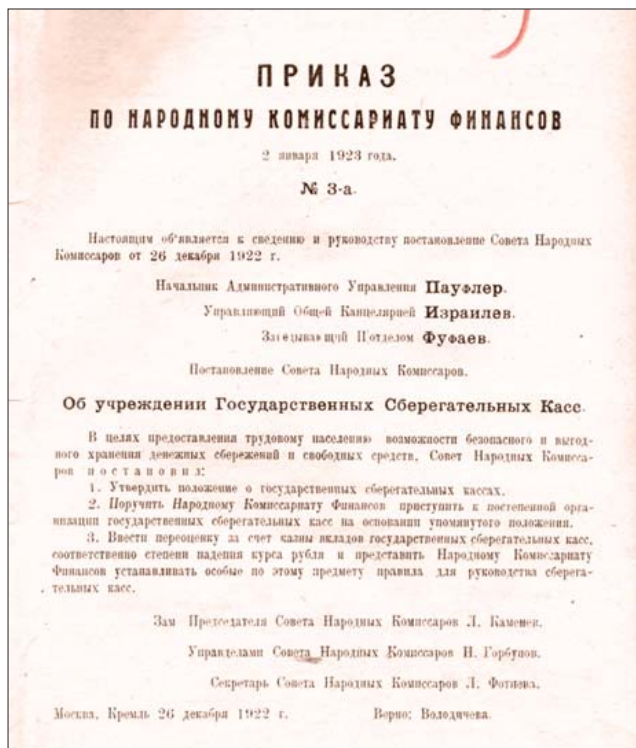
ЦСК № 32, Витебск, 1930-е гг.

Очередной значительной вехой в истории белорусских сберкасс стал 1987 г., когда Правительством СССР была проведена реорганизация банковской системы, в рамках которой на базе государственных сберегательных касс создан специализированный банк трудовых сбережений и кредитования населения — Сбербанк СССР. В его составе был образован и Белорусский республиканский банк Сбербанка СССР. В 1991 г. после обретения республикой независимости был утвержден новый устав сберегательного банка, в соответствии с которым он получил возможность самостоятельно определять свою кредитно-финансовую политику.

Указом Президента Республики Беларусь от 30 августа 1995 г. № 340 путем слияния Сберегательного банка Республики Беларусь и Акционерного коммерческого банка «Беларусбанк» было организовано Открытое акционерное общество «Сберегательный банк «Беларусбанк». По ряду важнейших количественных и качественных показателей объединенный банк уже тогда занял лидирующее положение на финансовом рынке республики. Наступил качественно новый этап в деятельности старейшего кредитного учреждения страны.

На современном этапе ОАО «АСБ Беларусбанк» — крупнейшее универсальное финансово-кредитное учреждение страны, которое предлагает своим клиентам более 100 видов банковских услуг и продуктов, в том числе по расчетно-кассовому обслуживанию, кредитованию, депозитным операциям, лизингу, факторингу, инкассации, международным и межбанковским расчетам, валютно-обменным и конверсионным операциям, операциям с банковскими картами, консалтинговые и депозитарные услуги.

Сегодня банк — это уникальная филиальная разветвленная сеть, охватывающая всю территорию Республики Беларусь. На 1 июля 2011 г. филиальная сеть банка состояла из 43 филиалов (в том числе 6 филиалов — областных (Минского) управлений), 99 центров банковских услуг и 1843 отделений. ОАО «АСБ Беларусбанк» — головная организация банковского холдинга, участниками которого являются 16 дочерних предприятий. Банк занимает лидирующее положение в банковской системе страны по размерам активов, объемам привлекаемых средств населения, масштабам выданных кредитов.

Приказ по Наркомфину о принятии к руководству Постановления СНК РСФСР от 26.12.1922.

Послевоенная реклама.

ОАО «АСБ Беларусбанк» является не только крупнейшим финансово-кредитным учреждением страны, но и наиболее ориентированным на международный рынок среди белорусских банков. Успешно функционируют зарубежные представительства ОАО «АСБ Беларусбанк» в России, Польше, Германии и Китае. В течение последних 2 лет ОАО «АСБ Беларусбанк» неоднократно признавалось авторитетными международными финансовыми изданиями The Banker, Euromoney, Global Finance, Emeafinance, Business New Europe (BNE) как «Лучший банк Республики Беларусь». Авторитетное издание о банках и финансовых рынках The Banker ежегодно проводит рейтинг банков и публикует перечень 1000 крупнейших банков. По результатам обзора за 2010 г. ОАО «АСБ Бела-

русбанк» заняло 441-е место в мире и вошло в число 25 крупнейших банков Центральной и Восточной Европы по размеру капитала первого уровня. Самым крупным нероссийским кредитным учреждением в рейтинге 100 крупнейших банков СНГ в 2010 г. по объему активов стал ОАО «АСБ Беларусбанк», чьи активы на 1 января 2011 г. составляли 17,6 млрд. долл. США, что позволило банку занять место в числе 10 крупнейших банков СНГ.

Пятнадцатилетняя безупречная международная кредитная история ОАО «АСБ Беларусбанк» позволила сформировать международный бренд, который вызывает доверие у деловых партнеров и известен далеко за пределами Республики Беларусь. Показателем и тот факт, что единственным (и первым за время участия в Олимпийских играх!) представителем Республики Беларусь среди 12 тысяч участников эстафеты несения Олимпийского огня, которая предшествовала XXI зимним Олимпийским играм в Ванкувере, стал директор РЦПК ОАО «АСБ Беларусбанк» Анатолий Боговик. Право принять участие в этой почетной миссии было предоставлено международной платежной системой Visa International, спонсором XXI зимних Игр, как знак уважения к крупнейшему финансово-кредитному институту страны, надежному и давнему партнеру, самому крупному эмитенту пластиковых карт, лидеру по всем показателям карточного бизнеса в Беларуси.

В целях изучения и популяризации исторических фактов в становлении и развитии сберегательного дела, воспитания банковских работников на лучших традициях и опыте старшего поколения с 2002 г. в банке формируется музейный фонд, на его основе создана постоянно действующая экспозиция. В настоящее время в экспозиции представлены экспонаты отечественной и зарубежной бонистики и нумизматики, сберегательные книжки, ценные бумаги и другие финансовые документы, личные вещи ветеранов сберегательного дела, уникальные архивные и фотодокументы, награды, представительские подарки и другие яркие материалы — свидетельства истории развития сберегательного дела в Беларуси и ОАО «АСБ Беларусбанк».

Подводя итог, нужно отметить, что, опираясь на славные традиции и достигнутый результат, банк устремлен в будущее, где главным критерием станет качество предоставляемых услуг при сохранности их доступности и комфортности, обеспечение достаточной финансовой устойчивости банка. Являясь универсальным финансовым институтом, ОАО «АСБ Беларусбанк» осуществляет свою деятельность, претворяя в жизнь девиз: «Беларусбанк» всегда рядом!».

Источники:

1. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 93. — Оп. 1. — Д. 4096. — Л. 7—25. Доклад Наркомфина БССР о состоянии сберегательного дела в БССР на 1 октября 1925 г. и материалы к нему.
2. АСБ «Беларусбанк»: Вчера, сегодня, завтра / Авт. сост.: В.Н. Бусько и др. — Мн.: Междунар. центр интеграц. информ. : Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2002. — 149 с.
3. От деревянных счетов до информационных технологий: из истории сберегательного дела в Беларуси / подготовили к публикации Владимир Моисеев, Николай Синькевич // Вестник Беларусбанка: Ежекв. информ. бюл. — 2007. — № 1—4.
4. Костюкович, Н. Сберегательные кассы Белоруссии. — Мн.: Беларусь, 1972. — 104 с.
5. Петров, Ю.А., Калмыков, С.В. Сберегательное дело в России: Вехи истории. — М.: К.И.Т., 1995. — 364 с.
6. Сайт: www.belarusbank.by

О трудовой дисциплине в Витебской областной конторе Госбанка СССР: 1940—1950 гг.

Любовь БАХАНОВА

Заведующий архивом
отдела организационной и
хозяйственной работы
Главного управления
Национального банка
по Витебской области

*Трудовая дисциплина — обязательное
для всех работников подчинение
установленному трудовому распорядку
и надлежащее выполнение
своих обязанностей.*

*Трудовой кодекс Республики Беларусь
от 26.07.1999 № 296-3, ст. 193*

История Государственного банка СССР неразрывно связана с историей страны. Все важнейшие государственные события находили свое отражение в банковской деятельности, банковских документах, а также в памяти работников — непосредственных участников событий.

Не стал исключением и принятый 26 июня 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указ “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”¹. Подписанный Председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР М. Калининым документ постановлял:

“1. Увеличить продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях: с семи до восьми часов — на предприятиях с семичасовым рабочим днем; с шести до восьми часов — для служащих учреждений.

2. Перевести во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях работу с шестидневки на семидневную неделю, считая седьмой день недели — воскресенье — днем отдыха.

3. Запретить самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое.

Уход с предприятия и учреждения или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения в другое может разрешить только директор предприятия или начальник учреждения.

4. Установить, что директор предприятия и начальник учреждения имеет право и обязан дать разрешение на уход рабочего и служащего с предприятия или из учреждения в следующих случаях:

а) когда рабочий, работница или служащий согласно заключению врачебно-трудовой экспертной комиссии не может выполнять прежнюю работу вследствие болезни или инвалидности, а администрация не может предоставить ему другую подходящую работу в том же предприятии или учреждении, или когда пенсионер, которому назначена пенсия по старости, желает оставить работу;

б) когда рабочий, работница или служащий должен прекратить работу в связи с зачислением его в высшее или среднее специальное учебное заведение.

5. Установить, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев.

Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%.

¹ Утратил силу после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1971 г. № 1234-VIII “О признании утратившими силу некоторых законодательных актов СССР в связи с введением в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде”.

Предложить народным судам все дела, указанные в настоящей статье, рассматривать не более чем в 5-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно”.

При этом подвергались судебной ответственности “директора предприятий и начальники учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятия и из учреждения, и лиц, виновных в прогулах без уважительных причин” и “принявшие на работу укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и из учреждений”.

Справочно. Всего до начала Великой Отечественной войны по Указу было осуждено свыше трех миллионов человек, из них 16% — за самовольную смену места работы.

Общественность г. Витебска свое непримиримое отношение к нарушителям трудовой дисциплины выразила в областной газете “Віцебскі рабочы” от 7 сентября 1940 г.: “Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 26 чэрвеня 1940 года паклаў канец вальготнаму жыццю дезарганізатараў працоўнай дысцыпліны на прадпрыемствах і ва ўстановах, аб’явіў бязлітасную барацьбу з летунамі, прагульшчыкамі, усімі, каму шкурныя інтарэсы даражэй за дзяржаўныя, хто хоча працаваць паменш, а ўрываць ад дзяржавы пабольш”.

Витебская областная контора Государственного банка СССР не осталась в стороне от исполнения Указа, который касался каждого работающего гражданина. И, как следствие, в деятельности банка появился целый пласт соответствующих документов, часть из которых приведена далее в качестве примеров.

Следует подчеркнуть, что соблюдение внутреннего трудового распорядка в Витебской конторе Госбанка контролировалось еще с 1938 г. — за два года до выхода Указа. Согласно приказу по конторе контроль за приходом на работу и уходом с работы работников был возложен на руководителей групп и отделов: “по МФО (межфилиальные обороты. — Авт.) на тов. Розенблюм, по экспедиции на тов. Брагину, по машбюро на тов. Бельковича, по кассе пересчета на т. Соловьеву” (здесь и далее тексты документов сохранены).

С выходом Указа руководство конторой обязало управляющих 20 подчиненными отделениями, расположенными в районных городах и горпоселках, “сообщать в облконтору об опозданиях на работу до 20 минут и какое наложено на виновных взыскание”, а также оперативно реагировать на факты нарушения распорядка работы.

Так, 28 августа 1940 г. инспектор отдела инкассации и перевозки ценностей Панкратов Николай Яковлевич опоздал на службу на 28 минут. В тот же день управляющий конторой К.К. Данченко направил в Народный суд 3-го участка г. Витебска ходатайство с просьбой привлечь нарушителя к судебной ответственности. А 17 октября этого же года подобное письмо было направлено в Народный суд 1-го участка г. Витебска в отношении еще одного нарушителя: “Сообщаем, что 16-го октября с.г. кучер отдела инкассации и перевозки ценностей н/конторы Большаков Семен Андреевич опоздал на работу на 30 минут без уважительных причин. Просьба привлечь Большакова С.А. к судебной ответственности в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 26.VI-40 г.”

Вопрос соблюдения трудовой дисциплины стал объектом проверок со стороны вышестоящей органи-

зации. Так, в августе 1940 г. Витебская областная контора и ее подведомственное Оршанское отделение подверглись проверке представителем Белорусской конторы Госбанка СССР тов. Караванченко на предмет выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940. Проверка выявила следующие нарушения: в конторе не было установлено время работы для сотрудников отдела МФО, экспедиции, машбюро и кассы пересчета, существующая табельная система не охватывала главных бухгалтеров конторы и Горуправления, начальника и заведующего кредитно-плановым отделом, был “недостаточно проработан вопрос в области уплотнения рабочего дня и равномерного распределения объема нагрузки операционных бригад, вследствие этого отдельные бригады и работники не нагружены”, “административные взыскания за опоздания на работников не были наложены” и другие. Управляющим конторой К.К. Данченко были приняты меры к немедленному устранению недостатков, о чем доложено письмом от 14.09.1940 исполняющему обязанности управляющего Белорусской конторой Госбанка СССР Кузнецову.

В годы фашистской оккупации, с 1941 г. по 1944 г., Витебская областная контора находилась в эвакуации. Документами этого периода архив банка не располагает, однако в музейном фонде имеется решение исполкома Витебского областного Совета депутатов трудящихся от 12 января 1946 г. № 44 о представлении к награждению 24 работников Витебской областной конторы (а это треть коллектива) медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.”. Документ как нельзя ярче свидетельствует об образцовом исполнении банковскими работниками своих трудовых обязанностей в военное время.

Витебск еще не был освобожден от фашистских захватчиков, а банк развернул работу в марте 1944 г. в деревне Горяны Лиозненского района Витебской области.

Одним из первых был издан приказ, который устанавливал “мирный” распорядок работы коллектива: “В связи с ходатайством общественных организаций установить обеденный перерыв один час с 14-ти до 15-ти часов. Рабочий день начинать с 9 часов утра, заканчивать работу в 18 часов вечера”.

Следующие несколько лет график работы менялся довольно часто. Так, с 1 февраля 1945 г. приказом от 30 января № 16 банк начинал работать с 9 часов до 17 часов 30 минут, с обеденным перерывом 30 минут, “для сотрудников Бухгалтерии Горуправления перерыв начинается с 14 часов, для прочих работников Горуправления и для сотрудников Областной конторы обеденный перерыв начинается с 14 часов 30 мин.”. При этом “наблюдение за явкой на работу и уходом с нее сотрудников Конторы и Горуправления возложить на пом. инспектора отдела кадров т. Рыжикову А.Р. Для учета завести журнал, в котором каждый сотрудник должен своевременно отмечаться при явке на работу и уходе с нее. При отсутствии соответствующих отметок за сотрудником будет считаться прогул со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наблюдение за присутствием сотрудников в рабочее время возложить на начальников отделов, секторов и руководителей бригад и групп. Начало и конец работы, а также обеденного перерыва возвещается звонком”.

Через год приказом от 30 мая 1946 г. № 91 установлено “начало работы в 9 часов. Конец работы в 18 часов. Обеденный перерыв с 14 до 15 часов”. В связи с введением в учреждения Госбанка “твердого графика документооборота” 30 ноября 1948 г. для работников банка вводится следующий распорядок работы: “Начало работы сотрудников МФО и канцелярии установить с 8 часов с таким расчетом, чтобы все денежно-расчетные документы, полученные накануне вечером и утром данного дня, были обработаны и переданы операционным бригадам не позднее 9 часов. Рабочий день указанных работников должен заканчиваться в 17 часов. Работу сотрудника, ведущего бухгалтерский журнал, установить с 10 часов до 19 часов. Начало работы экспедиции установить с 10 часов до 19 часов. Прием экспедицией исходящей корреспонденции от операционных бригад заканчивать в 18 часов 30 минут”. В утвержденном этим же приказом графике документооборота по часам и минутам были расписаны действия бухгалтерии и кассы. Например, взнос наличными производился с 9 до 14 часов, прием денежных сумм от органов Министерства связи и сберкасс — с 9 до 16 часов 45 минут, погашение ссуд — с 9 часов до 15 часов 30 минут, выдача лимитированных чековых книжек — с 9 до 13 часов, “прием от клиентуры документов по внутригородским расчетам на инкассо 9—12 часов”, при этом следовало “передачу документов из одной операционной части в другую производить немедленно, по мере их обработки, не накапливая”.

В областной газете “Віцебскі рабочы” от 12 ноября 1944 г. была опубликована статья Г. Броварского “Аб партыйнай дысцыпліне” в рубрике “У дапамогу маладым камуністам”. Вот выдержка из нее: “Авангардная роля партыі-правадыра працоўных у тым і састаіць, што яе члены знаходзяцца ў перадавых радах, займаюць найбольш апасныя ўчасткі барацьбы і асабістым прыкладам умацоўваюць жалезную дысцыпліну... Дзе камуніст ні працаваў-бы, яго абавязак — быць узорам працоўнай і дзяржаўнай дысцыпліны. Бо ясна, што малейшая расхлябанасць, папусціцельства лодырам і бракаробам на любой рабоце ў тылу непазбежна адклікнецца на фронце і можа прывесці нават да пагібелі нашых байцоў і афіцэраў”.

Именно так работал Голосков Петр Андреевич, управляющий банком с 1944 г. по 1952 г. По воспоминаниям коллег, это был принципиальный, “честный коммунист-ленинец, сочетавший высокую требовательность с простым, сердечным отношением к подчиненным, невзирая на ранги”, доверял людям, “с сердечностью относился к молодежи, называя ее “золотым фондом”. Для подчиненных был примером и в труде, и в отдыхе. Дисциплинированный руководитель, он требовал от подчиненных того же. Рабочий день начинал с личного контроля времени прихода на работу сотрудников. Нарушителей сразу же прописывал в приказах конторы.

“Уволить с работы тов. Котикову Александру Лукиичу — работницу подсобного хозяйства Витебской областной конторы Госбанка за совершенный прогул 11 августа 1944 г.” (приказ от 1 сентября 1944 г. № 114).

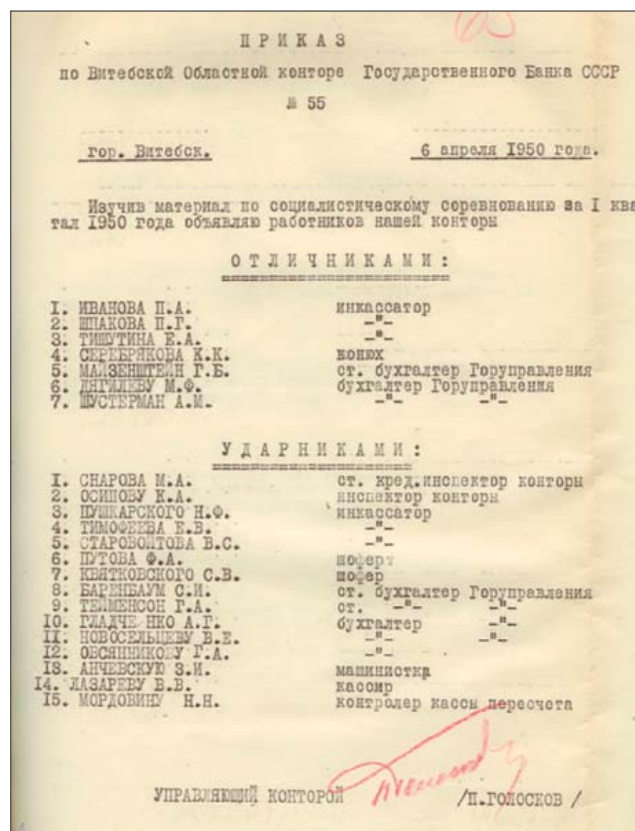
“За опоздание на работу 16 ноября с/г объявляю строгий выговор: т. Гелиной С.И. за опоздание на 10 минут, Овсянниковой Г.А. — за опоздание на 18 мин., Михайловой Н. — за опоздание на 20 мин. и Короткой М. — за опоздание на 20 мин.

Т.т. Дадеркиной М., Офицеровой М. за опоздание на 6 мин., Прокопович Н.К. и Любченко А. за опоздание на 10 мин. поставить на вид” (приказ от 17 ноября 1944 г. № 156).

“Истопницу конторы тов. Селедцову Евдокию Иосифовну за опоздание на работу на 30 мин. 8 февраля с.г. привлечь к судебной ответственности, в соответствии с Указом Президиума Верховно-

Голосков Петр Андреевич

го Совета Союза ССР от 26 июня 1940 г.” (приказ от 8 февраля 1945 г. № 24).

“Кассира вечерней кассы Горуправления т. Корженевскую М.С. за опоздание на работу на 25 минут 12-го июля с/г. привлечь к судебной ответственности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 июня 1940 года” (приказ от 13 июля 1945 г. № 121).

“Бухгалтеру Горуправления т. Забоченья В.Т. за вторичное опоздание на работу на 20 мин. 11 января об’являю строгий выговор. Предупреждаю, что следующее опоздание повлечет за собой привлечение к судебной ответственности” (приказ от 11 января 1945 г. № 4).

“Инкассатора конторы тов. Окуневич Александрю Матвеевну за прогул 14 января с.г. привлечь к уголовной ответственности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года” (приказ от 16 января 1946 г. № 10).

“За опоздание на работу на 4 минуты 13 июня бухгалтерам Горуправления т. Боровик М.Ф. и Стерлиной Э.М. поставить на вид” (приказ от 13 июня 1946 г. № 101).

“Машинистку Конторы т. Кравцову Л.И., самовольно не вышедшую на работу с 10 октября с.г., из списков личного состава исключить и привлечь к судебной ответственности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года” (приказ от 3 декабря 1946 г. № 224).

“И.о. Начальника отдела кадров т. О.М. Чернявской и кредитному инспектору Горуправления т. Круглянскому Л.А. за хождение во время работы по магазинам об’явить выговор” (приказ от 16 декабря 1947 г. № 247).

“Зав. архивом Конторы т. Пожарицкой Л.С. за самовольный уход с работы 24 мая на обеденный перерыв за 15 минут до установленного срока — поставить на вид” (приказ от 25 мая 1948 г. № 111).

Начиная с 1949 г. количество приказов о нарушениях распорядка работы заметно уменьшается. Последний приказ о наказании строгим выговором за опоздание на работу на 20 минут датирован 20 сентября 1950 г.

Соблюдение правил внутреннего трудового распорядка — это составляющая часть трудовой дисциплины в организации, “только половина дела”. Качественное, добросовестное выполнение работниками своих должностных обязанностей стояло на первом месте, находясь постоянно под пристальным вниманием руководителя банка. Голосков П.А. проверял деловые и политические качества работников, выполнение ими основной практической работы и отдельных ответственных поручений. Нерадивые работники попадали в разряд нарушителей, что также нашло отражение в соответствующих документах.

“За халатное отношение к работе конюха Конторы Телушкова М.М. освободить от работы с 20 ноября с/г., передать в распоряжение Инспекции исправительных трудовых работ” (приказ от 20 ноября 1944 г. № 157).

“Управляющий Лиозненским отделением Госбанка т. Казаков Д.М. из оставленных в отделении на хранение ботинок самовольно взял для личного пользования одну пару ботинок. Считая действие т. Казакова Д.М. недопустимым приказываю:

1. Управляющему Лиозненским отделением т. Казакову Д.М. об’явить строгий выговор.

2. Временно исполняющему обязанности нач-ка Горуправления тов. Суслову Н.Н., в случае несдачи т. Казаковым Д.М. ботинок в течение одного дня, передать дело прокурору для привлечения к ответственности, пред’явив гражданский иск в десятикратном размере коммерческой стоимости ботинок” (приказ от 17 мая 1944 г. № 43).

“Секретарю конторы тов. Нижниковой Евдокии Карповне за халатное отношение к исполнению своих обязанностей, выразившееся в потере дела № 10003, об’являю выговор” (приказ от 31 декабря 1944 г. № 180).

“Кассирам Горуправления т.т. Корженевской и Мильман, самовольно ушедшим с работы 5 июня с.г., не закончив всех операций, поставить на вид. Предупредить, что при повторении подобных явлений в дальнейшем будут привлечены к судебной ответственности, как за сознательный саботаж работы” (приказ от 6 июня 1945 г. № 95).

“Мною установлено, что бухгалтера Забоченья и Кушинова во время рабочего времени самовольно покидают рабочее место и бездельничают. Несмотря на мои неоднократные устные замечания Забоченья и Кушинова не исправились, и сегодня вновь обнаружил их разговаривающими во вне стен банка с посторонними лицами по личным вопросам во время рабочего времени. За недисциплинированность, бездельничество, самое грубое нарушение трудовой дисциплины во время рабочего дня, допущенные неоднократно, бухгалтерам Забоченья и Кушиновой об’являю строгий выговор и предупреждаю, что при повторении подобных явлений они будут привлечены к судебной ответственности” (приказ от 2 июня 1945 г. № 91).

“Кассиру кассы Горуправления т. Кацман Д.М. за издевательское отношение к клиентам и неприем 12 тысяч рублей 24 июля с/г. об’явить выговор. Предупреждаю, что при повторении подобных явлений в дальнейшем будут приняты более суровые меры взыскания” (приказ от 25 июля 1945 г. № 130).

“Несмотря на мои неоднократные устные указания, уход за лошадьми продолжает оставаться безобразнейшим. При наличии в достаточном количестве концентрированных и грубых кормов хорошего качества и умеренной работы, упитанность части лошадей ниже средней, а Орлик приведен в истощенное состояние. За безответственное отношение и плохой уход за лошадьми конюху Луговцову Михаилу об’являю выговор и предупреждаю, что если в течение 2-х недель лошади не будут приведены в состояние средней упитанности, он будет привлечен к уголовной ответственности” (приказ от 28 октября 1945 г. № 203).

“Освободить от работы машинистку Конторы т. Гаворскую Валентину Михайловну за нечестное поведение и недобросовестное отношение к работе, с 15 июня 1945 г.” (приказ от 19 июня 1945 г. № 104).

“Бухгалтеру-журналисту Горуправления тов. Любченко А.Л. за несерьезное и безответственное отношение к работе, выразившееся в самовольном исправлении оборотной ведомости за 26 марта, об’являю выговор и предупреждаю, что при повторении подобных нарушений будет привлечена к уголовной ответственности, как за подделку документов” (приказ от 30 марта 1946 г. № 55).

“Заместителю главного бухгалтера Горуправления т. Гелиной С.И. за небрежное отношение к хранению банковских документов поставить на вид” (приказ от 13 июня 1946 г. № 101).

“Освободить от занимаемой должности: кассира Горуправления Дадеркину М.Г. за неоднократное нарушение дисциплины, нарушения правил кассовой работы с 4 июля с.г.;

Конюха конторы Рогожинского И.Ф. как несоответствующего своему назначению, с 5 июля с.г.” (приказ от 4 июля 1946 г. № 116).

“За совершение прогула курсантов межобластных бухгалтерских курсов 15 июля 1946 года тов. Филипович Л.Е. и Парновскую К.Т. отдать под суд, как за нарушение трудовой дисциплины согласно Указа Президиума Верховного Совета ССР от 26.6.40 года” (приказ от 17 июля 1946 г. № 129).

“Экспедитора канцелярии Жабкину Надежду Максимовну за мелкое жульничество, выразившееся в записи одних и тех же простых писем в нескольких реестрах с корыстной целью, и сознательную задержку отправки корреспонденции от работы отстранить с 17 марта с/г, взыскав с нее причиненные убытки по почтовым маркам” (приказ от 17 марта 1948 г. № 58).

“За мелкое жульничество, выразившееся в использовании почтовых марок бывших в употреблении, для отправки исходящей заказной корреспонденции, зав. экспедицией тов. Солохину Л. отстранить от работы в Витебской областной конторе Госбанка со 2 ноября 1948 года” (приказ от 1 ноября 1948 г. № 241).

“Мною установлено, что инспектор Областной бухгалтерии т. Голосов Н.К. в рабочее время бездельничает, за что объявляю ему выговор. Предупреждаю т. Голосова, что в случае повторения подобных фактов — он будет уволен с работы” (приказ от 15 августа 1949 г. № 159).

“Экспедитору конторы т. Бориной А.Г. за халатное отношение к своим служебным обязанностям, выразившееся в утере реестра на отправленную заказную корреспонденцию 11 апреля с.г. при сдаче последней на телеграф, поставить на вид” (приказ от 12 июня 1950 г. № 58).

Наряду с наказаниями за нарушение трудовой дисциплины существовала стройная система морального и материального поощрения. Первый приказ о поощрении за хорошую работу вышел из-под пера управляющего банком П.А. Голоскова 27 февраля 1945 г.:

“За проявленную энергию и усердие по составлению бухгалтерского годового отчета за 1944 год премировать зам. главного бухгалтера Горуправления т. Пасютину Феодору Борисовну и Главного бухгалтера Сиротинского отделения Госбанка т. Зенкевич Вильгельмину Владиславовну отрезами на платье”.

Поощрения в виде денежных премий выдавались небольшой части работников “за образцовое выполнение трудовых обязанностей” и “добросовестное отношение к работе”. Другим членам коллектива, “добившимся лучших показателей в работе”, объявлялась благодарность или благодарность с занесением в трудовую книжку. Как правило, это было приурочено к государственным праздникам: Международному жен-

скому дню 8 Марта, годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, 30-летию Белорусской Советской Социалистической Республики.

Приказ управляющего конторой от 7 марта 1949 г.: “В ознаменование Международного Женского Дня 8 Марта, за добросовестное отношение к работе и хорошие показатели, приказываю выдать денежные премии ст. инспектору Канцелярии т. Вигдергауз — 200 рублей, кр. инспектору Горуправления т. Гришкиной — 175 рублей, бухгалтеру Горуправления т. Шаровской — 150 рублей, кредитному инспектору Горуправления т. Бондаренко — 150 рублей, ст. бухгалтеру Горуправления т. Ловенецкой — 150 рублей, кр. инспектору Горуправления т. Легкой — 125 рублей, машинистке т. Сумароковой — 100 рублей. Объявить благодарность всем женщинам нашего коллектива, добившимся лучших показателей по своей работе и числящимся в рядах отличников и ударников аппарата конторы и Горуправления”.

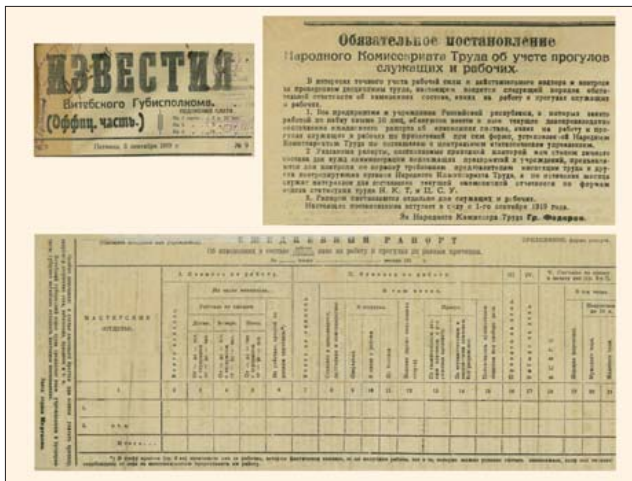
Систематически премировались бухгалтерские работники за “усердие” по составлению годовых отчетов, за выполнение заданий Минфина и Правления Госбанка. Из приказа от 23 сентября 1950 г. № 176: “За хорошо проведенную работу по составлению годового отчета за 1949 год и досрочное заключение счетов по межфилиальным оборотам премировать: тов. Богдановича С.А. — гл. бухгалтера Лиозненского отделения, тов. Степука Т.М. — гл. бухгалтера Чашникского отделения, тов. Кособуцкую Г.Ф. — гл. бухгалтера Кохановского отделения, тов. Гаевского Г.И. — гл. бухгалтера Городского отделения, тов. Иванова И.Н. — гл. бухгалтера Дубровенского отделения. Призываю всех учетно-операционных работников отделений Витебской области обеспечить высококачественное осуществление внутрибанковского контроля на всех участках работы с тем, чтобы закончить 1950 год с отличными показателями в работе”.

Стимулом для надлежащего выполнения должностных обязанностей и соблюдения трудового распорядка являлось движение отличничества и ударничества², которое в Витебской конторе Госбанка активно развернулось с 1944 г. Управляющий конторой регулярно, по окончании каждого квартала, подводил итоги работы и, также “принимая во внимание свои личные наблюдения”, объявлял приказом по банку отличников и ударников труда.

Вчитываясь в страницы архивных документов, обратим внимание на то, что они написаны четко, имеют жесткие формулировки, некоторые воспринимаются сегодня с легким удивлением и небольшой долей иронии. А ведь за сухими строками приказов, хатайств, служебных записок стояли живые люди, работавшие в непростых условиях. И в деловых бумагах не нашли отражения их чувства, настроение, восприятие ими исторических событий и повседневных дел.

За этим я обратилась к письменным воспоминаниям работников Витебской конторы Госбанка СССР послевоенных лет — начальника кредитного отдела Горуправления О.И. Рекстиной, заведующего кассами Полоцкого отделения С.А. Григорьевой, экономиста

² В СССР форма социалистического соревнования за повышение производительности труда, за высокие (ударные) темпы работы. Возникло в середине 20-х гг. XX в.

планово-экономического отдела Р.М. Вигдергауз, начальника отдела денежного обращения З.С. Зильберборд.

В приказах послевоенного времени не прописано, что “в здании банка не было света, окна разбиты, жуткий холод”, как “чернила за ночь замерзли, и, придя на работу утром, мы их разогрели в руках, чтобы начать свой трудовой день”, “лицевые счета, штафеля, авизо, общехозяйственный журнал, баланс — все велось от руки. А поэтому и оканчивали рабочий день поздно, иногда далеко заполночь с лучиной, которой светил наш охранник отделения”, “размещались в деревенской избе, которая была и нашим местом работы, и нашим домом, работали при коптилке, но энергии было много. После напряженного дня работы мы восстанавливали разрушенный город, а в свободные вечера дружно готовили самодеятельность”, “с концертами выступали не только у себя в Госбанке, но и в колхозах, в школах города, в городском Доме культуры, на агитпунктах. Песня была спутником везде и всегда”.

“Денежная реформа была проведена в декабре 1947 года. Очень запомнился этот напряженный период для работников Госбанка... Нам пришлось весь декабрь работать почти круглосуточно, но никто не чувствовал усталости, ибо работали не за страх, а за совесть”.

Вопросы трудовой дисциплины в Витебской контроле Госбанка решались не только в связи с исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”, но и независимо от времени и происходящих событий. Подтверждением тому служат имеющиеся в музейном фонде банка немногочисленные, но интересные по сути документы. Это принятое 1 сентября 1919 г. и опубликованное в газете “Известия” Витебского губисполкома “Обязательное Постановление Народного комиссариата труда об учете прогулов служащих и рабочих”. В нем говорилось: “В интересах точного учета рабочей силы и действительного надзора и контроля за проведением дисциплины труда все предприятия и учреждения Российской республики, в которых занято свыше 10 лиц, обязуются вести в свое текущее делопроизводство составление ежедневного рапорта об изменениях состава, явках на работу и прогулах служащих и ра-

бочих. Указанные рапорты предъявляются по первому требованию представителям инспекции труда и других контролирующих органов, а по истечении месяца служат материалом для составления ежемесячной отчетности по формам отдела статистики труда”. Выполнять Постановление должны были в обязательном порядке и в банках Витебска.

Затем 13 января 1919 г. вышло в свет “Положение о правах и обязанностях работников банковско-кредитного дела” (далее — Положение), которым руководствовались в работе все финансовые учреждения на территории РСФСР. Документ содержал разделы: “Приним и увольнение служащих”, “Штаты и вознаграждение”, “Порядок движения по службе”, “Отпуска”, “Социальное обеспечение”, “Правила внутреннего трудового распорядка”, “Нормировка рабочего времени”, “Отлучки со службы и неявка на службу”, “Санитарно-гигиенические условия труда” и другие.

“Нормальный рабочий день в учреждениях определяется в 6 час. действительной работы для служащих, занятых умственным трудом... и 8-ми часовой — для служащих физического труда. На завтрак каждому служащему в учреждении предоставляется полчаса, не включаемые в рабочее время”.

“Дни неявки на службу без уважительных причин оплате не подлежат. В случае частых повторений таких неявок может быть поставлен вопрос об увольнении данного служащего”.

“Прием посторонних лиц служащими учреждений в помещениях, в которых происходят занятия (работа. — *Авт.*), по своим личным делам не допускается. Разговоры, споры и пререкания, мешающие работе других, не допускаются. Для обсуждения Профессиональных дел служащим предоставляется помещение в неслужебное время”.

“Освещение во всех рабочих помещениях должно быть достаточным для работающих и не должно вредно отражаться на их зрении. В помещениях учреждения должно быть достаточное количество вентиляторов”.

“В учреждении, за его счет, обязательно каждые 2 часа должен завариваться чай, который подается всем служащим без исключения”.

Таким образом, Положение определяло типовой трудовой распорядок первых советских банковских и кредитных учреждений.

Знание истории, анализ происшедших событий в вопросах организации труда, дисциплины на производстве дают основание полагать, что современная трудовая дисциплина является не инструментом воспитания трудящихся масс, а элементом корпоративной культуры коллектива.

Источники:

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-3.
2. Ведомости Верховного Совета СССР № 20 (83) 05.07.1940.
3. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
4. Журнал “Отдел кадров”. 2008, № 2.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВО) ф. 2289 оп. 2 дд. 43, 132.
6. ГАВО ф. 1970 оп. 1 д. 229.
7. ГАВО ф. 2290 оп. 2 д. 7.
8. ГАВО ф. 123 оп. 1 д. 90.
9. Ф. 1979 оп. 1 л дд. 1, 3, 4, 5, 7, 9, 11.

История нэп в музейных экспонатах

Елена ДИВИНСКАЯ

Ведущий специалист
Управления информации
Национального банка

Каждый предмет, который находится в музейном фонде, хранит в себе информацию о том времени, к которому он относится. Облигации Государственного 6-процентного выигрышного займа 1922 г., из музейного фонда Национального банка Республики Беларусь переносят нас в эпоху новой экономической политики.

Государственный выигрышный заем был объявлен Декретом Совета Народных Комиссаров 31 октября 1922 г. Прошло полтора года после замены продразверстки продовольственным налогом и разрешения частного предпринимательства, что дало импульс развитию товарно-денежных отношений. Как отметил известный экономист того времени Юрий Ларин (Лурье): «Допущение его (по тексту — буржуазного предпринимательства) было неизбежным не столько вследствие недостатка у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу неумения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах»¹. Благодаря предпринимательскому опыту частного капитала к 1923 г. сумма накоплений средств составила около 350 млн. руб. В привлечении этих средств и заключалась основная цель государственного выигрышного займа.

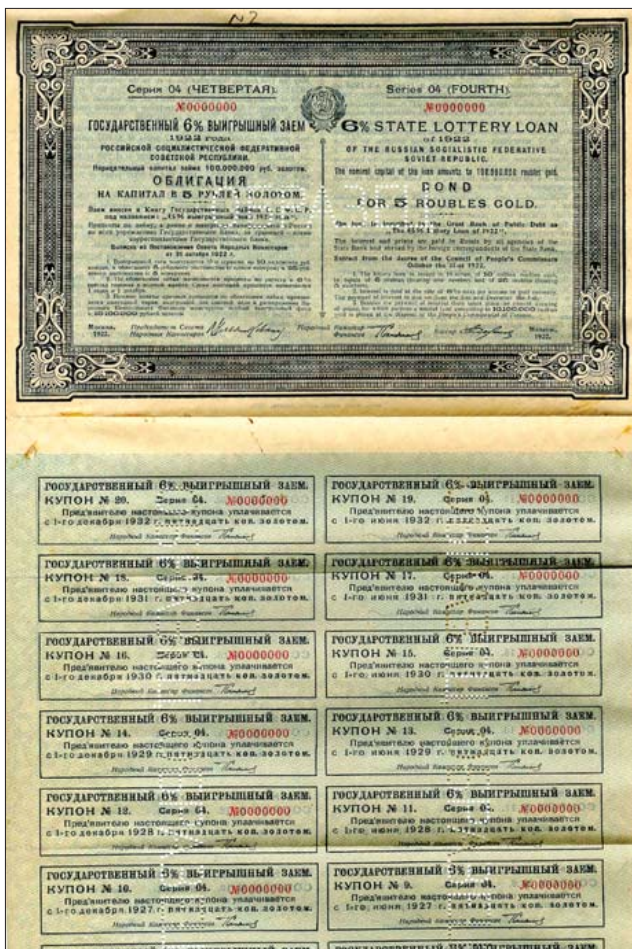
В отличие от проводимого в 1922 г. Первого внутреннего краткосрочного государственного хлебного займа первый денежный заем был долгосрочным: выкуп облигаций производился с 1 декабря 1928 г. в течение пяти лет посредством ежегодных тиражей погашения. Выпуск займа в золотом исчислении диктовался задачами обеспечения реального дохода государственного бюджета и предотвращения ущерба владельцев облигаций от обесценения совзнаков. Заем был выпущен на сумму 100 млн. руб. золотом под 6% годовых сроком на 10 лет десятью сериями по 10 млн. руб. каждая, в облигациях 5-рублевого достоинства (с 1 номером) и 25-рублевого достоинства (с 5 номерами). Помимо оплаты срочных процентов, по ценным бумагам этого займа ежегодно проводился тираж выигрышей, а их продажа и выплата доходов (выигрышей и процентов) производились совзнаками по курсу на золото.

Облигации были выпущены на бумаге с водяными знаками «теневые квадраты» следующего размера: 5-рублевые с купонами — 230 x 450 мм, без купонов — 230 x 150; 25-рублевые с купонами — 298 x 487, без купонов — 298 x 247 мм. Надпись на облигациях на двух языках: слева — на русском и справа — на английском, номер выполнен красными чернилами с обеих сторон. Три подписи: Председателя Совета Народных Комиссаров В. Ульянова (Ленина), Народного Комиссара финансов Г. Сокольников и кассира. На купонах (их всего двадцать) красными чернилами проставлен номер облигации, черными — порядковый номер купона, подпись Наркомфина (Г. Сокольников) и надпись на русском языке о выплате пятнадцати копеек золотом предъявителю настоящего купона. На обороте облигации выписка из постановления Совета Народных Комиссаров от 31 октября 1922 г. на русском и английском языках, а на купонах — только на английском.

Седьмой пункт постановления Совета Народных Комиссаров от 31 октября 1922 г. сообщает о предоставлении арендаторам права внесения облигаций займа в обеспечение арендных договоров. В музейном фонде Национального банка имеется патент № 141 на торговое предприятие «Ларь № 219» с пометкой об уплате за это предприятие в числе денежных знаков и облигацией № 021371 6-процентного золотого займа пятирублевого достоинства.

В центральных газетах того времени была развернута усиленная разъяснительная и агитационная работа по проведению золотого займа. Уже в начале 1923 г. в № 13 газеты «Звезда» опубликовано объявление о проведении Государственного 6-процентного выигрышного займа, а в статье «Золотой выигрышный

¹ Ларин, Ю. Частный капитал в СССР // Режим доступа: <http://emsu.ru/me/classic/3/cont.htm> // Дата доступа: 12.09.2011.

Облигация 5-рублевого достоинства. Музейный фонд Национального банка Республики Беларусь. КП250/1.

заем”² представлена информация об условиях его выпуска.

Следующий номер газеты “Звезда”³ дает разъяснение, что основной задачей займа является борьба с обесцениванием рубля. Государство получает возможность сократить дальнейший выпуск бумажных денег и покрыть расходы из поступлений от продажи облигаций, что способствует устойчивости курса рубля. Владелец же облигации получает ежегодный доход, таким образом у него появляется возможность застраховать свои средства от обесценивания. Надо отметить, что заем был доступен также и малоимущему покупателю.

После объявления подписки на указанный заем стали появляться рекламно-агитационные отчеты о

ходе подписки: “Все сотрудники Совнархоза Белоруссии, в числе 115 человек, подписались на выигрышный заем”⁴; “Красноармейцы и командный состав 27-го отдельного дивизиона и минской конвойной команды войск ГПУ единогласно постановили отчислить 5 процентов своего жалования за январь месяц для покупки выигрышного займа, поставить платный спектакль в своем клубе и на вырученные деньги приобрести облигации выигрышного займа”⁵; “Рабочие и служащие Минской таможни, в количестве 135 человек, постановили подписаться на 298 пятирублевых облигаций золотого займа, в общем, на 1490 руб. золотом. Администрация пошла навстречу служащим, выдав аванс на покупку облигаций”⁶.

Если в городе среди рабочих и служащих распространение займа шло вполне успешно, то среди крестьянства были некоторые трудности. “У крестьянина еще очень много неясных вопросов о займе. Ему трудно освоиться с вопросом, почему каждый день другая цена на облигации займа... Комиссия по реализации займа, Наркомфин и Госбанк должны на эту сторону работы обратить максимальное внимание”⁷. Подписка на золотой заем “сильно тормозилась из-за отсутствия мелких (5-ти рублевых) купюр”⁸. Речь идет об облигациях пятирублевого достоинства. Подписка осуществлялась путем выдачи подписчикам временных квитанций, что имело отрицательную сторону. Рабочие и служащие более охотно подписывались на заем, когда им сразу выдавались подлинные облигации. “То же самое наблюдалось и в уездах, где крестьяне отказывались подписываться на заем без получения подлинных облигаций”⁹. Благодаря принятым мерам партия мелких купюр была получена. Возникали сложности при распространении облигаций в деревнях и местечках. Вносились предложения использовать для обеспечения населения ценными бумагами крупные предприятия, расположенные в сельской местности, или органы лесозаготовительного треста “Лесбел” и другие подобные организации.

Статья “Первый тираж выигрышей золотого займа” в № 68 газеты “Звезда” сообщает о возможности получать в Госбанке ссуды под залог облигаций займа в размере 70% номинальной стоимости заложенных облигаций. “Банк за эту операцию получает 9% годовых. Если принять во внимание, что проценты по купонам с облигаций, заложенных в банке, поступают в пользу залогодателя, то фактически последний будет платить банку за эту операцию только 3% годовых”¹⁰. Такие ссуды планировалось выдавать на 3 месяца в советских знаках или червонцах, возврат ссуды должен производиться в червонцах.

Во время проведения розыгрыша займа продажа облигаций временно прекращалась, непроданные облигации опечатывались, их распространение возоб-

² Золотой выигрышный заем // “Звезда”, № 13, 1923.

³ Выгоднее, чем золото // “Звезда”, № 14, 1923.

⁴ Подписка в Минске на выигрышный заем // “Звезда”, № 16, 1923.

⁵ Подписка на выигрышный заем в Минске // “Звезда”, № 17, 1923.

⁶ Подписка в Минске на золотой заем // “Звезда”, № 23, 1923.

⁷ Дешевые золотой заем в деревню // “Звезда”, № 35, 1923.

⁸ Подписка на золотой заем // “Звезда”, № 40, 1923.

⁹ Подписка на золотой заем // “Звезда”, № 75, 1923.

¹⁰ Любимов, А. Первый тираж выигрышей золотого займа // “Звезда”, № 68, 1923.

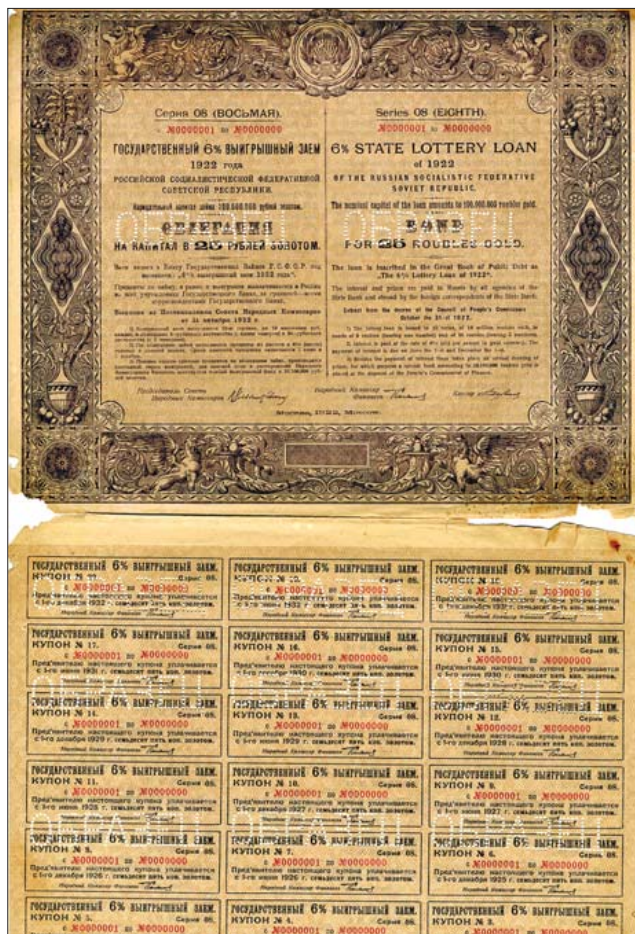
новлялось только после объявления выигрышных номеров. Для этого периода характерно появление таких лозунгов, как: “Не должно быть рабочего, не подпавшего индивидуально или коллективно на заем, не должно быть ни одной деревни без облигаций золотого выигрышного займа”¹¹. Первый розыгрыш Государственного 6-процентного выигрышного займа был проведен 1 мая 1923 г.

Анализируя публикации в “Звезде”, можно предположить, что у населения не хватало денежных средств для покупки облигаций золотого займа. И это не удивительно, так как в эти годы в экономике наблюдался высокий уровень инфляции. Например, в период с 1 января 1922 г. по 1 февраля 1923 г. стоимость одного фунта черного хлеба выросла с 500 руб. до 11 тыс. руб. Денежных купюр для выплаты заработной платы не хватало, и поэтому предлагалось “часть заработной платы получить займовыми облигациями”¹², а некоторым организациям — рассмотреть возможность выдачи облигации своим сотрудникам в кредит на несколько месяцев. В прессе неоднократно публиковались статьи, разъясняющие населению выгоду от проводимых внутренних займов¹³, и агитационная информация о коллективной подписке на облигации. Например, сотрудники Белорусской конторы Госбанка на общем собрании постановили ежемесячно помещать в золотой заем проценты из заработка в зависимости от его размера: “от 15 до 20 черв. руб. — 3%; 21—30 — 5%; 31—45 — 8%; 46—60 — 10%; 61—90 — 15%; свыше 91 — 20%”¹⁴.

Такое начинание было поддержано на пленуме Совета профсоюзов Беларуси, который принял постановление об отчислении 10% заработной платы на покупку облигаций золотого займа¹⁵. Однако надо констатировать, что к сентябрю 1923 г. было продано всего 50% облигаций займа, а в начале ноября опубликован приказ от 3 ноября 1923 г. № 305В за подписью заместителя Наркомфина Любимова, начальника Налогового управления Смирнова и заведующего Отделом Государственных Налогов Плавинского “о принудительном размещении государственного 6-процентного выигрышного займа среди лиц, имеющих высокие доходы”¹⁶. Это означало, что все, кто имел частный капитал, то есть так называемые “нэпманы”, были обязаны приобретать облигации золотого займа.

Уже в начале января 1924 г. появилось объявление о прекращении выдачи облигаций в счет заработной платы¹⁷ и об отсрочке выплаты ссуд, взятых под облигации золотого выигрышного займа еще на 3 месяца¹⁸.

Узнать еще больше об эпохе новой экономической политики помогут два фильма, снятые по заказу Народного Комиссариата финансов для пропаганды Государственного выигрышного займа и ставшие классикой советского немого кино.

Облигация 25-рублевого достоинства. Музейный фонд Национального банка Республики Беларусь. КП250/1.

Первый рекламный фильм “Закройщик из Торжка” с И. Ильинским в главной роли вышел в 1925 г. Скромный трудолюбивый гражданин Петелькин живет и работает у вдовы Ширинкиной в провинциальном городке Торжке. Вдова, желая заполучить себе мужа и бесплатного работника в одном лице, решает женить закройщика на себе, а молодой парень влюблен в домработницу лавочника Катю. В фильме внимание зрителей часто акцентируется на облигации, показанной крупным планом, задержано внимание и на объявлении о проведении розыгрыша. Ценная бумага выступает также в роли документа, удостоверяющего личность, — почтовая корреспонденция на предъявителя облигации № 906102. Не менее интересными для современного человека являются и кадры о том, как же проходил розыгрыш облигаций Государственного займа: в огромных вращающихся ба-

¹¹ Надо спешить с покупкой облигаций займа // “Звезда”, № 96, 1923.

¹² Нодель, В. Надо усилить распространение золотого займа // “Звезда”, № 169, 1923.

¹³ В чем выгоды от займов? // “Звезда”, № 180, 1923. Выгоды советских займов. Способы покрытия дефицитов // “Звезда”, № 181, 1923.

¹⁴ “Звезда”, № 199, 1923.

¹⁵ “Звезда”, № 207, 1923.

¹⁶ “Звезда”, № 264, 1923.

¹⁷ “Звезда”, № 5, 1924.

¹⁸ “Звезда”, № 7, 1924.

Патент на торговое предприятие. Музейный фонд Национального банка Республики Беларусь. КП250/3.

рабанах перемешивались капсулы с номерами ценных бумаг. Дети доставали капсулы из барабана и передавали для вскрытия членам комиссии. Весь процесс ро-

зыгрыша происходил в зале при большом количестве зрителей. Реклама сработала, и после показа фильма “Закройщик из Торжка” продажа ценных бумаг Государственного выигрышного займа резко возросла.

Фильм Б. Бернета “Девушка с коробкой” выпущен два года спустя, в 1927 г. Действие в этой киноленте происходит в Москве. В первых кадрах есть надпись о том, что кинокартина снята “с целью пропаганды государственных выигрышных займов”.

Молодая девушка Наташа занимается изготовлением шляпок. Живет с дедушкой в Подмоскowie, а свои изделия отвозит в Москву в шляпный магазин мадам Ирэн, в квартире которой и прописана. В поезде девушка знакомится с Ильей и, желая помочь молодому человеку в разрешении жилищной проблемы, заключает с ним фиктивный брак. В шляпном магазине за работу с девушкой рассчитываются облигацией Государственного займа, а когда на эту облигацию выпадает выигрыш в 25 000 руб., за ценной бумагой начинается настоящая охота. Фильм “Девушка с коробкой” делает акцент на крупный выигрыш, а ценная бумага показана лишь несколько раз. Следовательно, можно предположить, что к 1927 г. облигации этого займа были уже хорошо известны населению страны, — необходимо было только возобновить интерес к ним.

Киноленты немного кино, снятые в конце 20-х гг. прошлого столетия, являются хорошим наглядным пособием для изучения истории новой экономической политики. В них можно увидеть:

- частное предпринимательство, как провинциальное — лавочник Семижилов, занимающийся “колониальной и бакалейной торговлей”, и вдова Ширинкина, владелица “портновской мастерской военного и статского” (“Закройщик из Торжка”), так и столичное — владелица шляпного магазина мадам Ирэн и ее муж (“Девушка с коробкой”);

- борьбу с эксплуатацией в виде предписания, полученного сотрудником Упрофбюро: “Обратить особое внимание на эксплуатацию домашней прислуги под видом родственных отношений”;

- негативное отношение “нэпманов” к кооперации в виде фразы лавочника: “Жить не дает кооперация проклятая”;

- отношение “нэпманов” к Государственному займу: реакция вдовы Ширинкиной и еле сдерживаемый смех лавочника Семижилова при вручении облигации в качестве свадебного подарка, а также стремление каждого из них поскорее от нее избавиться;

- одежду и быт горожанина;
- улицы, площади, вокзалы советских городов начала XX в.;

- облигации Государственного 6-процентного выигрышного займа 1922 г. и объявление о тираже выигрышей.

Проведение государственных займов в период с 1922 г. по 1925 г. являлось действенным инструментом для стабилизации рубля и мобилизации денежных средств населения, которые были использованы для проведения индустриализации, объявленной на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. Надо отметить, что советское правительство предпринимало все возможные способы для пропаганды таких займов и их успешного завершения.

Военная судьба золота Польского банка¹

Власти возрожденной Речи Посполитой рассматривали имеющееся в стране золото как разновидность национального достояния, которое должно было быть использовано в критический момент для государства. К августу 1939 г. золотой запас Польского банка, являвшегося частным акционерным обществом, составлял 463,6 млн. злотых, что равнялось примерно 87 млн. долл. США. Накануне войны этот запас был размещен следующим образом: в депозитах за границей (Банк Франции, Банк Англии, Федеральный резервный банк Нью-Йорка (FRB), Société de Banque Suisse) — 100,2 млн. злотых; в провинциальных отделениях Польского банка в стране (в Бресте над Бугом, Седлице, Замостье и Люблине) — 170,4 млн.; в центральном казначействе в Варшаве — 193 млн. злотых².

Почти сразу после начала агрессии Германии развитие событий на фронтах имело настолько невыгодное для Польши развитие, что эвакуация золота стала необходимостью: золотую руду из Седлице вывезли в хранилище в Бресте, затем приступили к перевозке золота из центрального отделения в Варшаве (часть — в Брест, а часть — по направлению Люблина). Вскоре после этого запасы, находящиеся в Люблине, попали в Луцк. 10 сентября было принято решение вывезти весь золотой запас за границу. Задание доставить “разбросанные” по стране партии золота на железнодорожную станцию в Снятыне получил майор Хенрик Флор-Райхман. На границе с Румынией золото оказалось 13 сентября вечером. Его незамедлительно погрузили в румынские вагоны и той же ночью, в объезд Бухареста, направили через Бузау в Констанцу. Оттуда 15 сентября благодаря помощи британского консула Энтони Кенделла золото отправили на танкере “Эocene” к турецкому побережью³.

В Румынию вошли немцы. 14 сентября посланник Рейха в Бухаресте Вильгельм Фабрициус бурно выразил протест против вывоза польского золота министру иностранных дел Григоре Гафенцу. В результате уже на завтра было принято решение об “обеспечении” границ, хотя судно с золотом уже вышло из Констанцы и 16 сентября оказалось в Кабатах под Стамбулом⁴. В тот же день формальную попытку транспортировки золота на Запад предпринял посол Польши в Турции Михал Соколицки. Во время встречи с министром Шюкрю Сараджоглу он услышал, что золото “пропус-

тят”, но его также можно депонировать в банке Меркел. Руководитель всей операции полковник Игнаци Матушевски отверг второй вариант. При этом британские и французские дипломаты советовали послу М. Соколицки перевезти ценный груз по суше в Сирию, поскольку Турция не позволяла иностранным судам появляться в водах Босфора.

Таким образом, 20 сентября золото перегрузили в Кабатах в вагоны, через Стамбул оно было отправлено по направлению к Сирии и дошло до Бейрута вечером 23 сентября. Стоимость всей операции оплачивалась займом, полученным в американской фирме Socony Vacuum⁵.

Французы готовы были принять польское золото. Принятая 1 сентября итальянская декларация (*nonbelligeranza*), означавшая, что итальянский флот не будет действовать в Средиземном море, способствовала этому. В результате уже 23 сентября часть ящиков с золотом была отправлена во Францию на борту крейсера “Emile Bertin”. Через четыре дня корабль без проблем прибыл в Тулонь. Следующая партия была отправлена на Запад только 2 октября на борту истребителей “Vauban” и “Epervier”. В Тулонь они прибыли только 6 октября. В итоге золото доставили в Невер в два этапа: 29 сентября и 7 октября. Оно было помещено в хранилище местного отделения Банка Франции (не использовалась форма депозита). Ящики все время оставались под непосредственным наблюдением работников Польского банка: у них имелись ключи от отдельного хранилища⁶.

Временный поверенный в делах Польши в Париже Феликс Франковский дал оценку тем событиям в своем донесении: “Размещение польского золота во Франции имело важное политическое значение, но создавало для польского правительства на иностранной территории также и определенные проблемы. Факт наличия большого золотого резерва укреплял позиции правительства. Легальное правительство [...], имеющее, кроме того, собственные финансовые средства, могло чувствовать себя, хоть и на чужой земле, более независимо. Однако эта финансовая независимость была фикцией, поскольку правительство не чувствовало морального права тратить народное достояние, которое стремилось сохранить для страны”⁷.

¹ Рассматривается период с 1939 г. по 1945 г.

² Archiwum akt nowych w Warszawie (далее в сносках — AAN); Bank Polski (далее в сносках — BP), t. 281, k. 27, 28, t. 287, k. 75. Karpiński, Z. O Wielkopolsce, złocie i dalekich podróżach. Wspomnienia 1860—1960 rr., Warszawa, 1971. S. 201.

³ Rojek, W. Odyseja skarbu Rzeczypospolitej. Losy złota Banku Polskiego 1939—1950 rr., Kraków, 2000. S. 29, 30, 38, 39, 46.

⁴ The National archives London (далее в сносках — TNA), FO 371, 23131, C15 144/27/55/, k. 194.

⁵ Sokolniki, M. Dziennik ankarcki 1939—1943 rr., Londyn, 1965. S. 30—32. Instytut Polski i Muzeum im. gen. Sikorskiego w Londynie (далее в сносках — IPMS), A. XI. 8/12, k. 62—64.

⁶ AAN, BP, t. 287, k. 108—110. Lepotier, A. La bataille de l'or, Paris, 1960. S. 39—41; Biblioteka Narodowa (далее в сносках — BN), BP. Dokumenty dotyczące przewozu złota z Francji do Dakaru.

⁷ Frankowski, F. Jak wędrowało polskie złoto. Relacja dyplomaty, Tydzień Polski, № 29, Londyn, 1959.

Период относительной стабилизации закончился весной 1940 г. И власти банка, и правительственные деятели тогда констатировали, что “в настоящее время размещение золота [...] обусловлено достаточно случайными обстоятельствами”. В этом контексте появилось понятие военного риска, то есть захвата золота неприятелем. Банкиры понимали, что наибольшей опасности подвержена Франция, но ни они, ни власти Польши не предпринимали никаких конкретных действий, чтобы эвакуировать золото из Франции. Только 30 мая министр финансов Хенрик Страсбургер, на фоне все более вызывающих беспокойство событий на фронте, потребовал от французов перевезти золото на территорию, расположенную на западе от Луары, а затем вместе с золотом Франции — в Соединенные Штаты. Французы явно тянули время, решившись только перевести золото в Ангулем. Лишь 17 июня его погрузили на крейсер “Victor Schölicher” и, обманув ожидания польской стороны по отправке золота в Соединенные Штаты или на Антильские острова, отправили его в Дакар. Оттуда золото быстро вывезли в расположенный в глубине французской Сахары форт Каес⁸.

При этом польская сторона вопрос о получении контроля над золотом должна была перенести сначала на политико-дипломатическую почву, а потом и на юридическую. Во-первых, правительство требовало, чтобы британцы, а в перспективе и американцы, оказали давление на власти французского государства относительно передачи золота в британские и американские банки. Во-вторых, оно старалось навязать непосредственный контакт с французским Виши, предлагая передать в распоряжение польской стороны эквивалентное количество золота в Канаде или Соединенных Штатах. Это, однако, успеха не имело. Не удалась и предпринятая в сентябре 1940 г. попытка занять Дакар союзничавшим с британцами Комитетом свободной Франции генерала Шарля де Голля, который обязался вернуть золото польской стороне⁹.

В это же время по понятным причинам золотом Польского банка заинтересовались и немцы, и русские. Первые “забросали” французское государство дипломатическими нотами с требованием выдать им золото, по сути, узурпировав формальное право выступать в качестве юридического наследника польского государства. Французы, находясь в сложном положении, явно тянули время, изобретая все новые и новые формальные преграды. В итоге 31 мая 1941 г. де-факто был дан отрицательный ответ о том, что по этому вопросу не может быть принято никаких шагов до урегулирования территориального статуса Польши в мирном договоре. Это означало, что во французском Виши не хотели подвергнуться возможным требованиям с советской стороны. Более того, появилось требование о ликвидации Польского банка как института эмиссии. При этом немецкая сторона не оказывала серьезного давления на французскую¹⁰.

Геополитическая ситуация, возникшая весной 1941 г., привела к тому, что над золотом Польского банка нависла новая угроза. Как известно, британцы стремились наладить отношения с СССР. Русская сторона охотно шла на контакт, но уже в начальной фазе выдвинула требование, чтобы британская сторона обязалась выдать им золотой запас Польши. Данную попытку завладеть польским золотом поддержал тогда явно симпатизирующий левым посол Соединенного Королевства в Москве Ричард Криппс. Однако Лондон отклонил его предложение. В связи с этим Александр Кадоган заметил, что русские ничего не предложили взамен. По мнению Альфреда Драпера, британцы опасались тогда не только того, будет ли эта “операция” соответствовать нормам международного права, но, прежде всего, ее далеко идущих политических последствий для британско-американских отношений¹¹.

Во второй половине 1940 г. польские власти поняли, что перспективы возвращения золота дипломатическим путем не ясны. Именно тогда появилась мысль добиться в Соединенных Штатах в судебном порядке наложения ареста на часть американского депозита золота Банка Франции. После долгих многосторонних консультаций 14 августа 1941 г. Совет Министров Польши принял решение о судебном иске против Банка Франции. Канцелярия “Sullivan & Cromwell” подала соответствующий иск 3 сентября 1940 г. Суд незамедлительно наложил арест на депонированную в Банке Франции часть золота на 64 млн. долл. США.

В США за предпринимаемые действия отвечал делегированный в эту страну один из директоров польского банка Зигмунт Карпиньский. Решение американского суда “потянуло” за собой ряд сложных с формально-юридической точки зрения шагов. Начиная с мая 1942 г. процесс приостанавливается, поскольку из-за военных обстоятельств адвокаты Банка Франции не имели возможности установить контакт со своим представителем, а от этого зависело установление судом срока судебного заседания. Польская сторона также не спешила, так как главная цель всего “предприятия” — наложение ареста — была достигнута. Дальнейшие судебные решения для польской стороны не обязательно должны были стать положительными¹².

Одновременно с действиями в Соединенных Штатах польская сторона пыталась договориться с французами. Для этого использовались переговоры по вопросу признания властями Польши Французского национального комитета. Формально эти попытки закрепили протокол, подписанный 27 октября 1941 г. в Лондоне, предусматривающий возвращение золота Польского банка. Однако вопрос отложили более чем на год (*ad acta*). Только осенью 1942 г., в связи с реализованной альянсом операцией “Torch”, он возник на повестке дня.

Вслед за англо-саксонскими войсками в Африку было решено направить как от правительства Поль-

⁸ Rojek, W. *Op. cit.* S. 120—147.

⁹ IPMS, PRM 31, dok. nr 6, k. 25; TNA, FO 371, 24279, C7446/937/55, k. 140; Rojek, W. *Op. cit.* S. 180—183.

¹⁰ Archives du Ministère de l'économie et de finances (AMEF), B33 264; Archives du Ministère des affaires étrangères. Vol. AL. 42.3/2; TNA, FO 371, C155/155/4, C156/155/55. Немцы вернулись к вопросу о польском золоте в декабре 1944 г.

¹¹ Draper, A. *Operation Fish. The Race to Save Europe's Wealth 1939—1945*, London, 1980. S. 363, 364.

¹² Protokoły posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej (PPRM), red. nauk. serii M. Zgórniak. T. III: “Czerwiec 1941 r. — grudzień 1941 r.”, oprac. W. Rojek, A. Suchcitz, Kraków, 1996. S. 145; AAN, BP, t. 340, k. 11, 12; Karpiński, Z. *Op. cit.* S. 250. BN: Sprawozdanie Banku Polskiego 1939—1951. Załączniki, uycinki prasowe dotyczące dziejów polskiego złota.

ши, так и от Польского банка одного из директоров последнего — Стефана Михальского. В то же время французские власти отрицали тот факт, что золото находится на территории данного континента. Но американцы не поверили этому, и с их помощью С. Михальский 13 февраля 1943 г. добрался до Алжира. Ему поручили: в случае если золото в Африке — провести с французами переговоры о его выдаче; если золото вывезено — выяснить обстоятельства, связанные с этим, поскольку они могли иметь важное значение для идущего в США судебного процесса¹³.

По объективным причинам С. Михальскому было непросто осуществлять свои действия в Алжире. Во-первых, местное население воспринимало американцев не слишком дружелюбно, во-вторых, их отношения с французскими властями также складывались не лучшим образом. При таком положении дел С. Михальский должен был проявить все свои дипломатические способности. После долгих переговоров французская сторона, наконец, признала, что золото Польского банка действительно находится на территории Западной Африки, но одновременно эквивалентная часть золота Банка Франции была вывезена и выдана немцам. Кроме того, перед тем как продолжить разговор о золоте, требовалось урегулировать отношения на межгосударственном уровне. На такие заявления С. Михальский отвечал, что по имеющейся у него информации, вывезен золотой запас Национального Банка Бельгии, а это никак не относится к польскому делу¹⁴.

Переговоры хотя и с трудом, но продвигались вперед. Правда, в июле — августе 1943 г. появилось новое препятствие. Французская сторона, декларируя свою готовность вернуть золото, требовала одновременно выделения поляками 500 млн. французских франков на покрытие расходов, которые Франция понесла в пользу Польши (с сентября 1939 г. до июня 1940 г.). В итоге 26 октября этого же года данный вопрос решился путем обмена бумагами, где говорилось, что если Банк Франции возобновит свои претензии, тогда Польский банк оставит за собой право выступить с контрпретензиями в связи с понесенными потерями. Таким образом, де-факто претензии французской стороны были отклонены. Это сделало возможным заключение в Алжире 17 декабря 1943 г. формального польско-французского соглашения по вопросу возвращения золота Польскому банку. Позже, 28 декабря того же года, посол Польши в Вашингтоне Ян Цехановски сообщил об этом Госсекретарю США Корделлу Халлу, говоря об окончании судебного процесса. В январе 1944 г. представители Польского банка и Банка Франции в Нью-Йорке заключили соглашение, базирующееся на алжирском договоре¹⁵.

Совет Министров Польши 10 декабря 1944 г. принял решение о размещении золота Польского банка после его физического получения. Согласно решению

металл стоимостью 154,7 млн. злотых должны были направить в Банк Англии, 39,5 млн. предполагалось разместить в Канаде, а остаток (143 млн. злотых) — в Федеральном резервном банке. Первоначально Польский банк не воспринял данное решение положительно, но разделил мнение правительства, что золото с точки зрения безопасности не может оставаться в Африке. Вместе с тем имелись серьезные опасения в связи с его депонированием в иностранные банки, поскольку кредиторы Польши могли предпринять попытку “обложить” его секвестром в ответ на не отданные Варшавой иностранные долги, взятые до войны. В итоге Польский банк все же подчинился решению Совета Министров¹⁶.

В конце января 1944 г. в форт Каес прибыли представители Польского банка: директор Вилтор Стыбурски и главный казначей Станислав Орчыковский, которые доложили, что состояние ящиков, где находилось золото, удовлетворительное, только небольшой процент имеет потрескавшиеся ленты, а остальные пригодны для дальнейшей транспортировки после укрепления их новыми железными лентами¹⁷. Золото быстро попало в Дакар, где его охраняли французские военные власти. В это время вопросом золота, в контексте польско-советских отношений, занялся Французский комитет национального спасения (ФКНС). Финансовый комиссар Пьер Мендес-Франс высказался о том, что если правительство Польши в изгнании не сможет вернуться в страну и в это время в ней появится какое-либо правительство, поддерживаемое русскими, оно, несомненно, потребует выдачи золота Польского банка. Этим он подчеркивал значимость интересов Французской Республики: “Если мы вручим золото представителям Банка, связанного с правительством в Лондоне, то обречем Францию на серьезную критику в связи с тем, что мы проводим операцию, в результате которой рискуем частью резервов золота Франции, которое будет так необходимо нам после ее освобождения для возрождения государства”. Он сделал вывод, что следовало бы сообщить правительству Польши о том, что ФКНС воздержится от выдачи золота до прояснения политической ситуации. К счастью для польской стороны, 20 января 1944 г. ФКНС большинством голосов принял решение о выполнении принятых по отношению к полякам обязательств¹⁸. Окончательная передача золота состоялась 28 и 29 февраля, 1 и 2 марта 1944 г. в форте “А” под Дакаром¹⁹.

В это же время (в марте) активизировались русские. Посол СССР в Алжире Александр Богомолов не замедлил, как отмечал генерал де Голль, предпринять демарш, в котором требовал отменить решение о выдаче золота. “В конце концов он попросил аудиенцию и заявил: “Советское правительство объявляет формальный протест против передачи польского золота эмигрантскому правительству в Лондоне, поскольку

¹³ IPMS, A. 11. 76/17; BN 82 605, k. 124.

¹⁴ Rojek, W. Op. cit. S. 305.

¹⁵ TNA, Treasury, T. 160F 16973/2, заметка (1947 г.); AAN, BP, t. 595, k. 2, 3. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1943. Vol. III, Washington, 1963. S. 495, 496.

¹⁶ PPRM, T. VI: “lipiec 1943 g. — kwiecień 1944 r.”, Kraków, 2003. S. 318; AAN, BP, t. 594, k. 342, t. 342, k. 8, 9. В 1938 г. эмиссионные долги Польши достигали суммы 470 млн. злотых. См.: Landau, Z. Pożyczki zagraniczne państwa polskiego, Finanse, 1969, № 6. S. 13.

¹⁷ Karpiński, Z. Op. cit. S. 269.

¹⁸ AMEF, B33 264.

¹⁹ AAN, BP, t. 483, k. 205, 206.

завтра оно уже не будет правительством Польши". Я ответил, что оно им является в настоящее время, что оно признано всеми нашими союзниками, русскими включительно, что по его приказу польские вооруженные силы сражаются именно в это время бок о бок с нашими силами в Италии, и, наконец, что я не понимаю, по какой причине Советский Союз интересуется проблемой, которая касается только Польши и Франции. Богомолов попрощался со мной, не скрывая своего неудовольствия"²⁰.

Необходимость транспортировки золота в Соединенные Штаты, Великобританию и Канаду подняла вопрос о его безопасности. После консультации с представителями военно-морского флота заинтересованных стран С. Михальский пришел к выводу, что наиболее безопасным является путь, непосредственно ведущий из Дакара в Нью-Йорк, а путь в Лондон, а потом в Оттаву достаточно опасен из-за неприятельских кораблей и самолетов. Однако выбора не было. В итоге та партия золота, которая должна была попасть в США, прибыла 4 апреля 1944 г. в порт Нью-Йорка на борту истребителей "Breeman" и "Bronstein". Перевозка золота в Лондон и Оттаву осуществлялась медленнее: его транспортировали на судах, отвечающих за безопасность конвоев, идущих или непосредственно в Великобританию, или через Фритаун — столицу Западной Африки. Перевозилось золото малыми партиями в период между 5 мая и 25 августа 1944 г. В Лондоне золото, предназначенное для депозита Банка Канады, разделили на три части и доставили до места назначения в сентябре — октябре этого же года²¹.

31 декабря 1944 г., после завершения всех перевозок, размещение золота Польского банка выглядело следующим образом. На свободных счетах: в Банке Англии — 154,5 млн. злотых; Федеральном резервном банке — 154,8 млн.; в Банке Канады — 67,3 млн.; в Банке международных расчетов в Базеле — 0,430 млн.; в кассе Польского банка в Лондоне — 0,370 млн.; в сейфах Банка Англии — 0,745 млн. злотых. На заблокированных счетах: в Банке Франции — 4,1 млн. злотых; Банке международных расчетов в Базеле — 16,2 млн. злотых. В итоге получилось 398,445 млн. злотых.

Нельзя не сказать о золоте, проданном во время войны Польским банком правительству Польши для открытия кредитов Государственного Казначейства. Польский банк лишился в связи с этим золота на 41,9 млн. злотых. Одновременно банку было возвращено некоторое количество золота. В результате сумма кредитов, использованных Государственным Казначейством, в декабре 1943 г. составила 38,5 млн. злотых²².

В это же время одновременно в Алжире и Нью-Йорке проходили переговоры о закрытии упомянутого выше судебного процесса Польского банка против Банка Франции. Переговоры были непростыми, проходившие военные действия затрудняли разрешение сложных юридических вопросов между Алжиром, Нью-Йорком и Лондоном. Договориться сторонам мешала и позиция шерифа, который в ноябре 1943 г. потребо-

вал оплату процентов за согласие на аннулирование ареста в размере 640 000 долл. США плюс 1% начиная от 1 июня 1940 г. После вмешательства посла мэра Нью-Йорка склонил шерифа к следующему решению: за оплату залога в размере 850 000 долл. США, депонированного в банке Нью-Йорка, из которого покрывались все расходы, арест должен быть аннулирован. Это сделало возможным для обеих сторон подписание 10 и 11 января 1944 г. соответствующих документов, что существенно повлияло на процедуру физической передачи ящиков с золотом французами. С. Михальский формально засвидетельствовал их получение 3 марта, а 22-го суд принял решение о прекращении процесса и аннулировании ареста. Необходимо было еще уладить вопрос оплаты шерифу. 5 июня 1944 г. суд первой инстанции установил размер оплаты для шерифа в сумме 10 175 долл. США. Шериф обжаловал данное решение, и только в мае 1945 г. Высший суд подтвердил выгодное для польской стороны решение, принятое в суде первой инстанции²³.

Осталось решить только две проблемы во Франции: разблокировать небольшой регулярный депозит золота в Банке Франции, который был заблокирован в июле 1940 г., и формально "ликвидировать" последствия процесса в США. В декабре 1944 г. власти Польского банка делегировали во Францию одного из директоров — Ежи Новака. Вторая проблема была решена относительно быстро. 10 января 1945 г. новый управляющий Банком Франции Эммануэль Моник сообщил, что его учреждение принимает во внимание договор, заключенный в Алжире 17 декабря 1943 г., и не имеет в отношении Польского банка никаких претензий по процессу в Соединенных Штатах. Решить же первую из данных проблем было сложнее. Судя по всему, причиной этого было "советское доминирование" в Польше. 10 ноября 1944 г. французские власти сняли блокаду небольшого депозита, но декрет от 15 января 1945 г. гласил, что "[...] все кредитные операции нефранцузских субъектов [...] требуют разрешения Министерства финансов и Экономических дел". 21 марта финансовому советнику Польши в Париже Владиславу Хоувальту сообщили, что фактическое снятие блокады возможно при условии формального обязательства Польского банка оставить его в Банке Франции до момента прояснения политической ситуации в Польше. Все дело было доведено до логического завершения только в 1948 г. в новых политических условиях²⁴.

В результате практически весь золотой запас Польского банка в конце военных действий оказался в Европе в польских руках. Произошло это не только благодаря персоналу Польского банка и властям страны, но и в значительной степени — доброй воле представителей иностранных государств, которые неоднократно помогали польской стороне.

Войтек РОЙЕК,
профессор Института истории
Ягеллонского университета в Кракове (Польша)
доктор исторических наук

²⁰ Ch. de Gaulle. *Pamiętniki wojenne*. T. II: "Jedność 1942—1944 rr.". Warszawa, 1964. S. 240.

²¹ AAN, BP, t. 342, k. 9; t. 483, k. 284, 293, t. 530, k. 100, 237. Lepotier, A. Op. cit. S. 287, 288.

²² AAN, BP, t. 594, k. 4, 8.

²³ BN 82 605, k. 106, 107; AAN, BP, t. 342, k. 13, t. 594, k. 6, 7.

²⁴ AAN, BP, t. 524, k. 406, 446, 450a. Banque de France. Archives 7e, Pologne 1069199539.

Финансовая жизнь Минска (08.08.1919—11.07.1920)

Юлия ЛАТУШКОВА

Младший научный сотрудник
ГНУ Институт истории
Национальной академии
наук Беларуси

Финансовая жизнь Минска периода польской оккупации (08.08.1919—11.07.1920) в научной литературе изучена слабо. Если проблемы политической истории этого времени неоднократно привлекали внимание историков, то вопросы экономики и повседневной жизни города мало освещены в работах исследователей.

Между тем для большинства обывателей на первом плане всегда были проблемы финансовые, от решения которых зависел не только уровень жизни, но часто и сама жизнь горожанина и его семьи. Со стороны населения отношение к власти во многом определялось успешностью проводимой финансовой политики, реакцию обывателей достаточно четко можно проследить по котировкам валют к ряду моментов денежного обращения. Таким образом, для полной и целостной картины жизни города знание подобных фактов крайне важно.

Резкая смена власти и политического режима редко проходит безболезненно для местного населения и хозяйства. Не стал исключением и начальный период

польской оккупации. Горожан, так же, как и учреждения кооперации и Магистрат, прежде всего серьезно тревожила ситуация с денежными знаками.

Именно деньги, а вернее, проблемы, связанные с их отсутствием и сложностями их обращения, являлись одной из самых актуальных тем, поднимавшихся в местной прессе. Благодаря этому такая ежедневная городская газета, как “Минский курьер”, остается для исследователей одним из важных источников по денежному обращению и финансовой жизни Минска периода польской оккупации.

Несомненно, к информации, размещавшейся на страницах прессы, следует относиться критически; необходимо помнить и про политическую подоплеку ряда материалов, и про возможные убеждения и заблуждения журналистов. Естественным следствием “смутного времени” и необходимости подстраиваться “под власть” был значительный объем тенденциозных и не всегда достоверных материалов. Тем не менее при внимательном изучении газетных публикаций удаётся составить картину жизни города, очертить основной круг проблем, волновавших минчан в рассматриваемый период. Необходимо отметить, что сравнение публикаций в прессе с другими источниками, равно как и их подробный анализ, в задачи данной статьи не входит.

Следует сказать несколько слов о специфике денежного обращения и экономических реалий Минска в этот период. За весьма короткое время он, как и многие другие губернские города бывшей Российской Империи, перенес смену властей, каждая из которых оставила свои денежные знаки. В основном это были выпуски центральных и оккупационных властей. В отличие от ряда территорий России и Украины местное и частное “деньготворчество” не получило тут широкого распространения. Кроме русских рублей, ОСТов и немецких марок, с различного рода иностранными благотворительными миссиями и через эмигрантов в Минск поступали доллары, франки, фунты стерлингов.

На момент польской оккупации в денежном обращении Минска в качестве основных валют ходили “советские” и “керенки”. Цены чаще всего указывались именно в них, в них же получали зарплаты служащие. Реже встречались (и намного выше котировались) “думские” и “царские”. Сложнее указать роль и место в реальном обращении ОСТов и немецких марок.

При установлении в городе польской оккупационной власти в денежном обращении сложилась запутанная ситуация. Она оказалась крайне сложной в первую очередь для жителей города и Магистрата. Оккупационные власти были поставлены перед необходимостью установления нормальной хозяйственной жизни в городе, напрямую связанной с деньгами.

Важнейшими из таких проблем стали недостаток наличности в царских деньгах, по умолчанию принятых новой властью за основную валюту, и отсутствие в городе твердого официального курса денежных знаков. Насколько проблема была критична, видно из этого материала: “Большим препятствием в распределении продуктов среди населения является отсутствие в публике и даже в учреждениях царских денег и неустойчивый денежный курс [...]. Отсутствие денежного курса сказывается решительно на каждом шагу, во всех проявлениях местной жизни. И общим криком во всех учреждениях и кооперативах является — установление в возможно близком времени денежного курса”¹.

Первоначально отсутствие твердого курса валют связывалось в прессе с отсутствием кредитных учреждений. На момент польской оккупации города функционирующих кредитных учреждений в нем не имелось, о чем сообщается в газете “Минский курьер” от 26.08.1919 № 1: “Отсутствие в Минске банка и вместе с тем денежного курса самым неблагоприятным образом отражается на торгово-промышленной жизни города. Отсутствие денежного курса вызывает страшную путаницу при всякой купле-продаже, вызывает резкое колебание курса денег и на руку только всевозможным спекулянтам. Из-за отсутствия денежного курса не может нормально развиваться дело нашего городского хозяйства. Магистрат города Минска обратился к подлежащим властям с ходатайством о скорейшем приезде в Минск банка и установлении денежного курса”².

Нормализация денежного обращения, установление твердого курса валют и начало нормальной работы кредитных учреждений — одна из важнейших тем, неоднократно поднимавшихся в прессе. Проблема стояла крайне остро, причем заинтересованы в ее решении были все, начиная с рядовых обывателей. Так, в “Минском курьере” от 27.08.1919 № 2 журналист пишет: “...Многим казалось, что как только придут поляки — не только Свислочь, но и Немига потекут молоком в кисельных берегах, на деле же дороговизна лишь медленно, хотя и неуклонно, уменьшается, но, к ужасу минчан, делу сильно портит разнообразие наших денежных знаков. Советские деньги принимаются весьма неохотно, и некоторые категории товара абсолютно невозможно купить за “советки”, плохо идут и керенки — на базаре у крестьян ни за керенки, ни за советки нельзя купить ничего. Охотнее берут “думки” — но крупные купюры мешают их свободному обращению. Все жаждут, все хотят получать деньги царские — но где их взять? Не все состоят на службе и не все получают жалованье царскими рублями или немецкими марками, а обменивать — никому

неохотно, раз еще не существуют у нас правильно функционирующие кредитные учреждения”³.

Из приведенного отрывка, кроме прочего, заметно отсутствие в перечне указанных валют польской марки, и это не случайность. 28 августа при характеристике положения “на местной неофициальной бирже” “Минский курьер” отмечает: “Отсутствие в городе польских и немецких марок делает большие затруднения при оборотах в коммерческом мире”⁴; 29 августа 1919 г. газета пишет: “Большой спрос на польские и немецкие марки, которых очень мало на рынке”⁵, 31 августа указывает: “Проявляется большой интерес к польским, немецким маркам и ОСТАм, которых на рынке почти нет”⁶.

В первые месяцы польской оккупации все цены в городе были переведены в царские рубли. Это вызвало серьезный рост цен (отчасти замаскированный уменьшившейся цифрой на ценнике) и недовольство населения. Так, в заметке “В городском ломбарде” указывается: “В последние дни городской ломбард осаждается публикой, выкупающей заложенные вещи. В уплату принимаются исключительно царские деньги. Публика, конечно, протестует, ибо большинство залогов было сделано еще при большевиках и за них выдавали ссуды советскими деньгами. Протесты вполне резонны: разница в курсе царских и советских денег велика, и ссуду, полученную советскими деньгами, уплатить теперь царскими для бедняка крайне затруднительно [...]”⁷.

Сложная ситуация, для решения которой был создан специальный Конфликтный подотдел при Торгово-промышленном отделе управления Генерального комиссариата Восточных земель, возникла на той же почве между домовладельцами и нанимателями квартир: “[...] число этих столкновений в настоящий момент очень велико — все недоразумения происходят из-за категорического требования со стороны многих хозяев увеличенной квартирной платы непременно вперед и, притом, царскими деньгами”⁸.

В целом же материалы “Минского курьера”, посвященные уровню цен, носят противоречивый характер. Регулярно публикуются сообщения об удешевлении продуктов⁹; одновременно появляются критические статьи с подробным анализом цен на различные товары и услуги при большевиках и современных при польской власти с указанием разницы при пересчете цен из “керенок” и “советских” в царские и обратно¹⁰.

Хозяйственные дела города также оказались отнюдь не блестящи. В газете неоднократно поднимается тема состояния кассы города и городского хозяйства. Магистрат оказался в тупике. Положение живописуется самыми мрачными красками: “В переживаемый момент положение городских финансов является катастрофическим [...] необходимо безотлагательно,

¹ Денежный курс и распределение продуктов // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4.

² О денежном курсе // “Минский курьер” № 1 от 26.08.1919. С. 4.

³ Имейте терпение // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 1.

⁴ Биржа // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

⁵ Биржа 29 августа // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4.

⁶ Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

⁷ В городском ломбарде // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 4.

⁸ Конфликтная комиссия // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 3.

⁹ Местный рынок // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 4; На базарах // “Минский курьер” № 9 от 03.09.1919. С. 4.

¹⁰ Самсон, Б. Цены и спекуляция // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 2; Самсон, Б. Их аппетиты // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 2, 3.

всеми возможными способами пополнять городскую кассу”¹¹; “Общее положение городского хозяйства представляется в плачевном виде. Недостаток продовольствия, материалов для отопления и освещения при полном отсутствии средств при наличии переполнения городских учреждений чрезвычайно затрудняет задачи Магистрата. Наряду с этим штат служащих Магистрата совершенно деморализован”¹².

Естественно, указывается и виновник нынешнего положения: “Советские власти своими коммунистическими приемами совершенно разрушили городское хозяйство, оставив нам в наследство пустую кассу, хаос и полную дезорганизацию во всем. И полное отсутствие средств не дает возможности удовлетворить самым насущным потребностям города”¹³.

Руководство Магистрата судорожно пытается выйти из положения, предполагая “стянуть в кассу все недоимки за прошлое время” и “принять меры к своевременному поступлению в городскую кассу очередных налогов”¹⁴. В газете публикуется воззвание от бургомистра г. Минска к горожанам, в котором после подробного описания состояния дел указывается: “...Магистрат надеется, что это население проявит больше терпения и не откажет ему в своей помощи в усилении средств городской кассы своевременным внесением налогов”¹⁵.

При этом тот же бургомистр города М. Довнар-Запольский понимает, что “...ввиду обнищания населения городские налоги будут поступать неаккуратно”¹⁶. Дефицит городского бюджета по смете составляет около 5800000 рублей. Получить эту сумму Магистрат намеревался путем заключения займа¹⁷.

Принятое Магистратом решение о взыскании налогов в царской валюте ударило по карману и вызвало недовольство горожан, последовал и ряд ходатайств от них. Так, например, в “Минском курьере” опубликовано ходатайство домовладельцев: “...постановление Магистрата о том, чтобы все городские налоги, в том числе и налоги за воду, вносились в кассу царскими или марками или думскими по курсу 50 к. за рубль. [...] налог за воду относится к прошлому полугодю, когда домовладельцы получали арендную плату исключительно керенками или “советскими”. В апреле с. г. советскою властью налог за воду был увеличен с 4 р. за 1000 ведер до 20 р., т. е. в 5 раз. Вследствие этого возбуждается ходатайство об уменьшении налога до первоначального размера, или же, чтобы домовладельцам было разрешено платить за воду за прошлое полугодие керенками или думскими”¹⁸.

В итоге Магистрат вынужден был обратиться к заместителю Генерального комиссара В. Рачкевичу с

просьбой урегулировать вопрос о денежной валюте: “В виду того, что у населения гор. Минска имеются в большом количестве случаи только денежные знаки Советского правительства — “керенки” и “советские” Магистрат обратился к заместителю Генерального комиссара В. Рачкевичу с просьбой урегулировать вопрос о денежной валюте, причем Магистрат, в интересах населения, полагает желательным оставить временно в обращении все денежные знаки, курсировавшие раньше”¹⁹.

В затруднительном положении оказались не только частные лица и Магистрат, но и кооперативы: “[...] При оставлении города большевиками наличность кооперативов заключалась главным образом в советской валюте и “керенках”. Теперь же кооперативам приходится обменивать эту валюту на царскую с большим для себя убытком”²⁰. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, правление Центрального союза потребительных обществ Белорусского края приняло решение: “[...] все товары, отпускаемые провинциальным кооперативам, переоценить на думскую валюту. Касса союза будет принимать царские деньги по расчету 1 рубль царский — 2 рубля думских. Керенки и советские будут приниматься в кассу условно, до установления курса на них, но с тем, что весь заготовленный товар в союзе будет продаваться на царские или думские деньги, причем, керенки и советские деньги должны быть в последствие обмениваемы в кассе союза по установленному курсу”²¹.

Правление рабочих кооперативов пошло несколько другим путем: “...постановлено отпускать товары на царские деньги. Прежние товары, цены коих установлены в керенках, будут и впредь отпускаться в этой валюте. Установлен также курс на марки, причем Остмарка равна 1 царскому рублю, а Острубль 2 царских рубля”²².

В это время польская марка, за редким исключением, не фигурирует ни в приводимых газетой котировках валют на местной бирже, ни при указании цен. Основной валютой выступают “царские” рубли.

Насколько велика была разница в курсе между различными видами валют, имевших активное хождение в городе, можно судить по котировкам, регулярно приводимым газетой. Так, 27 августа “на местной неофициальной бирже” за 100 руб. царских платили 450—460 “керенских”, либо 245—250 думских; за 100 думских шло 170—175 “керенских”; за 100 “керенских” — 130—135 советских. Тут же указывается, что: “На “Бирже” в большом предложении “керенки”, а потому курс их с каждым днем понижается. Большой спрос на царские и думские. От крупных сделок воздерживаются в ожидании открытия правитель-

¹¹ Финансы г. Минска // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

¹² О смете г. Минска // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

¹³ К населению города Минска // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 1.

¹⁴ Финансы г. Минска // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

¹⁵ К населению города Минска // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 1.

¹⁶ О смете г. Минска // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ходатайство домовладельцев // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

¹⁹ О “керенках” и “советских” // “Минский курьер” № 9 от 03.09.1919. С. 4.

²⁰ Распределение продуктов // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

²¹ Расплата за товары // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4.

²² Продажа товаров в рабочем кооперативе // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

ственного банка. В общем, курсы неустойчивы и подвергаются значительным колебаниям; таким образом, в течение дня курс разнится на 10—15%, между тем при более устойчивом положении разница курсов покупателей и продавцов должна быть не более 2—3% [...]”²³. 31 августа на той же “бирже” сделки совершались уже по несколько иному курсу: за 100 царских платили 640—650 “керенских”, или 310—315 думских; за 100 думских — 200—205 “керенских”; за 100 “керенских” — 125—130 советских²⁴.

Газета, кроме прочего, пишет: “С каждым днем замечается усиленный прилив керенок из Вильно”²⁵; “Все еще ищут царских, продавцов мало. Приток из Вильны и Варшавы керенок продолжается. Публика, опасаясь дальнейшего падения курса керенок, воздерживается от продажи царских, последнее объясняется также появлением на рынке в большом количестве фальшивых керенок, которые трудно отличить от настоящих”²⁶. Приток значительного количества как подлинных, так и (тем более!) фальшивых керенок еще сильнее осложнял ситуацию, сложившуюся в денежном хозяйстве города.

Курсы “Местной неофициальной биржи” были не единственными в Минске. Кроме стихийной биржи после захвата города поляками открылись и начали функционировать меняльные конторы на Захарьевской и Койдановской улицах. Основной их задачей было “обменивать курсирующие в Минске денежные знаки, кроме “советских”, по следующему курсу: 1 рубль царский равняется 1 марке 10 пфеннигам польских. 1 рубль думский — конторы будут обменивать на польскую или царскую валюту согласно курсу Варшавской биржи, отчеты о сделках которой будут ежедневно даваться в нашей газете, а “керенки” расцениваются на 25% ниже “думских”²⁷. Предусматривалось, что за обмен денежных знаков конторы будут взимать плату не выше 1%.

В силу насущной необходимости выработало свой курс и правление Союза потребительных обществ: “Не имея никаких директив и официального курса, правление при отпуске товаров выработало временно следующую валюту: товар будет отпускаться главным образом на царские деньги, керенку в 20 руб. расценивать в 4 рубля царских. Оставшиеся суммы и авансы, внесенные общественными организациями и кооперативами, перевести на курс царских денег”²⁸.

В сложившихся обстоятельствах большие надежды возлагались на банки, и в первую очередь на правительственный: “Как нам сообщают из авторитетных источников, в ближайшие дни в Минск прибудет пра-

вительственный банк. Банк будет производить операции по обмену русских денег на польские марки. Приезд банка положит конец денежной спекуляции, пустившей глубокие корни [...]”²⁹. Но уже через несколько дней на совещании представителей банков и кооперативов озвучена диаметрально противоположная мысль: “[...] Из многочисленных докладов представителей банковского и кооперативного мира выяснилась абсолютная невозможность широкой экономической и финансовой работы, ввиду отсутствия определенного курса. Деятельность банков крайне ограничена и сводится исключительно к одной операции — обмену денег. Банки и кооперативы бессильны оказывать влияние на курс валюты. Дабы положить предел такому неопределенному и спекулятивному курсу денег, решено ходатайствовать перед соответствующими властями о назначении твердого курса”³⁰. О назначении твердого курса денег ходатайствует и Магистрат: “Мы указывали местным властям на то, что отсутствие денежного курса тормозит работу Магистрата и вызывает массу затруднений. К нашему ходатайству об установлении денежного курса отнеслись сочувственно, но разрешение этого вопроса зависит от Варшавы, куда по этому поводу отправлен запрос”³¹. Подобным образом (распоряжением Комиссара Виленского округа) был установлен с 25 августа обязательный официальный курс русских денег в Вильно. Согласно ему 100 рублей царских = 100 маркам = 285,71 рубля думскими. 100 рублей думскими = 35 рублей царскими = 35 марок³².

В начале XX в. в Минске функционировала сеть кредитных учреждений, однако после 1917 г. все они были упразднены, за исключением Минского отделения Государственного банка, которое в марте 1919 г. было реорганизовано в Минскую окружную контору Народного банка³³.

Вскоре после оккупации города поляками начался интенсивный процесс восстановления кредитных учреждений. Одним из первых заявило о возобновлении деятельности местное отделение Русско-Азовского банка: “...впредь до завязывания сношений с иностранными банковскими центрами, открыть в Минске самостоятельные банковские операции, комиссионные поручения, валютные операции и т.д. Банк начинает функционировать в ближайшие дни”³⁴.

С 1 сентября предполагалось возобновить операции по приему и выдаче ссуд в Минском городском кредитном обществе³⁵. При этом указывалось, что “все операции производятся в царской валюте. Запасные капиталы банка были своевременно вывезены и находятся в полной сохранности. Банк будет также по мере воз-

²³ Биржа 27 августа // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

²⁴ Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

²⁵ Биржа 29 августа // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4.

²⁶ Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

²⁷ Валюта // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

²⁸ Заседание правления союза потребительных обществ // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 4.

²⁹ Приезд банков // “Минский курьер” № 2 от 27.08.1919. С. 4.

³⁰ Совещание представителей банков и кооперативов // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 4.

³¹ Вопросы городского хозяйства (Беседа с бургомистром М.В. Довнар-Запольским). Денежный курс // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

³² Курс русских денег в Вильне // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

³³ Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793—1917) / Сост. Т.Е. Леонтьева. С. 165.

³⁴ Банки // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4.

³⁵ Правление Минского городского кредитного общества (Подгорная, 48) // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 1.

возможности производить оплату по купонам”³⁶. Одновременно прекратило выдачу ссуд “до установления курса” 1-е Минское ссудосберегательное товарищество³⁷. Предполагал восстановиться операции “в ближайшие дни” Купеческий банк, невзирая на то, что “все имущество и капиталы были вывезены большевиками”³⁸.

Следует отметить, что в этот период ценные бумаги Российской Империи, в том числе и закладные листы городских банков и облигации Минского городского кредитного общества, пользуются неизменным спросом на местной бирже³⁹.

Кроме восстановления учреждений, возникших и функционировавших еще в Российской Империи, создавались и новые банки. Так, совещание представителей банков и кооперативов, состоявшееся 27 августа 1919 г., постановило: “...дабы объединить действия всех кооперативов решено в ближайшем будущем открыть Кооперативный Краевой Банк, который будет производить закупку продуктов для кооперативов всего Белорусского Края”⁴⁰.

Тем не менее до приезда правительственного банка деятельность кредитных учреждений была весьма стеснена: “Местные банки, не имея из своих центров директив и инструкций о производстве операций, вынуждены крайне ограничить свою деятельность, которая ныне выражается почти в одной лишь операции — обмене денег”. В минских банковских кругах с приездом правительственного банка были связаны большие ожидания: “...сфера деятельности местных банков расширится: явится возможность завязать сношения с иностранными банками, производить продажу и покупку процентных бумаг и т. д.”⁴¹.

Вопрос открытия банков и возобновления их операций, несмотря на некоторые успехи, оставался крайне болезненным, и в “Минском курьере” от 05.09.1919 № 11 читаем: “В местных банковских кругах решено в ближайший месяц созвать съезд представителей банковского мира для обсуждения целого ряда вопросов. Хозяйствованием большевиков в нашем крае совершенно разрушены и уничтожены все банки. Воссоздание банков явится одним из главных факторов экономического процветания нашего края”⁴².

Таким образом, непосредственно после ухода из города большевиков в начальный период польской оккупации в Минске продолжала функционировать “неофициальная биржа по Богадельной улице”, котировки которой оказывали самое непосредственное влияние на всю хозяйственную и финансовую жизнь города. Они, наравне с котировками частных меняльных контор, как и на Варшавской, и Виленской биржах, регулярно публиковались в “Минском курьере”. В городе процветала спекуляция деньгами на уровне частных лиц.

Созданный новыми властями Магистрат оказался в крайне сложной ситуации. Ввиду пустой кассы и ос-

трой нехватки денежных средств, разрушенного городского хозяйства и огромного дефицита по смете он был вынужден усилить налоговый гнет. Одновременно руководством города изыскивалась возможность привлечения дополнительных денежных средств — предполагалось заключить заем и обратиться к польским властям за предоставлением городу ссуды⁴³.

Требование внесения налогов и оплаты товаров исключительно в “царской” валюте в городе, основная наличность населения и учреждений которого выражалась в стремительно обесценивающихся “керенках” и “советских”, было, по сути, невыполнимо и породило порочный круг. Положение осложняется притоком из Варшавы и Вильно значительного количества “керенок”.

Введение в качестве основной валюты царского рубля вызвало большое количество проблем, злоупотреблений, рост цен и вполне предсказуемое недовольство населения, на руках у которого имелись в основном “советские” и “керенки”.

Кооперативы, так же, как и горожане, имевшие в кассе в качестве наличности все те же “керенки” и “советские”, вынуждены были вырабатывать новые правила работы и свои котировки валюты. Невзирая на трудности, они сумели продолжить свою деятельность и в это время планировали открытие Кооперативного Краевого Банка.

Отсутствие твердого курса валют стало болезненной проблемой как для учреждений, предпринимателей и Магистрата города, так и для рядовых горожан. Неоднократно эта проблема поднимается на страницах “Минского курьера”. Публикации, затрагивающие хозяйственную и финансовую жизнь города, в качестве основной причины, мешающей нормализации деятельности учреждений, установлению на рынках приемлемого уровня цен, называют именно отсутствие твердого денежного курса.

Решение этой проблемы ожидалось от банков. И в поразительно короткие сроки ряд кредитных учреждений, функционировавших в городе еще перед Первой мировой войной, в той или иной мере сумел возобновить свою деятельность. Однако очень скоро стало ясно, что задача нормализации денежного обращения им не по плечу.

Надежды на установление твердого курса, возлагаемые на правительственный банк и само правительство, также оказались напрасны. В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки в директивном порядке ввести в городе твердый денежный курс, но решить эту проблему оккупационным властям так и не удалось. Именно в начальный период оккупации была заложена основа для ряда негативных явлений, получивших дальнейшее развитие в последующие месяцы.

³⁶ В городском кредитном обществе // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

³⁷ В 1-м ссудосберегательном товариществе // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

³⁸ В Купеческом банке // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

³⁹ Биржа 27 августа // “Минский курьер” № 3 от 28.08.1919. С. 4; Биржа 29 августа // “Минский курьер” № 5 от 30.08.1919. С. 4; Биржа 31 августа // “Минский курьер” № 7 от 01.09.1919. С. 2.

⁴⁰ Совещание представителей банков и кооперативов // “Минский курьер” № 4 от 29.08.1919. С. 4.

⁴¹ К приезду правительственного банка // “Минский курьер” № 9 от 03.09.1919. С. 4.

⁴² В местных банковских кругах // “Минский курьер” № 11 от 05.09.1919. С. 4.

⁴³ Финансы г. Минска // “Минский курьер” № 6 от 31.08.1919. С. 4; О смете г. Минска // “Минский курьер” № 8 от 02.09.1919. С. 4.

Попытки “европеизации” русской монетной системы при Павле I

Валерий ШИШАНОВ

Заместитель директора по научной работе Витебского областного краеведческого музея

Преобразования в финансовой сфере были одним из важнейших направлений в бурной реформаторской деятельности императора России Павла I. В первые же дни правления императора на заседаниях Государственного совета 10, 13 и 17 ноября 1796 г. обсуждался вопрос о целесообразности задуманного при Екатерине II передела медной монеты. Граф Александр Андреевич Безбородко высказал мнение, что “вообще возвращение всякой монеты в ее истинную и должную цену и доброту и удержание ее в сем достоинстве непременно и скоро подействует как над исправлением казенного кредита, так и над возвышением курса” [1, стб. 23]. В итоге медная монета сохранила свой вес и появились проекты чеканки серебряных и золотых монет, аналогичные лучшим европейским образцам.

“Банковая монета” 1796 г. и последовавшая за ней чеканка тяжелой серебряной монеты 1797 г. и ефимков 1798 г. не обделены вниманием нумизматов.

Автор “Обозрения русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен” (1837 г.) Станислав Шодуар причиной появления новых монет называет желание Павла I “установить в государстве усовершенствованную монетную систему и возвысить ценность рубля и его делимых частей до того, как была она в начале царствования Петра I” и далее: “...в 1798 г. предполагалось делать

ефимки в $54\frac{3}{4}$ стюверов¹ для оборота внешней торговли, но они не пошли в ход и ограничились только 3 пробными клеймами для опыта” [24, с. 183, 184].

Павел Винклер ограничивается кратким изложением истории появления монет и их описанием. Исходя из заявленной “цены” ефимка 1798 г. ($54\frac{3}{4}$ штивера), Винклер приравнивает его то к 1,5 рубля, то к мальтийскому скуди и высказывает предположение, что эти монеты “предназначались для платежей по этому ордену” [4, с. 31, 32, 36—38].

Более глубоко попытался вскрыть причины чеканки Ф. Гейтц. Он отмечал, что “признание альбертова талера типичным и желание создать замену ему, заставляет Павла I выпустить свой ефимок, чеканенный по альбертовой стопе”. Появление на монете обозначения номинала “ефимок”, по мнению автора, прямо указывает на желание “заменить и заставить забыть” иностранную монету. Причиной неудачи операции называется неустойчивость курса талера в конце XVIII в. [5, с. 28—41].

В контексте финансовых реформ и преобразований монетного дела указанные монеты рассматриваются в работах И.Г. Спасского [18, с. 151], В.Т. Корецкого [8, с. 71—75], А.И. Юхта [25, с. 223—226], Р. Зандера [7, с. 113—122]. Детально рассматриваются обстоятельства и особенности чеканки ефимка 1798 г. в статьях В.В. Узденикова [19, с. 356—358; 20, с. 348—354].

Основной комплекс используемых исследователями источников опубликован в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича [6], однако материалы, выявленные в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), во многом уточняют и дополняют сложившиеся представления об интересующих нас монетах.

Первые упоминания о чеканке “банковой монеты” встречаются в посланиях фаворита Павла I князя Алексея Борисовича Куракина к генерал-прокурору графу Александру Николаевичу Самойлову [6, с. 4] и правлению Ассигнационного банка [13, л. 5об.], датированных 25 ноября 1796 г. В них чеканка “банковой монеты” связывается с реализацией прав названного банка по манифесту об учреждении Государственного заемного банка (1786 г.) [11, т. 22, № 16407] и планом “преобразования ассигнаций в истинную монету” [21, с. 221—228; 22, с. 2—11]. К посланиям прикладывались рисунки золотых и серебряных монет без указания номинала.

¹ Стювер (штивер) — $\frac{1}{20}$ гульдена, нидерландская низкопробная серебряная, а впоследствии — медная монета.

Надо отметить, что на Ассигнационный банк, а позже на так называемую Особую экспедицию по хозяйственным оборотам возлагались большие надежды на осуществление международных финансовых и торговых операций и кредитование торговли. Эти планы не удалось осуществить, но полученный опыт был использован для реформирования финансовых учреждений в начале XIX в. [23, с. 222—229].

2 декабря 1796 г. появляется указ на имя главного директора Ассигнационного банка князя А.Б. Куракина о “битии золотой банковской монеты из металла, оному банку принадлежащего”: “Князь Алексей Борисович! Уважая причины в поднесенном Нам докладе вами изъясненные, повелеваем производить битье золотой банковской монеты из металла, Нашему Ассигнационному Банку принадлежащего, полагая в оную золото достоинством в 94 золотника и две трети” [11, т. 24, № 17603].

Однако в “Собрании материалов по истории финансов в России” (ф. 484, оп. 364а) в Отделе рукописей РНБ сохранилась недатированная копия документа, озаглавленного: “Манифест о новой банковской монете, которого до особого повеления выпускать не велено” [10, л. 572, 573], но судя по содержанию, это, вероятно, записка А.Б. Куракина, поданная императору: “В правилах Государственному ассигнационному банку данных предписано выписывать из чужих краев золото и серебро, как в слитках, так и в монете иностранной и бить деньги золотые и серебряные.

В капитале банков состоят немалые суммы от банковых медных заводов приобретенные, оставшие от разных строений ведомству банка принадлежащие и определенные на платеж ассигнационных листов и на не предвиденные случаи, вообще более 1 млн. 500 000 руб.

Ныне здесь червонец голландский из четырех рублей сорока пяти копеек ценою упал в три рубля девяносто пять копеек, а в Риге и Гамбурге должен быть еще дешевле. Столь низкая монеты сей цена представляет удобный теперь способ, покупая червонцы здесь и выписывая их из Гамбурга на капитал ассигнациями в банке состоящий, преобразить бумажную монету в золотую. А посему главный директор Государственного ассигнационного банка и осмеливается всеподданнейше представить, не благоугодно ли будет дозволить к операции сей приступить, на что учреждена уже особая при правлении Государственного ассигнационного банка экспедиция.

Монету сию для сохранения ее достоинства и равновесия относительно курса дозволить бить червонцами империи всероссийской, отвечающими во всем достоинству червонцев голландских [карандашом добавлено — “и обратить их в товар”; на полях карандашом — “Подпись на монетину “не нам не нам, а имени твоему”, на другой стороне — герб империи вместо изображения его (то есть Павла I. — В. Ш.)”].

Таковым дозволением привести в действие операцию особенно осчастливлен будет главный директор Ассигнационного банка (А.Б. Куракин. — В. Ш.), ибо будет первый, который пустит в хождение золотую монету царствования все милостивейшего своего императора и благодетеля.

Ежегодно поступаемая прибыль от медных банковых заводов, и план, который вскоре главный директор величайшему воззрению представить осмелится, по-

“Альбертов талер” (“патагон”), Антверпен, 1619 г.

Дукат, Голландия, 1783 г.

Серебряный дукат, Нидерланды, Утрехт, 1784 г.

Альбертусталер, Бранденбург — Пруссия, 1797 г.

Рубль (“банковский”), Россия, 1796 г.

Кроненталер, Австрийские Нидерланды, 1793 г.

Рубль, Россия, 1797 г.

Червонец, Россия, 1797 г.

Пробные экземпляры ефимков, Россия, 1798 г.

степенно умножит способы к действительному преобразованию бумажной монеты в монету золотую и серебряную и, конечно, в непродолжительном времени уважительно уменьшит ажио между сих монет и ассигнаций.

Могущий от покупки червонцев и металла выиграть убыток от неустойчивости курса, капиталу банковому никакого вреда не учинит: ибо одна прибыльная сумма на оное употребляться должна².

Исходя из упоминания об учреждении “особой экспедиции” — Конторы по закупке металлов (24 января 1797 г.) [11, т. 24, № 17795; 15, л. 123], — документ можно датировать концом января — февралем 1797 г. Заметим, речь идет только о выпуске золотой монеты.

Далее за документом в деле следует “Проект банковской серебряной монеты” и “Проект банковской золотой монеты” [10, л. 574, 575]. На рисунках на аверсе монет указана дата “1796”, обозначение номинала отсутствует, под изображением государственного герба буквы “Б.М.”, на реверсе — надпись “Не нам/ не нам/ а имени твоему”² в четырехугольной рамке с “узорами” по периметру. Указывается, что “достоинство” серебряной монеты “сей во всем должно отвечать голландскому талеру по положению своему пробую 83 ¹/₃ золотника, весом 6 ⁶/₇ золотников”, золотой — “в 94 ²/₃ золотника, весом 78 ¹/₂ доли”.

Подготовка выпуска банковской монеты шла параллельно с подготовкой чеканки общегосударственной монеты. А.Б. Куракин в письме Андрею Андреевичу Нартову [6, с. 5] (на тот момент президенту Берг-коллегии) 8 декабря 1796 г. сообщал, что по его представлению император повелел, чтобы “государственная рублевая монета в весе и достоинстве своем была против ефимка, разделяясь с сим достоинством на мелкие монеты, половину, четверть рубля, десяти- и пятикопеечную с точным весом в каждой противу её цены”. На крупной серебряной монете с одной стороны должен был быть портрет императора, а на другой — московский герб с “надписью цены и года”. Однако 14 декабря того же года были утверждены другие рисунки червонца, рубля, полтины и полуполтинника [12, л. 113]. Портрет императора был заменен расположенными в виде креста четырьмя коронованными буквами “П” с цифрой I посередине, а московский герб сменило изображение, аналогичное помещенному на банковской монете, — в рамке надпись “Не нам/ не нам/ а имени твоему”. Чеканка монет началась по манифесту 20 января 1797 г., в котором повелевалось “бить монету превосходнейшую, а именно восемьдесят третьей с одной третью пробы, содержащую в рубле внутреннего достоинства пятьдесят штиверов с долями и соразмерно тому и прочия мелкия серебряные деньги” [11, т. 24, № 17748].

Общие принципы проведения “операции преобразования ассигнаций в монету” были изложены главным директором Берг-коллегии Михаилом Федоровичем Соймоновым в Примечании на серебряную монету, представленном 10 января 1797 г. на заседании Государственного Совета [1, стб. 42—46]. Предлагаемые меры преследовали цель не только улучшить пробу и увеличить содержание серебра в монете, но и постепенно сократить количество бумажных денег. Изъ-

² Полный текст: “Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей” (Псалтырь, книга 5, псалом 113, стих 9).

ятие старой монеты предполагалось производить как путем обмена на серебро по курсу 140 коп. старой монетой за один новый рубль, так и путем выкупа за ассигнации — “чтоб прежнюю серебряную монету выменять в казну, выдавая за оную ассигнациями с ажио, какой по курсу состоять будет, а потом, обращая сию вымененную монету в новую, выпустить ее из казны тоже с ажио”. По мнению М.Ф. Соймонова, вымененные на новую монету ассигнации могли “истребляться”. Совет высказался в поддержку операции и постановил отпускать на ее проведение ежегодно по 3 млн. руб. и “некоторые суммы” из Заемного банка.

Конечно, подобная реформа могла быть успешной только при значительных запасах серебра, стабильности курса, хорошем экономическом положении государства. Напряженная внешнеполитическая ситуация и финансовые трудности вряд ли оставляли реформаторам шанс. Не было уверенности и у автора “Примечания...”, оговаривавшего, что “в случае же неуспешности онаго способа, назначить для сего со стороны казны производимого обмена срок” [1, стб. 40].

М.Ф. Соймонов 29 января 1797 г. представил Совету “Табель иностранным золотым и серебряным монетам, по какой цене принимать оныя в пошлинный при таможене сбор, полагая полновесный ефимок или талер в 1 руб. 40 коп.” [1, стб. 49, 50] (таблица 1). В этой связи возникает вопрос: какие же из европейских монет стали образцом для золотых и серебряных монет, чеканившихся по манифесту 20 января 1797 г.?

Европейский монетный рынок представлял всегда весьма пеструю картину, и даже Голландия, на протя-

жении XVII—XVIII вв. являвшаяся крупнейшим финансовым центром мира, первоначально не могла похвастаться совершенством монетной системы. В начале XVII в. риксдалеры, патагоны и дукатоны, завозившиеся из Южных Нидерландов, считались “порченой монетой”, но в 1641 г. были объявлены “хорошими банковскими деньгами”, а в 1659 г. выпущены аналогичные им голландские “серебряный рейтер” и “серебряный дукат”, что наряду с ужесточением контроля за чеканкой монет привело к улучшению и стабилизации денежной системы [2, с. 204, 205]. Однако с течением времени векселя, основанные на “банковских деньгах”, лишились своего металлического обеспечения, и 70-е, 90-е гг. XVIII в. ознаменовались рядом кризисов, сопровождавшихся падением авторитета Амстердамского банка и снижением вексельного курса [2, с. 209—212, 223—226].

На этом фоне разворачиваются финансовые реформы Павла I. Весовые характеристики русских червонцев 1796—1797 гг. вполне соответствуют голландскому дукату — лигатурный вес 3,47 г, проба 0,986 [26, р. 1121]. Нужно отметить, что “европеизация” коснулась и внешнего вида червонца 1797 г., затем 5-рублевика, рубля, полтины, полуполтинника и ефимка 1798 г. Их реверс явно имитирует реверс дуката — надпись в рамке, по периметру украшенной картушами, что, впрочем, было характерно и для монет этого типа некоторых итальянских государств, Женевы и Гамбурга, с той разницей, что на российских монетах вместо указания эмитента в рамке было помещено изречение из псалтыри.

Как уже упоминалось, ряд исследователей, вероятно, с подачи Ф. Гейтца, считали, что новый рубль чеканился в подражание прусскому албертусталеру Фридриха Вильгельма III (выпуск 1797 г.), который чеканился по стопе “альбертова талера”. Чеканка “альбертова талера”, или “патагона” (нем. Albertustaler, Kreuztaler, Patagon), началась в 1612 г. наместниками Испанских Нидерландов эрцгерцогом Альбертом Австрийским и его супругой Изабеллой Испанской, и со временем эта монета получила широкое распространение и способствовала развитию чеканки аналогичных монет в других странах.

К концу XVIII в. близкими по своим характеристикам к “патагону” были, в частности, риксдаальдер и серебряный дукат Нидерландов, чеканившиеся непродолжительное время специдалер Дании и альбертусталер Пруссии 1797 г. (таблица 2).

Однако в пику устоявшимся представлениям по содержанию серебра рубли 1796—1797 гг. ближе к европейским монетам, чеканившимся в соответствии с имперской монетной стопой Священной Римской Империи германской нации, например, к ряду талеров австрийских владений чеканки до 1751 г. Во второй половине XVIII в. эта стопа уходит в прошлое и монеты, соответствовавшие ей, чеканятся немногими странами, примером может служить талер (48 скилингов) Гамбурга (1761—1764).

Отметим, что по упоминавшемуся выше “Проекту банковской серебряной монеты” “достоинство” новой монеты должно было “отвечать голландскому талеру”, но приводимый здесь общий вес — “6²/₇ золотников” (29,25 г) — на 1,42 г выше, чем у голландского риксдаальдера. В манифесте 20 января 1797 г. “достоинство” рубля определяется в “пятьдесят штиверов с

Таблица 1

“Табель иностранным золотым и серебряным монетам, по какой цене принимать оныя в пошлинный при таможене сбор”

	Полновесных на фунт	Ценою принимать каждую полновесную монету	
		рубли	копейки
Золотые червонцы:			
Цесарские	117 ¹ / ₂	2	117 ¹ / ₂
Гамбургские	117 ¹ / ₂	2	79
Голландские	117 ¹ / ₂	2	79
Датские	117 ¹ / ₂	2	78
Шведские	117 ¹ / ₂	2	77
Кремницкие	117 ¹ / ₂	2	117 ¹ / ₂
Серебряные талеры:			
Имперские	14	1	40
Датские	14	1	40
Шведские	14	1	41
Голландские	14	1	39
Английские кроны	14	1	47 ³ / ₄
Гишпанские пиастры	14	1	44 ³ / ₄
Португальские крузады	14	1	43 ³ / ₄

Таблица 2

Сравнительная таблица веса и пробы европейских и российских монет

Монета	Годы чеканки	Лигатурный вес в граммах	Проба	Вес чистого серебра в граммах
Патагон, Испанские Нидерланды	1612–1706	28,1	0,875	24,39
Серебряный дукат (48 штюверов), Нидерланды	1701–1794	28,25	0,873	24,66
Риксдаальдер, Батавская республика (Нидерланды)	1795–1800	28,08	0,868	24,37
Кроненталер, Австрийские Нидерланды	1755–1798	29,44	0,873	25,70
Талер (имперская монетная стопа), Австрия	до 1751	28,82	0,875	25,24
Талер (рейнская монетная стопа), Австрия	с 1751	28,06	0,833	23,37
Альбертусталер, Пруссия	1797	28,06	0,868	24,36
Спецедалер (Альбертдалер), Дания	1781–1786, 1796	28,06	0,868	24,36
Талер (48 скилингов), Гамбург	1761–1764	29,2	0,888	25,93
Рубль, Россия	1762–1796	24,00	0,750	18,00
Рубль, Россия	1796–1797	29,25	0,868	25,39
Рубль, Россия	1798–1885	20,73	0,868	17,99

Примечание. Таблица составлена по данным каталогов: Standard Catalog of World Coins 1601–1700: 17th century / Colin R. Bruce, Tomas Michael [edited by] Randy Thern. — 4th ed. — Iola, WI: Krause Publications, 2008; Standard Catalog of World Coins 1701–1800: 18th century / Colin R. Bruce, II, senior editor; Thomas Michael, market analyst. — 5th ed. — Iola, WI: Krause Publications, 2010.

долями”. Голландский риксдаальдер номинально соответствовал 50 штюверам (штюверам), но разница с рублем (“доли”) опять-таки существенна — 1,02 г чистого серебра (2,295 доли).

По своим характеристикам рубль 1796—1797 гг. скорее соответствует кроненталеру Австрийских Нидерландов 1755—1798 гг. (таблица 2).

В ходе проведения “операции преобразования ассигнаций в монету” стало очевидно, что ревальвация рубля не приносит ожидаемых результатов. Нестабильность курса, неустойчивость цены на талеры и связанные с этим потери для казны заставили отказаться от выпуска тяжеловесной монеты. Уже 27 июля 1797 г.

А.Б. Куракин в письме государственному казначею Алексею Ивановичу Васильеву просит не присылать тяжеловесные рубли “доколе курс не придет в то положение, в котором быть ему должно” [14, л. 10].

К концу 1797 г. правительство Павла I осознало всю тяжесть кризиса, в котором пребывали русские финансы, и вынуждено было внести существенные коррективы в первоначальные планы. 3 октября 1797 г. выходит манифест “О пробе золотой и серебряной монеты; о продолжении делания медной монеты по 16 рублей из пуда и о запрещении мастерам делать серебряную посуду и вещи ниже 84-й пробы” [11, т. 24, № 18178]. По манифесту восстанавливался рубль с содержанием чистого серебра 18 г, но повышенной (83 1/3) пробы, вместо золотого червонца (проба 94 2/3, 3,44 г чистого золота) вводился 5-рублевик (полуимперил, проба 94 2/3, 6 г чистого золота).

Однако полного отказа от “операции преобразования ассигнаций” не последовало. По-прежнему продолжались подготовка ограниченного обмена золотой и серебряной монеты на ассигнации³ и развитие структуры учреждений, способных осуществлять управление государственными финансами и активно действовать на внутренних и внешних рынках, получая прибыль и погашая долги казны (Контора о покупке металлов, Эсконтная и Страховая конторы при Ассигнационном банке).

Не отказались и от планов выпуска монеты, предназначенной для сближения русской монетной системы с европейской. Новый проект представлял собой попытку объединить номинал, кратный рублю, и рыночную цену “ефимка”.

В Отделе рукописей РНБ сохранилась копия манифеста, который так и не был обнародован. Документ датируется 8 января 1798 г. и гласит: “Достигнув желанной нами для пользы верных наших подданных благоуспешности, в выпуске золотой и серебряной монеты из Государственного нашего ассигнационного банка с 1 числа генваря сего года начавшемся; по всегдашнему нашему попечению о распространении торговли в империи нашей, находим мы, что к доставлению лутчей еще удобства в употреблении сей монеты, полезно иметь монету ефимочную в пробе того самого достоинства, какого указом нашим октября 3-го дня 1797-го г., и серебряная монета утверждена. Для чего и повелеваем в монетном дворе при Государственном нашем ассигнационном банке на собственные его обороты устроенном из приобретаемого им металла бить серебряную ефимочную монету восемьдесят третьей с одной третью пробы, содержащую в ефимке внутреннего достоинства пятьдесят четыре три четверти штюверов с долями. А дабы соответствовала оная рублевой и прочей мелкой серебряной нового чекана монете назначаем каждому ефимку неременное хождение медными деньгами и банковыми ассигнациями во сто девяносто пять копеек или полтора рубли серебряными деньгами, а чтоб всем о том было известно, предлагается у сего таковому ефимку чертеж”⁴ [10, л. 517].

К документу прилагается “Изображение штемпелей серебряного ефимка” с рисунком и пояснениями:

³ Обмен начался с 1 января 1798 г. в С.-Петербурге, с 1 мая — в Москве и продолжался до 17 октября 1798 г.

⁴ Манифест впервые опубликован А.А. Богдановым [3, с. 73–87], однако автор анализирует документ вне контекста финансовых преобразований того времени.

“Гуртик или поясок на подобие лаврового венка. По сим рисункам делать серебряной ефимок 83-й¹/₃ пробы, весом каждый в 7 золотников ²⁶/₉₆-х долей, или по тринадцати кружков с довесом на фунт”.

Как известно, существует 3 вида ефимков 1798 г. На двух из них присутствуют широкие выпуклые ободки с вдавленным шрифтом и выпуклым на заглабленных участках. Однако по манифесту 8 января 1798 г. [10, л. 517, 518] был утвержден вариант, по своему оформлению близкий к уже находившимся в обращении образцам крупной серебряной монеты и более простой в производстве.

Таким образом, выявленный документ подтверждает предположения П.П. Винклера и В.В. Узденикова о том, что ефимок 1798 г. должен был иметь полторарублевое достоинство [4, с. 36; 19, с. 363]. В манифесте нет и намек на использование новой монеты в международных расчетах, официально она предназначалась для обращения внутри страны (“попечение о распространении торговли в империи нашей”, установление курса, “непрерывного хождения” к медной, серебряной монете и ассигнациям). И все же трудно

оправдать существование такого номинала, иначе как предназначенного выполнять функцию связующего звена с монетными системами европейских стран, но до массовой чеканки ефимки дело так и не дошло. К августу 1798 г. провал “операции преобразования ассигнаций” становится очевидным. Князь А.Б. Куракин оказался в опале и 21 сентября был отстранен от службы [17, с. 426, 442]. Его преемники пришли к выводу, что “мелочной промен ни какого влияния не имеет на полагаемые предметы, а происходит единственно в корыстные руки мелких торгашей” [10, л. 579]. 17 октября 1798 г. “выпуск” золотой и серебряной монеты в обмен на ассигнации был остановлен [16, л. Зоб.]. Задуманная “операция” бесславно завершилась.

В заключение хочется отметить, что “банковская монета” 1796 г., тяжеловесная серебряная монета 1797 г. и ефимки 1798 г. стали интересным нумизматическим памятником попыток перехода к более рациональным методам ведения финансового хозяйства, построения финансовой администрации и модернизации монетного дела на рубеже XVIII—XIX вв.

Источники:

1. Архив Государственного Совета: в 4 т. — Санкт-Петербург: в тип. Второго отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1869—1888. — Т. 2. Совет в царствование императора Павла I (1796—1801 гг.). — 1888. — XIII с. + 882 стб. + 36 с.
2. Бааш, Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII вв. / Э. Бааш; пер. с нем. Н.М. Сегаль и О.К. Рыковской; под ред. проф. Я.Я. Зутиса. — Москва: Изд-во иностр. лит., 20-я тип. Союзполиграфпрома, 1949. — 395 с.
3. Богданов, А.А. Монетное дело Российской империи. Находки, исследования, гипотезы: очерки / А.А. Богданов; С.-Петерб. гос. ун-т, ист. фак. — Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2011. — 126 с.: ил.
4. Винклер, П.П. фон. Из истории монетного дела в России [Вып. 3]: Монетное дело при Павле I (1796—1801) / П.П. фон-Винклер. — Санкт-Петербург: тип. и хромолит. А. Траншель, 1898. — [2], 41 с.: ил.
5. Гейтц, Ф.Ф. Ефимки / Ф.Ф. Гейтц. — Москва: тип. Г. Лиснера и Д. Собоко, 1913. — 43 с.
6. Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты... / Вел. кн. Георгий Михайлович [Романов]. — Санкт-Петербург: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1888—1914. — [Вып. 3]: Монеты царствования императора Павла I; Монеты царствования императора Александра I. — 1890—1891. — [217] с. разд. паг., [4] л. фронт. (ил., портр.), [29] л. ил.
7. Зандер, Р. Серебряные рубли и ефимки романовской России, 1654—1915: Ист. обзор и заметки о характер. разновидности рублевых монет / Рандольф Зандер; [Пер. В.В. Биткина]. — Киев: Одигитрия, 1998. — 207 с.: ил.
8. Корецкий, В.Т. Банковский монетный двор // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 7. Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв. / [Отв. ред. Д.Б. Шелов]. — Москва: ГИМ, 1980. — С. 70—84 (Тр. Гос. ист. музея... Вып. 53).
9. Мельникова, А.С. Деньги в России: история русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. / А.С. Мельникова, В.В. Уздеников, И.С. Шиканова [Государственный исторический музей]. — Москва: Стрелец, 2000. — 221, [2] с.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. — Ф. 484. — Оп. 364а. — Д. 58.
11. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. В 45-и т. — Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 557. — Оп. 2. — Д. 91.
13. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 859.
14. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 860.
15. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 1290.
16. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 3007.
17. Сенатский архив: Именные указы императора Павла I. — Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1888. — 746+231 с.
18. Спасский, И.Г. Финансы. Денежное обращение / И.Г. Спасский, А.И. Юхт // Очерки русской культуры XVIII в.: в 4 т. / главный редактор Б.А. Рыбаков. — Москва: Издательство Московского университета, 1987. — Ч. 2. — 406 с.
19. Уздеников, В.В. Что такое ефимок 1798 г.? // В.В. Уздеников. Монеты России XVIII — начала XX в. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации: 3-е изд., испр. и доп. / В.В. Уздеников. — Москва: Круг коллекционеров, 2004. — 590 с.
20. Уздеников, В.В. Минцмейстер Осип Мейджер // В.В. Уздеников, Монеты России XVIII — начала XX в. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации: 3-е изд., испр. и доп. / В.В. Уздеников. — Москва: Круг коллекционеров, 2004. — 590 с.
21. Шишанов, В.А. К истории создания Банковского монетного двора / В.А. Шишанов // Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского. — Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. — С. 221—228.
22. Шишанов, В.А. Операция преобразования государственных ассигнаций в монету / В.А. Шишанов // Нумизматический альманах (Москва). — 1999. — № 1. — С. 2—11.
23. Шишанов, В.А. Особая экспедиция Ассигнационного банка по его хозяйственным оборотам (1797—1804 гг.) / В.А. Шишанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: С.М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2008. — С. 222—229.
24. Шодуар, С.И. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен: в 2-х ч. / соч. барона Станислава де Шодуара; пер. с фр. В.А. [настасевич]. — Санкт-Петербург: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1837—1841. — Ч. 1. — 1837. — [4], IV, 272, [4], 23 с., 81 л. ил., табл.
25. Юхт, А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I / А.И. Юхт. — Москва: Финансы и статистика, 1994. — 336 с.
26. Standard Catalog of World Coins 1701—1800: 18th century / Colin R. Bruce, II, senior editor; Thomas Michael, market analyst. — 5th ed. — Iola, WI: Krause Publications, 2010. — 1344 p.

Нарматыўна-прававое забеспячэнне дзейнасці музеяў

Святлана ГАЎРЫЛАВА

Намеснік
начальніка ўпраўлення
ўстаноў культуры
і народнай творчасці
Міністэрства культуры
Рэспублікі Беларусь

За апошнія дзесяцігоддзі істотна змяніўся статус і кансерватыўны музейны свет. Сёння музей з'яўляецца базавай установай, у якой ёсць магчымасць захаваць памяць аб мінулым. Гэта накладвае на музей вялікую адказнасць, у тым ліку і за адекватнае распараджэнне нацыянальнай спадчынай. Рубеж XX і XXI стст. вызначаны пошукам новай мадэлі музея, які адпавядае змененым умовам грамадскага жыцця. Музеі як неад'емная частка ўвашлі ў сістэму

арганізацыйных, фінансавых, інфармацыйных і іншых дзяржаўных мер, накіраваных на захаванне гісторыка-культурнай спадчыны. Акрамя гэтага, ахоўная функцыя музеяў знайшла сваё адлюстраванне не толькі ў нашай краіне, але і ва ўсім свеце.

У апошнія гады актыўна ідзе працэс фарміравання асноў новага заканадаўства Рэспублікі Беларусь. Былі прыняты найважнейшыя заканадаўчыя акты, накіраваныя на стварэнне прававой базы для захавання і развіцця айчынай культуры.

Асноўным дакументам, які рэгулюе дзейнасць музеяў, з'яўляецца Закон Рэспублікі Беларусь “Аб музеях і Музейным фондзе Рэспублікі Беларусь” (далей — Закон), прыняты 12 снежня 2005 г. Упершыню Законом было замацавана, што дзяржаўную палітыку ў сферы музейнай справы ажыццяўляе Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь; вызначаны асноўныя напрамкі дзяржаўнай палітыкі ў музейнай справе: забеспячэнне агульнадаступнасці музейных прадметаў і музейных калекцый, падтрымка дзяржаўных праграм развіцця музейнай справы, забеспячэнне захаванасці Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь, падтрымка навуковых даследаванняў у музейнай справе. Закон таксама ўключаў спектр пытанняў па дзяржаўным рэгуляванні музейнай сферы, парадку стварэння і ліквідацыі музеяў, вызначэнні права ўласнасці на музейныя прадметы і калекцыі, уключаныя ў склад Музейнага фонду, асаблівасцяў выкарыстання і захоўвання музейных прадметаў і калекцый, распараджэння імі.

Законом упершыню было замацавана, што музейныя прадметы і музейныя калекцыі, уключаныя ў Музейны фонд, з'яўляюцца неад'емнай часткай культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь. Але пры выкарыстанні той ці іншай нормы былі адзначаны пытанні, якія патрабавалі неадкладнага вырашэння. Таму, зыходзячы з практыкі прымянення гэтага Закона, было прапанавана ўнесці ў яго змяненні і дапаўненні.

Зыходным пунктам распрацоўкі новага законапраекта можна лічыць выязное пасяджэнне камісіі Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу, якое адбылося на базе Нацыянальнага мастацкага музея 19 студзеня 2009 г. Менавіта там былі агучаны пытанні, якія неабходна было заканадаўча ўрэгуляваць. Па выніках пасяджэння праект Закона “Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у Закон Рэспублікі Беларусь “Аб музеях і Музейным фондзе Рэспублікі Беларусь” уключылі ў адпаведны План падрыхтоўкі законапраектаў на 2010 г., зацверджаны Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 4 студзеня 2010 г. № 2.

Загадам Міністра культуры была створана рабочая група па распрацоўцы законапраекта з 30 чалавек з ліку спецыялістаў упраўленняў культуры, адказных за гэты кірунак працы, дырэктараў абласных, рэспубліканскіх музеяў. На працягу двух гадоў адбылося шэсць пасяджэнняў рабочых груп, тры пашыраныя і тры выязныя пасяджэнні камісіі, у тым ліку адно сумеснае з Пастаяннай камісіяй Савета Рэспублікі па адукацыі, навуцы, культуры і сацыяльным развіцці. Па законапраекце паступіла звыш 50 прапаноў, большасць з якіх улічана пры дапрацоўцы праекта.

Закон “Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у Закон Рэспублікі Беларусь “Аб музеях і Музейным фондзе Рэспублікі Беларусь” быў падпісаны 3 ліпеня 2011 г. Большую яго частку займаюць прапановы па ўдасканаленні дзеючага Закона, у тым ліку і чыста тэрміналагічным. Аднак ёсць і шмат новых артыкулаў, акрэсленых у Законе.

Асобны артыкул уведзены з мэтай прывядзення Закона ў адпаведнасць з Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 16 кастрычніка 2009 г. № 510 “Аб удаканаленні кантрольнай (нагляднай) дзейнасці ў Рэспубліцы Беларусь”. Калі раней Міністэрствам культуры была замацавана норма ажыццяўлення кантролю за станам захаванасці Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь, то вышэйзгаданым Указам паўнамоцтвы Міністэрства культуры пашыраліся. Прадугледжаны кантроль за выкананнем заканадаўства ў музейнай сферы.

Законам удакладнена тэрміналогія і парадак рэгулявання асобных пытанняў музейнай справы. Тэрмін “музей” гучыць вельмі часта і ўжываецца не заўсёды дакладна. Адпаведна, неабходна ўдакладніць гэты тэрмін у юрыдычным вымярэнні. Паводле дзеючага заканадаўства музеям мае права лічыцца тая ўстанова, якая рэалізуе большасць відаў музейнай дзейнасці (7 з 12). Але ў сучасным варыянце вызначана шэсць прыярытэтных відаў дзейнасці. Перадусім унесены змяненні ў азначэнне тэрміна “музей”, што дазволіла больш дакладна вызначыць віды музейнай дзейнасці, якія з’яўляюцца абавязковымі для кожнага музея. Гэта — выяўленне прадметаў музейнага значэння, камплектаванне музейных фондаў, улік, захаванне, вывучэнне і папулярызацыя музейных прадметаў і музейных калекцый. Змяненні ўнесены і ў шэраг іншых тэрмінаў: “прадмет музейнага значэння”, “музейная справа”, “музейная калекцыя”, “музейны работнік”, што дазволіла не толькі ўпарадкаваць музейную сетку краіны, але і з большай адказнасцю ставіцца да стварэння новых музеяў, а таксама прывесці дзейнасць музеяў любой формы падпарадкавання ў адпаведнасць з гэтым Законам.

Дзеючым Законам вызначаны асноўныя напрамкі дзяржаўнай палітыкі ў сферы музейнай справы, сярод якіх — забеспячэнне захаванасці музейных фондаў, спецыяльных рэжымаў іх захоўвання.

Акрамя таго, Законам вызначаны новы змест артыкулаў аб міжнародных сувязях. Упершыню прадугледжаны гарантыі захаванасці і своечасовага ўвартання культурных каштоўнасцей, якія будуць увозіцца ў краіну для арганізацыі выставак. Паколькі заканадаўства Рэспублікі Беларусь не прадугледжвала такой магчымасці, арганізацыя выбітных міжнародных выставак зрывалася. У свеце інтэграцыйных

працэсаў, пашырэння міжнароднага супрацоўніцтва ў Законе прадугледжана магчымасць даваць гарантыі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь пры арганізацыі выставак з фондаў замежных музеяў. Афіцыйныя гарантыі Міністэрства культуры краіны маюць стаць належным грунтам для шэрагу важных міжнародных выставачных праектаў.

Сёння ў краіне дзейнічае 153 музеі сістэмы Міністэрства культуры, 1479 музеяў сістэмы Міністэрства адукацыі, каля 200 музеяў іншых ведамстваў, 7 прыватных і 14 — створаных грамадскімі арганізацыямі. Але дакладнага рээстра музеяў у краіне не было створана, і ўпаўнаважаная арганізацыя па вядзенні гэтага пераліку не вызначана. Таму ёсць неабходнасць урэгуляваць дадзенае пытанне на заканадаўчым узроўні.

Ужо больш за дзесяць гадоў у краіне дзейнічае Рэспубліканская рада дырэктараў музеяў. Гэты орган выпрацоўвае рэкамендацыі па ўдасканаленні працы музеяў, метадычна дапамагае музейам, каардынуе міжмузейнае супрацоўніцтва, у тым ліку міжнароднае. Таму Законам вызначаны статус і кампетэнцыя Рэспубліканскай рады дырэктараў музеяў для далейшага развіцця музейнай справы краіны.

У рэспубліцы дзейнічае 23% музеяў гістарычнага і этнаграфічнага профіляў. У адпаведнасці з Канвенцыяй аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны, ратыфікаванай нашай краінай у 2004 г., музеі, як і іншыя ўстановы культуры, займаюцца выяўленнем, камплектаваннем, вывучэннем, захаваннем і папулярызацыяй аб’ектаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны, таму неабходна было зафіксаваць адпаведныя змяненні ў Законе.

Дзеючым Законам вызначаны асаблівасці прававога становішча і парадку дзейнасці гісторыка-культурных музеяў-запаведнікаў. Паколькі музеі пад адкрытым небам маюць спецыфіку ў параўнанні з музеймі-запаведнікамі, то іх азначылі ў асобным артыкуле Закона. Спецыфічнасць такіх музеяў у тым, што яны экспануюць многія са сваіх музейных прадметаў пад адкрытым небам, адпаведна, і захаваць такія прадметы больш складана.

Вызначэнне памеру платы за наведванне экспазіцый і выставак, за выдачу дазволу без абгрунтавання эканамічных выдаткаў па ўзгадненні з заснавальнікам абумоўлена тым, што наведванне экспазіцый і выставак, выдача дазволу фактычна не з’яўляюцца тарыфам за паслугу, значыць, не можа рэгулявацца Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 19 мая 1999 г. № 285 “Аб некаторых мерах па стабілізацыі цэн (тарыфаў) у Рэспубліцы Беларусь”.

Падобная сітуацыя і з аплатай за выдачу дазволу на выкарыстанне выяў музейных прадметаў і музейных калекцый, будынкаў музеяў, аб’ектаў, размешчаных на тэрыторыях музеяў. З гэтай нагоды новыя нормы ўведзены ў Закон. Удакладнены тэрміны “музейны прадмет” і “музейная калекцыя”, паколькі адзінкай уліку з’яўляецца музейны прадмет, а не музейная калекцыя.

Практыка выкарыстання Закона паказала, што ў ім улічаны не ўсе выпадкі, якія могуць быць падставой для выключэння музейных прадметаў з Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь. Так, выпадак крадзяжу музейнага прадмета, які пацвярджаецца адпаведнымі дзяржаўнымі органамі, не ахоплівае сітуацыі,

калі з заканчэннем тэрміну даўнасці крымінальная ці адміністрацыйная справа не заводзіцца. У музеях зафіксаваны і выпадкі, калі па рашэнні суда музейныя прадметы былі вернуты іх законным уладальнікам. У сувязі з гэтым неабходна дапоўніць нормы аб выключэнні музейных прадметаў з Музейнага фонду. Прынцыпова важна зрабіць пералік падстаў для выключэння музейных прадметаў з Музейнага фонду невычарпальным.

У адпаведнасці з дзеючым Законам усе музейныя прадметы падлягаюць цэнтралізаванаму ўліку шляхам вядзення Дзяржаўнага каталога Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь. Аднак аналіз музейных фондаў краіны паказаў, што больш за палову музейных прадметаў — масавы археалагічны матэрыял (у пераважнай большасці — керамічныя фрагменты сценак, венчыкаў і донцаў сасудаў), малакаштоўныя прадметы (падшыўкі газет, ксеракопіі дакументаў і іншыя). Уключаць звесткі пра іх у Дзяржаўны каталог Музейнага фонду немэтазгодна, паколькі інфармацыя аб кожным музейным прадмеце павінна змяшчацца ў Дзяржаўным каталогу Музейнага фонду па 20 пазіцыях і на трох мовах, што патрабуе вялікіх часавых і фінансавых затрат. Пры гэтым вопыт Расійскай Федэрацыі паказаў, што за 14 гадоў апрацавана толькі 13% інфармацыі аб музейных прадметах, а да моманту збору канчатковай інфармацыі доступ да яе закрыты.

У сувязі з вышэйадзначаным пытанні ўліку музейных прадметаў (як унутрымудзейнага ўліку, так і цэнтралізаванага) былі ўрэгуляваны комплексна. Менавіта гэта дазволіць ў кароткія тэрміны завяршыць работу па стварэнні Дзяржаўнага каталога Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь і ўвесці ў навуковы абарот сапраўды найкаштоўнейшыя музейныя прадметы.

Пытанні ўліку музейных прадметаў, а таксама фарміравання Дзяржаўнага каталога асабліва каштоўных музейных прадметаў сур'ёзна стаялі перад музеямі, якія дзейнічаюць у сістэме не Міністэрства культуры, а іншых міністэрстваў і ведамстваў. Для правядзення працэдуры ўліку па спрощанай схеме прынята кампраміснае рашэнне аб увядзенні асобнага раздзела ў інструкцыі, які рэгулюе парадак уліку музейных прадметаў.

Увядзенне ў дзеянне гэтага Закона з'яўляецца вельмі прагрэсіўным крокам у дзейнасці музеяў нашай краіны. Гэта паспрыяе далейшаму развіццю нацыянальнай музейнай справы і ўключэнню яе ў сусветны культурны працэс, дазволіць увесці ў дзеянне Дзяржаўны каталог Музейнага фонду Рэспублікі Беларусь і спрыяць, такім чынам, ідэнтыфікацыі і па-

пулярызацыі беларускай гісторыка-культурнай спадчыны. Акрамя таго, гэта дасць магчымасць прывесці музейную тэрміналогію ў адпаведнасць з агульнапрынятымі нормамаі сусветнага музейзнаўства, дазволіць музею самастойна планавальць атрыманне даходаў з дадатковых крыніц фінансавання, упарадкаваць Музейны фонд, якасна палепшыць усе віды дзейнасці музеяў краіны і іх матэрыяльна-тэхнічную базу.

У развіццё Закона Міністэрствам культуры падрыхтаваны шэраг новых нарматыўных актаў, прыведзены ў адпаведнасць з Законам дзеючыя нарматыўныя дакументы. Унесены змяненні ва Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 10 ліпеня 2006 г. “Аб некаторых пытаннях перамяшчэння музейных прадметаў і (або) музейных калекцый праз мяжу Рэспублікі Беларусь”, у Палажэнне аб Музейным фондзе Рэспублікі Беларусь, зацверджанае пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 10 чэрвеня 2006 г., Палажэнне аб парадку работы наведвальнікаў музеяў з музейнымі прадметамі і (або) музейнымі калекцыямі, зацверджанае пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 3 жніўня 2006 г., Інструкцыю аб парадку стварэння і адкрыцця экспазіцый і выстаў музеяў (2006 г.), Інструкцыю аб парадку камплектавання музейных фондаў, унутрымудзейнага ўліку, навуковай апрацоўкі і захоўвання музейных прадметаў і музейных калекцый, уключаных у Музейны фонд Рэспублікі Беларусь, навукова-дапаможных і сыравінных матэрыялаў (2007 г.), Інструкцыю аб устанавленні пераліку відаў культурных каштоўнасцяў, якія вызваляюцца ад падатку на дабаўленую вартасць пры іх узове на тэрыторыю Рэспублікі Беларусь, а таксама пры рэалізацыі на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь (2011 г.), зацверджаныя пастановамі і загадамі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. Страціла сілу Палажэнне аб музеі навучальна-выхаваўчай установы, якое было зацверджана Міністэрствам адукацыі.

Былі прыняты новыя дакументы: Палажэнне аб асаблівасцях прававога становішча музея пад адкрытым небам, яго аховы і выкарыстання, зацверджанае пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 13 кастрычніка 2011 г., Палажэнне аб рэестры музеяў, зацверджанае пастановай Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь ад 23 верасня 2011 г. Загадам Міністра культуры ад 30 верасня 2011 г. № 149 зацверджаны склад Рэспубліканскай Рады дырэктараў, палажэнне аб яе дзейнасці.

Гэтымі дакументамі юрыдычна аформлены і замацаваны асноўныя рэгламентуючыя нормы музейнай дзейнасці ў нашай краіне.

Банки на территории Беларуси: вехи истории

Сергей ДУБКОВ

Заместитель
Председателя Правления
Национального банка,
Председатель Совета
по развитию
музейной деятельности
Национального банка

Ирина МАСЬКО

Советник
Управления информации
Национального банка

В конце 1996 г. было задумано, а в начале 1997 г. осуществлено мероприятие под названием “75 лет банковской системе Республики Беларусь”. Как справедливо в свое время отметил Н.А. Кузьмич (с 14 сентября 1995 г. по 19 февраля 1996 г. — исполняющий обязанности Председателя Правления Национального банка Республики Беларусь), “...мы не привыкли к анализу явлений, нас с советских времен приучили к декретам, постановлениям, указам, приказам. Мы измеряем исторические события по датам этих “революционных”, как нам кажется, решений, а не по времени их зарождения и эволюционного развития”¹. Именно с такими мерками и подошли к определению даты образования банковской системы в Беларуси,

взяв за основу 3 января 1922 г. — дату начала работы в Минске Белорусской конторы Госбанка при Наркомате финансов Белорусской ССР.

Исследование банковской системы и ее роли в социально-экономическом развитии имеет большое значение для истории Беларуси в целом. Тем не менее, в отличие от наших соседних государств, в Республике Беларусь до настоящего времени нет опубликованного фундаментального академического исследования по указанной тематике.

Однако жизнь не стоит на месте: исследуются архивные материалы, собираются коллекции финансовых документов, ценных бумаг; появляются содержательные публикации. Этому, безусловно, способствует создание музейных образований как в самом Национальном банке, так и в банковской системе в целом.

В 2004 г. на страницах “Банкаўскага весніка” был опубликован материал по истории банковских учреждений на территории Беларуси, подготовленный сотрудниками Музея Национального банка. В частности, ставился вопрос о замене официальной даты образования банковской системы — 3 января 1922 г. — на более раннюю. В это же время был проведен опрос аудитории “Банкаўскага весніка” по предполагаемой дате образования банковской системы. В ходе опроса предпочтение заинтересованных читателей также склонились к XIX в. С этого времени “Банкаўскі веснік” систематически публикует материалы по истории финансовых учреждений.

Успешное завершение строительства экспозиции по истории денежного обращения, а также решение кадрового вопроса позволили активизировать работу Музея в этом направлении. В частности, были уточнены две даты, существенно не меняющие общей картины:

1. Отделение Государственного банка Российской Империи в Гродно было открыто 16 августа 1884 г., а не 1864 г.

2. Гомельский городской общественный банк приступил к работе 1 мая, а не 1 апреля 1870 г.

В музейном фонде Национального банка достаточно активно формируется коллекция финансовых документов, связанных с развитием банков и банковской деятельности на территории Беларуси. Сегодня это крупнейшее профильное музейное собрание в нашей стране, хотя и одно из самых трудно собираемых, поскольку не является объектом массового коллекционирования. Тем не менее в настоящее время есть возможность показать музейными средствами развитие не только банков, но и банковской системы на территории Беларуси задолго до официально установленной даты — 3 января 1922 г.

¹ Кузьмич, Н. Современная банковская система Беларуси: создание, оценки // Банкаўскі веснік, № 22, 2008, с. 57.

По поручению руководства Национального банка проработан вопрос о возникновении банковских образований на соседних территориях: в Литве и Польше.

В 2002 г. Польское нумизматическое общество провело международную научную нумизматическую конференцию по теме: “Деньги и банки — общая история”. Согласно материалам, опубликованным по итогам указанной конференции, первая попытка учредить государственный банк в Великом Княжестве Литовском была предпринята Стефаном Баторием. Замысел такого банка, чья деятельность не ограничивалась бы только эмиссией, а охватывала бы также кредиты, возник на Виленском съезде в 1584 г. Согласно проекту должен был быть образован специальный кредитный фонд. Для создания такого фонда предусматривалось на три года ввести в государстве специальный налог. К этой сумме великий князь должен был добавить прибыль, получаемую от чеканки монет. Деньги фонда предусматривалось давать в долг под 10,4% годовых. Согласно принятому решению государственного банка Великого Княжества Литовского должен был находиться в Вильно. Однако этот проект не был реализован в связи со скоропостижной смертью Стефана Батория (1586 г.).

Идея образования банка (Bank Polski i Litewski) вновь выдвигалась Станиславом Августом Понятовским в 1768 г. и была осуществлена только в 1792 г., в канун третьего раздела Речи Посполитой. По замыслу, учрежденный банк должен был эмитировать на 40 млн. злотых бумажных денег. Поначалу издавались четырехпроцентные облигации государственной казны. Позже, в 1794 г., повстанческое правительство Тадеуша Костюшки издавало бумажные бонны, предназначенные для погашения этих облигаций. Однако поражение восстания и последовавший раздел государства Речи Посполитой положили конец идеям образования государственного кредитного банка в Польше и Литве.

Несколько позже, в 1828 г., был образован Банк Польский (Bank Polski). Его работа принципиально не отличалась от существовавшего в то время на территории Российской Империи Государственного банка для дворянства, в задачу которого входило субсидирование господствующего сословия под залог имений и драгоценностей.

Каких-либо, хотя бы косвенных, документальных свидетельств о деятельности указанных выше учреждений на территории Беларуси не выявлено.

Начало создания банковской системы в Российской Империи (в современном понимании этого слова) было положено 31 мая 1860 г., когда император Александр II в Царском Селе подписал указ о создании Государственного банка Российской Империи и утвердил его Устав. Со 2 июля этого же года главный банк империи начал производство операций.

Решающее значение для развития пореформенной экономики Беларуси имело интенсивное железнодорожное строительство: 1862 г. — трасса Петербург — Варшава прошла через Гродно, 1868 г. — на Рижско-Орловской линии отмечены станции Витебск и Полоцк, 1871 г. — дорога Москва — Брест не обошла Оршу, Борисов, Минск, Барановичи, 1873 г. — Либаво-Роменская дорога соединила Сморгонь, Молодечно, Минск, Осиповичи, Бобруйск, Жлобин, Гомель. Таким образом, белорусские земли получили дешевое и надежное средство передвижения пассажиров и грузов.

Каждый регион, по которому проходила железная дорога, получал мощный стимул для экономического роста. Железнодорожное строительство находилось под государственным покровительством. Именно поэтому Государственный банк приступил к его кредитованию почти сразу же после открытия. Уже в 1861—1864 гг. выделялись крупные суммы Главному обществу российских железных дорог.

Открытие отделений Государственного банка в губернских городах на территории Беларуси (Минск — 1881, Витебск — 1883, Могилев — 1883, Гродно — 1884) тесно связано именно с развитием железных дорог. Кроме финансирования нужд железнодорожного строительства губернские отделения имели право кредитовать промышленность и торговлю, заниматься обменом ветхих кредитных билетов на новые и крупных на мелкие и обратно, оплачивать купоны по процентным бумагам, принимать денежную наличность от юридических и физических лиц для перевода в Госбанк и его конторы и отделения, принимать вклады, выдавать ссуды под залог процентных бумаг, акций и облигаций.

Известно, что из учреждений Государственного банка первое место по объему учетных операций занимала Московская контора, второе — Одесса, ближе к концу XIX в. — Киев; Минское отделение было пятым в этом списке, опередив, таким образом, все другие отделения Северо-Западного края. К концу XIX в. Минск стал крупнейшим банковским центром в регионе.

С раскрепощением крестьян шел процесс “раскрепощения капиталов”. Банковский бум охватил всю страну. Первым в 1864 г. был открыт Петербургский частный банк, спустя год появился Московский купеческий банк. В течение пяти лет (1864—1868 гг.) было организовано шесть акционерных банков, в последующие пять лет — еще тридцать три.

Дореволюционной России для учреждения того или иного банка необходимо было решение Правительственного Сената. Так, 8 января 1870 г. был подписан Сенатский Указ об учреждении в Гомеле городского общественного банка. Его основной капитал при учреждении был определен в 20 тысяч рублей. В музейном фонде Национального банка хранится чек этого банка — неоспоримое “вещественное доказательство” существования банка.

Как и многие другие городские банки, это первое в Беларуси частное коммерческое денежно-кредитное учреждение выдавало долгосрочные займы под заклад городских и строительных участков. Капитал этих банков образовывался из средств городского бюджета, а кредитовались в основном средние и мелкие предприниматели. Кредиты предоставлялись также городской управе, местному земству, а прибыль от опера-

витием негосударственных кредитных учреждений. Формируя клиентуру, они переманивали заемщиков льготными условиями кредитования.

В 1882 г. открылся Крестьянский поземельный банк, а в 1885-м — Дворянский земельный банк. Создание двух последних было вызвано особым отношением российского самодержавия к двум основным условиям — дворянству и крестьянству (в музейном фонде Национального банка имеются финансовые документы и ценные бумаги указанных банков).

Дворянский земельный банк учреждался для поддержания помещичьего землевладения путем выдачи кредита дворянам на очень выгодных для них условиях под залог земель и строений. Правительство оказывало этому банку большую финансовую помощь через Государственный банк.

На Крестьянский поземельный банк возлагалась задача содействовать так называемым товариществам, а также отдельным крестьянам в приобретении земли под выдачу ссуд. Размеры ссуд колебались от 125 до 500 рублей на отдельного хозяина подворного землевладения, не превышая 70% стоимости покупаемой земли. Часть денег крестьянин-покупатель доплачивал из своих сбережений. Ссуды выдавались на 24 или на 34,5 года и погашались путем внесения процента денежной суммы в определенные сроки за каждое истекшее полугодие.

В 1895 г. правительство изменило Устав Крестьянского банка, который получил право покупки дворянских земель за свой счет с правом последующей перепродажи их по рыночной, более высокой, цене крестьянам под ссуду. Для этих целей между Крестьянским и Дворянским банками устанавливалось единство действий, выраженное в объединении управления — во главе обоих банков находился один управляющий.

Особенно широко был использован Крестьянский поземельный банк правительством для проведения реформы, предложенной П.А. Столыпиным. В 1906 г. банк получил право покупки земли независимо от размеров собственного капитала и с разрешением предоставлять льготный кредит крестьянам, покупавшим землю для выхода на отруба или хутора.

Крестьянский поземельный и Дворянский земельный банки являлись государственными ипотечными банками. Наряду с ними в конце XIX — начале XX в. появляются акционерные и частные банки. Открываются отделения крупнейших в Российской Империи банков: Северного банка, Русско-Азиатского банка, Азово-Донского банка и др.

В экспозиции Национального банка по истории финансовых учреждений представлены билеты и акция Минского коммерческого банка достоинством 250 рублей выпуска 1896 г. Известно, что 21 апреля 1873 г. министром финансов Российской Империи был утвержден Устав этого банка, а 10 сентября он приступил к работе. Учредителями банка стали представители местного бизнеса. Основной капитал при создании был определен в полтора миллиона рублей.

В соответствии с Уставом Минский коммерческий банк имел право на учет векселей, получение платежей по ценным бумагам и векселям, операции с драгоценными металлами, прием вкладов, хранение ценностей, перевод денег в города, где находились его отделения. Свои представительства банк имел не только

ций отчислялась на нужды городского благоустройства и благотворительные цели.

Более ранней даты образования банков на территории Беларуси не установлено.

Возникает естественный вопрос: почему небольшой Гомель, а не крупный губернский центр стал первым городом, имеющим банк? Дело в том, что после отмены крепостного права деловая активность в Гомеле заметно увеличилась, велось строительство железных дорог. Через город началось строительство Либаво-Роменской железной дороги, соединяющей Украину с Прибалтикой, и Поллеской, соединяющей всю южную часть современной Беларуси, Польшу, Украину. В этой связи наблюдается очень быстрый приток населения. Для решения насущных вопросов городской жизни необходимо было полноценное финансовое учреждение. Возможно, этим и обусловлено появление соответствующего решения Сената.

Кроме Гомеля на территории Беларуси городские банки работали в Полоцке, Витебске, Борисове, Могилеве, Игумене. Всего же к 1914 г. в Российской Империи существовало 319 таких банков.

Одним из важнейших явлений в банковской жизни страны стало образование и развитие акционерных коммерческих банков. Несмотря на то, что первоначально Государственный банк оставался крупнейшим коммерческим банком в Российской Империи, с 1870-х гг. его положение стало меняться в связи с раз-

на территории Беларуси — в Гомеле, Могилеве, Пинске, но и в других городах империи: Либаве, Ромнах, Конотопе, Житомире, Белой Церкви, Черкассах, Ворожбе, Сумах, Ровно.

Это был успешно развивающийся банк, постоянно набирающий обороты своей деятельности. В 1897 г. акции номинальной стоимостью в 250 рублей на Петербургской бирже продавались за 310, а правление банка ходатайствовало перед министром финансов С.Ю. Витте о переименовании денежно-кредитного учреждения в Западно-Русский Учетный банк, более соответствующий его реальному положению. Тем не менее с 1906 г. операции банка пошли на убыль, а 15 апреля 1912 г. правлением Минского коммерческого банка был утвержден договор с Азово-Донским банком об окончательной реализации актива и пассива.

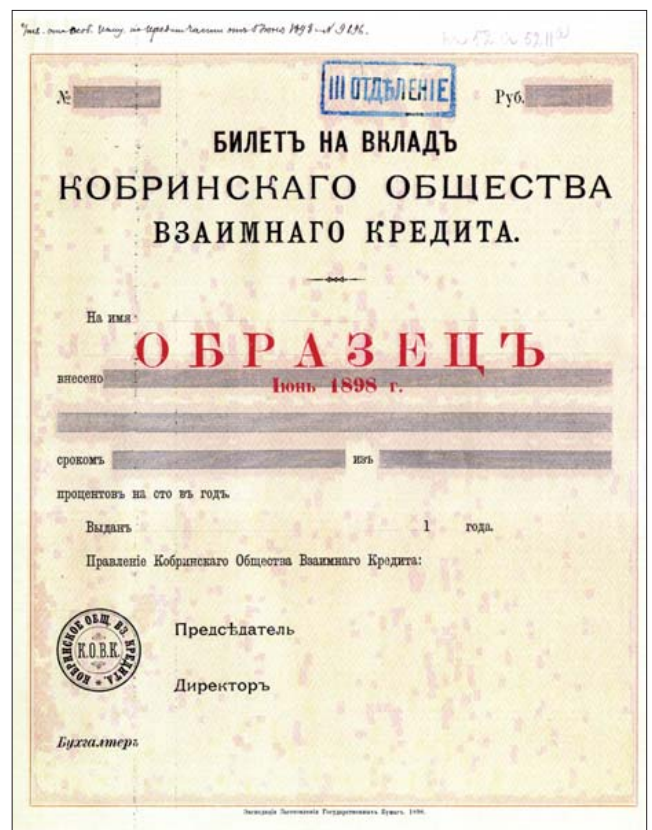
Формирование уставного капитала коммерческого банка путем выпуска и размещения акций, в том числе посредством подписки среди частных лиц и организаций, было принципиальным новшеством в банковской практике страны. Отныне открытие кредитного учреждения в том или ином регионе Российской Империи зависело не от воли и желания государства, а от наличия свободных денежных капиталов и стремления подписчиков принять участие в банковском предприятии. Во взаимоотношениях граждан с кредитной системой произошел эпохальный перелом: впервые гражданин, имевший капитал, получил право выступать в традиционной роли не только вкладчика, но и акционера коммерческого банка, то есть его совладельца. Последнее означало, что коммерческий банк являлся полной собственностью акционеров, а не государства.

Произошло исключительно важное для кредитной системы событие — отделение банка от государства. Частный банк не отвечал по обязательствам государства, казначейство было лишено возможности производить заимствования из его ресурсов. Это означало, что в принудительном порядке кредитные ресурсы коммерческого банка не использовались для финансирования дефицита государственного бюджета. Они в полном объеме служили интересам развития торговли и предпринимательства.

Мелкий бизнес пытался решить проблемы получения кредита путем организации обществ взаимного кредита. Коллекция финансовых документов из музейного фонда Национального банка располагает многочисленными свидетельствами этого процесса. Среди них: билеты Общества взаимного кредита Кобрин, Минска, Могилева; облигации Минского Городского кредитного общества 1910, 1911, 1914, 1917 гг. различного достоинства, а также Брест-Литовска и Гомеля. К 1914 г. в Беларуси насчитывалось 74 общества взаимного кредита, однако развитие получили лишь те, которые сотрудничали с коммерческими банками.

Для управления делами мелкого кредита учреждались губернские комитеты по делам мелкого кредита. В их функции входило:

1. Разрешение открытия учреждений мелкого кредита, действовавших на основании типовых уставов.
2. Представление в Управление по делам мелкого кредита ходатайств о допущении отступлений от типовых уставов и предоставлении ссуд из выделенных на нужды мелкого кредита сумм денег.
3. Назначение ревизий учреждений мелкого кредита.

4. Составление годовых отчетов о положении мелкого кредита в губернии и деятельности кредитных учреждений.

К учреждениям мелкого кредита относились кредитные товарищества, ссудосберегательные товарищества, сельские, волостные общественные ссудосберегательные кассы, земские кассы. Эти учреждения выдавали ссуды на оборотные средства, приобретение инвентаря, хозяйственную модернизацию, принимали денежные вклады, заключали займы и т. д.

Об открытии учреждений мелкого кредита губернский комитет сообщал в прессе.

В 60-х гг. XIX в. Российское правительство вынуждено было коренным образом реорганизовать старую кредитную систему. И это нашло отражение в ликвидации существовавших казенных банков, организации новых государственных кредитных учреждений, разрешении образования негосударственных банков.

За считанные годы кредитная система Российской Империи вышла из состояния вековой спячки, сделала гигантский шаг вперед. В результате реформы банковского дела была создана разветвленная кредитная система, организованы банки нового типа, появились и получили большое развитие качественно иные банковские операции. В состав кредитной системы вошли Государственный банк, коммерческие акционерные банки, ипотечные банки, общества взаимного кредита, городские банки, кредитная кооперация. Все это представляло собой достаточно устойчивую, слаженную систему вплоть до социальных потрясений 1917 г.

После победы Октябрьского вооруженного восстания ВЦИК 14 (27) декабря 1917 г. принял Декрет «О национализации банков». Банковское дело объявля-

лось государственной монополий, создавался Народный банк РСФСР, на местах учреждались его конторы и отделения. На территории Беларуси создание учреждений Народного банка не получило широкого развития в связи с гражданской войной и военной интервенцией. Тем не менее имеются сведения, что в марте 1919 г. в системе Народного комиссариата финансов Литовско-Белорусской республики была образована Минская окружная контора Народного банка. Фактически это был орган по снабжению денежными знаками. Но уже 19 января 1920 г. Народный банк РСФСР и его местные органы, в том числе и Минская окружная контора, были упразднены с передачей всего актива и пассива органам Народного комиссариата финансов РСФСР.

Затем 4 октября 1921 г. Декретом СНК и ВЦИК был учрежден Государственный банк РСФСР.

Совет Народных Комиссаров БССР 3 декабря 1921 г. принял постановление об организации в Минске Белорусской конторы Государственного банка (Протокол № 32 заседания Совета Народных Комиссаров).

Контора Госбанка начала функционировать в г. Минске 3 января 1922 г. Открываются местные отделения в Витебске, Борисове, Бобруйске, Могилеве и агентства в Слуцке, Мозыре, Орше, Климовичах, Полоцке.

В 1923 г. в связи с образованием СССР Белорусская контора, входившая до этого в состав Наркомфина БССР, вошла в состав Госбанка СССР.

В течение 1923—1925 гг. в составе конторы функционировали отделы: учетно-ссудный, пассивных операций, иностранных операций, взаимных расчетов, кассовых операций, товарно-ссудных операций, хлебный, административно-хозяйственный. Были также главная бухгалтерия и некоторые другие службы. Всего в конторе в июле 1925 г. работало 72 человека.

В январе 1927 г. в ведение Белорусской конторы перешло Гомельское отделение, подчинявшееся ранее непосредственно Правлению Госбанка СССР; в июле ей были переданы функции приходно-расходных касс Наркомфина БССР.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 12 июля 1929 г. был утвержден Устав Госбанка СССР. Уставом определялось, что республиканская контора является частью единого государственного банка СССР и действует на началах хозяйственного расчета. Белорусская контора регулировала денежное обращение, проводила краткосрочное кредитование промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, покупала и продавала золото и другие драгоценные металлы, иностранную валюту, проводила учет векселей, прием денежных вкладов, подписки на облигации Государственных займов и др.

С ростом промышленного потенциала, развитием сельского хозяйства, транспорта, торговли, снабжения повышалась и роль Госбанка в Белорусской ССР. В 1940 г. в республике функционировало 10 областных контор и 184 отделения Госбанка. В их распоряжении было 24 легковых автомобиля, 9 грузовых и 73 лошади. Численность основных банковских работников на 1 января 1941 г. составляла 4087 человек.

После внезапного нападения фашистской Германии учреждения Госбанка на территории Беларуси оказались в очень сложных условиях. Несмотря на обстрелы, разрушенные дороги, нехватку транспорта, необходимо было обеспечить эвакуацию ценностей и документации. Известно, что уже 25 июня Белорусская республиканская контора Госбанка была эвакуирована в Тамбов, где находилась до 8 ноября 1941 г., а затем в Караганду. По распоряжению Правления Госбанка СССР от 2 марта 1942 г. контора переехала в Горький. С 9 сентября 1943 г. Белорусская республиканская контора Госбанка была закрыта.

По мере освобождения территории Беларуси от оккупантов восстанавливалась сеть банковских учреждений в республике. На основании постановления Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР от 14 октября 1943 г. Белорусская республиканская контора Госбанка возобновила свою работу в Москве; в декабре 1943 г. переезжает в Гомель, в июле 1944-го — в Минск. Ощущается резкая нехватка квалифицированных кадров. Достаточно сказать, что в 1945 г. во всех учреждениях Госбанка республики насчитывалось немногим более 150 специалистов и только 53 человека — с высшим образованием.

За послевоенное время нашими предшественниками, которые гордо называли себя “банковцами”, было много сделано для развития экономики страны: нормализовано денежное обращение, укреплен покупательная способность рубля, улучшено материально-техническое обеспечение. Эти задачи решались в том числе и благодаря денежным реформам 1947 г. и 1961 г., проведение которых было возложено на Государственный банк.

Начавшаяся в 1985 г. перестройка заложила основу перехода существовавшей денежно-кредитной системы к новому качественному состоянию. Развитие демократии и гласности позволило коренным образом изменить общественное сознание и повлиять на становление рыночных отношений в экономике. Все это послужило началу становления двухуровневой банковской системы.

Верховный Совет Белорусской ССР 14 декабря 1990 г. принял законы “О Национальном банке Белорусской ССР” и “О банках и банковской деятельности в Белорусской ССР”, которые вступили в силу 1 января 1991 г., а 21 декабря 1990 г. — постановление о национализации республиканских банков Госбанка СССР. Банковская система вступила в новейшую историю.

Таким образом, на основании исторических документов и фактов можно говорить о том, что датой образования банковской системы Беларуси следует считать дату появления Гомельского городского общественного банка — 8 января 1870 г. Замена даты не требует внесения изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 1998 г. № 157 “О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь”, поскольку профессиональный праздник банковских и финансовых работников отмечается в первое воскресенье января.

P.S. Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 12 декабря 2011 г. № 572 рекомендовано считать датой образования банковской системы Республики Беларусь 8 января 1870 г.

Mikhail SIMONIUKOV

Development of Pre-revolutionary Russia's Financial Institutions: Iconic Figures

The article says about the most prominent personalities who went down in the history of the development of the pre-revolutionary Russia's financial system and contributed significantly to the making of the banking system on the Belarusian territory, an important economic region of the Russian Empire. Furthermore, the author briefly considers the main stages of this period.

Kshyshtof FILIPOV, Barbara KUKLIK

Valeriy Kostshembsky (1828-1899)

The authors told a life of Valeriy Kostshembsky, a 19th century Polish numismatist. He worked for the Assay Office of the Warsaw Mint, was an active member of the numismatic movement, and did research.

Alexander BUGROV

Ivan Andreevich Schlatter and his Contribution to the Development of the Coinage Trade in Russia

The article by A.V. Bugrov, Ph.D. in History, focuses on activities of Ivan Andreevich Schlatter (1708-1768), an outstanding Russian expert in the metallurgy and coinage trade, who contributed greatly to the development of the coinage trade in Russia. His name is associated with the resumption of the St. Petersburg Mint's activities and creation of the national school of medalists. His invaluable findings in the field of physics were used in Russian coinage over many decades. Schlatter came up with the idea of striking the Siberian coin in compliance with special weight norm and the project — carried out at the beginning of the reign of Catherine II — to change gold and silver content of Russian coins with the establishment of the European ratio of gold value to silver value (1:15).

Iryna SHORATS

Adam Bagdanovich — an Employee of the Peasant's Land Bank

Adam Bagdanovich's life and career became the object of the author's study. A folklorist, an ethnographer, and a linguist, he was known, above all, as the parent of Belarusian poet Maxim Bagdanovich. The article also says about activities of the Peasant's Land Bank where Adam Bagdanovich worked.

Alexander BAYURA

Western Belarus's Banking Credit Institutions in 1919-1939

Until recently the Belarusian literature on history and economy did not address the issue about the making, the development, and the operation of banking credit institutions on the territory of Western Belarus during the interwar years. This article represents the first attempt to fill partly a void citing Polesye Voivodeship as an example.

Zbyshek SHUSTEK

Documentary Significance of ID Cards for the History of Money

The author illustrates with examples how ID cards and passports may be studied in terms of history and what approaches to the classification of their collections or information contained therein on the history of money may be taken. The study dealt with the ID cards issued by public authorities in the form of national and temporary national and international passports, inserts in national passports, and permissions to cross the border.

Andrei GETSEVICH

Banking in Grodno Region (the late 19th—early 20th centuries)

Analyzing historical facts and archive documents the author explores prerequisites for the emergence of banking in Grodno region and also tells about banks and peculiar features of their operation in the late 19th — early 20th centuries.

Dmitriy BAKINOVSKIY

Main Stages of the Making and the Development of JSC "JSSB Belarusbank"

The article looks, through the prism of 90-year history, at the stages of the formation, the making, and the development of Belarus's largest lending financial institution which went through reorganizations and transformations from the first savings banks to the republican savings bank and thereafter JSC "JSSB Belarusbank".

Lyubov BAKHANOVA

On Labor Discipline in the Vitebsk Regional Office of the USSR State Bank: 1940-1950

Based on archive documents and the staff's personal recollections the author gives us an opportunity to come to know how employees of the USSR State Bank on the Belarusian territory were working in 1940-1950.

Elena DIVINSKAYA

History of the NEP (New Economic Policy) in Museum Exhibits

This article is about bonds of the State 6% lottery loan of 1922, terms of their offering, and popularization thereof by the Soviet government. Peculiar features of securities operations in the Byelorussian Soviet Socialist Republic are analyzed on the basis of articles in *The Zvezda*.

Voitekh ROYEK

War Fortune of the Polish Bank's Gold

The article looks at the six-year period of war (from 1939 to 1945) when gold reserves of Poland were basically preserved in full despite the variety of abnormal and sometimes even dramatic and suddenly changing situations. According to the author, this happened not only thanks to the staff of the Polish Bank and the country's authorities, but also largely to the good will of all representatives of foreign states who took part in the restitution thereof.

Yulia LATUSHKOVA

Financial Life of Minsk (August 8, 1919 — July 11, 1920)

The time of the Polish occupation is a short, however very interesting and poorly studied period in the history of Minsk. What happened to the life of the city and its population? How did townspeople respond to the actions of new authorities? How did money circulate in the city under the Polish occupation? The author tries to answer these questions exploring archive materials of *The Minskiy Kurier*.

Valeriy SHISHANOV

Attempts to "Westernize" Russian Monetary System under Paul I

Based on archive documents the author sheds light on the attempts to reform Russian money circulation in the late 18th century. The new coin which was intended to promote the convergence of the monetary systems of Russia and European countries was minted as part of these attempts.

Sviatlana HAURLAVA

Regulatory Support for Museum Activities

An active process of establishing the framework of new Belarusian legislation is taking place in the last few years. The most important regulatory acts on creation of the legal framework for the preservation and development of the national culture have been passed. This article considers current issues of regulatory support for museum activities.

Sergei DUBKOV, Irina MASKO

Banks on the Belarusian Territory: Milestones in History

This publication is about the results of the study into the making and the development of financial institutions on the Belarusian territory. The authors conclusively prove the existence of the banking system long before the official date of its establishment — January 3, 1922 — and raise the issue of changing the date of the emergence of the banking system based on in-depth study of historic documents.

Срэбная памятная манета

ПАЛЕАЛІТЫЧНАЯ ВЕНЕРА. КАСЦЁНКІ

серыі “Свет скульптуры”

Уведзена ў абарачэнне
14 кастрычніка 2011 г.

Дызайн: Святлана Някрасава.

Чаканка: ЗАТ “Літоўскі
манетны двор”.

Манета мае прамавугольную форму памерам 28,00 x 40,00 мм. З пярэдняга і адваротнага бакоў — кант, які выступае па перыметры. Бакавая паверхня манеты гладкая.

Аверс:

уверсе злева — рэльефны відарыс Дзяржаўнага герба Рэспублікі Беларусь; у цэнтры — выява наскальнага малюнка быка ў пячоры Ласко ў Францыі; надпісы: на малюнку — ПЯЧОРА ЛАСКО, злева ад яго — РЭСПУБЛІКА, уверсе — БЕЛАРУСЬ, унізе — год чаканкі і намінал 20 РУБЛЁЎ.

Рэверс:

у цэнтры — рэльефная выява найстаражытнейшай статуэткі палеалітычнай Венеры, знойдзенай у с. Касцёнкi (Варонежская вобласць), якая сімвалізуе багіню ўрадлівасці; злева надпіс: ПАЛЕАЛІТЫЧНАЯ ВЕНЕРА. КАСЦЁНКІ; справа ўнізе — проба сплаву.

Манета адчаканена:

наміналам 20 рублёў — якасцю “пруф” (вага — 28,28 г, проба сплаву — 925, тыраж — да 3500 штук).

ISSN 2071-8896

9 772071 889006 1 2001